ПУБЛИЦИСТЪ-ГРАЖДАНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ

Григорія Константиновича Градовскаго

СЪ ПОРТРЕТАМИ И СНИМКАМИ

Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—
своему основателю

Вырученная отъ продажи сборника сумма поступаетъ полностью въ пенсіонный фондъ имени Г. К. Градовскаго

Тип. П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная ул., 12
1916

ПУБЛИЦИСТЪ-ГРАЖДАНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ

Григорія Константиновича Градовскаго

СЪ ПОРТРЕТАМИ И СНИМКАМИ

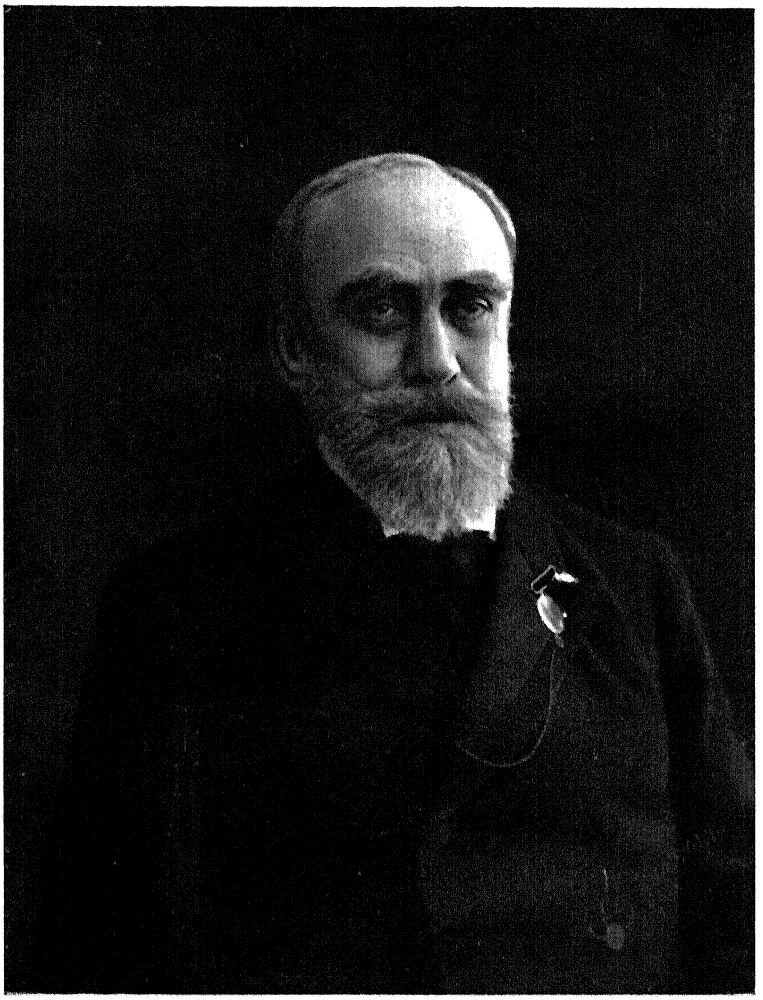
Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—
своему основателю

Вырученная отъ продажи сборника сумма поступаетъ полностью въ пенсіонный фондъ имени Г. К. Градовскаго

Тип. П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная ул., 12
1916

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 31 марта 1916 г.

5693



Григорій Трапезниковъ

15-го апрѣля 1915 г. нашелъ себѣ успокоеніе на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища создатель кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, извѣстный публицистъ Г. К. Градовскій. Не великъ былъ кругъ лицъ, сомкнувшійся у свѣжей могильной насыпи. Тѣмъ тѣснѣе ихъ сплотило общее чувство скорби объ утратѣ писателя, такъ много потрудившагося въ интересахъ другихъ тружениковъ пера. Мысль невольно останавливалась на тѣхъ жертвахъ нравственнаго и матеріальнаго характера, которыя такъ самоотверженно были принесены имъ для общаго дѣла писателей. Не остались ли они въ долгу передъ памятью почившаго? Было предложено позаботиться о постановкѣ памятника на его могилѣ, и тутъ же былъ начатъ сборъ для этой цѣли. Явилось и другое предложеніе—освѣтить многолѣтнюю дѣятельность Г. К. Градовскаго особымъ, хотя бы и скромнымъ по размѣрамъ, изданіемъ отъ кассы литераторовъ. Членъ кассы В. В. Святловскій предложилъ принять на себя расходы по изданію «брошюры» и затѣмъ представилъ для этого въ правленіе кассы взносъ въ суммѣ 150 рублей. Общее собраніе членовъ кассы встрѣтило эту мысль съ особымъ сочувствіемъ и пожелало значительно расширить первоначально намѣченныя рамки, не ограничиваясь объемомъ брошюры. За дѣло принялась особая избранная общимъ собраніемъ комиссія подъ предсѣдательствомъ Е. П. Карпова, въ составѣ: В. А. Апушкина, А. Е. Кауфмана, Я. Н. Колубовскаго, С. Ф. Либровича, Э. К. Пекарскаго, Л. З. Слонимскаго, при участіи секретаря правленія кассы В. К. Кузнецова. Всѣ расходы по изданію сборника весьма обязательно принялъ на себя членъ кассы П. П. Сойкинъ, давнишній почитатель Г. К. Градовскаго. Редакція сборника была поручена А. Е. Кауфману и Я. Н. Колубовскому.

Какъ и во всякомъ совмѣстномъ трудѣ, въ сборникѣ оказались неизбѣжными нѣкоторыя повторенія и несоотвѣтствія. Устранять ихъ—значило бы посягать на индивидуальность авторовъ. У каждаго—свой уголъ зрѣнія и своя оцѣнка событій. Анонимныхъ статей въ сборникѣ вовсе нѣтъ, и потому отвѣтственность за высказанные взгляды и сужденія должна казаться достаточно обезпеченной.

Въ сборникъ вошла въ дополненной редакціи статья самого Г. К. Градовскаго «Поѣздка въ Ясную Поляну», въ связи съ его яснополянской перепиской.

АВТОБІОГРАФІЯ Г. К. ГРАДОВСКАГО *).

Родился 31 октября 1842 года въ малороссійскомъ селѣ Макарихѣ, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ., вблизи бывшаго Запорожья, въ состоятельной и по тогдашнему образованной помѣщичьей семьѣ. До 11 лѣтъ не выѣзжалъ изъ деревни. Были, конечно, бонны и гувернантки. Въ зимніе вечера часто происходили чтенія вслухъ извѣстнѣйшихъ тогдашнихъ романовъ, русскихъ и французскихъ. Слушалъ съ жадностью. Въ 7 или 8 лѣтъ былъ боленъ какимъ-то воспаленіемъ и при выздоровленіи съ удовольствіемъ слышалъ, какъ докторъ совѣтовалъ матери «поменьше учить», выражая обычныя предостереженія противъ преждевременнаго умственнаго развитія.

Въ 1853 г., въ августѣ, повезли меня «на своихъ» (на долгихъ), съ короткими упряжками и длинными роздыхами, за 350 верстъ въ Харьковъ. Отдали въ ученье къ французу-учителю 1-й Харьковской (университетской) гимназіи. Тогда, за рѣдкими исключеніями, почти всѣ учителя и даже директора держали пансіонеровъ, въ видѣ доходной статьи, для пополненія прорѣхъ скуднаго жалованья. Такіе пансіонеры представляли тогда своего рода «аристократію» въ гимназіи, въ сравненіи съ приходящими («волонтерами») другихъ сортовъ, и въ особенности, сравнительно съ «казенными» пансіонерами самой гимназіи, которыми завѣдывалъ инспекторъ.

Весной 1854 года выдержалъ экзаменъ во второй классъ той же Харьковской 1-й гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1859 году; экзамены всегда держалъ очень хорошо и во время ихъ занимался очень усердно, но въ учебное время лѣнился.

*) Помѣщаемый здѣсь автобіографическій очеркъ Г. К. Градовскаго, впервые появляющійся полностью въ печати, написанъ былъ покойнымъ публицистомъ въ 1888 г. для «Словаря русскихъ писателей» проф. С. А. Венгерова и любезно предоставленъ послѣднимъ въ наше распоряженіе. *Ред*

Перечиталъ множество романовъ, какихъ только можно было достать у товарищей, въ библіотекѣ учителя (французскіе) и въ деревнѣ, куда ѣздилъ всякое лѣто, на каникулярное время. Особенно любилъ романы историческіе, зачитывался Вальтеръ-Скоттомъ и Дюма и, такъ называемыми, рыцарскими романами, съ ихъ прелестными Брунегильдами и Беатрисами, съ подвигами оруженосцевъ и рыцарей. Книги эти, никѣмъ нетревожимыя, покоились на пыльныхъ полкахъ дѣдовской библіотеки, были напечатаны на синевато-грязной тоненькой бумагѣ, кудреватымъ шрифтомъ (похожимъ на шрифтъ «Московскихъ Вѣдомостей»), въ кожаныхъ переплетахъ съ красными или расписными обрѣзами. Надо полагать, что этого рода чтеніе отразилось на поведеніи и характерѣ, такъ какъ учитель-французъ часто укорялъ и угрожалъ фразою: «Будете вы донъ-Кихотомъ». На вопросъ, что такое донъ-Кихотъ, учитель далъ французскій иллюстрированный переводъ Сервантеса. Но безсмертная книга не произвела желаннаго учителю впечатлѣнія. Изъ нея была вынесена глубочайшая симпатія къ ея герою и негодованіе къ людямъ, осмѣивавшимъ его высокіе подвиги и возвышенные порывы. Очень можетъ быть, что предсказаніе на счетъ донкихотства, отчасти, сбылось...

Позже всего познакомился съ русскою литературою. Началось это знакомство, кажется, съ Загоскина, Нарѣжнаго и потомъ Гоголя («Тарасъ Бульба», «Вечера на Хуторѣ»). Потомъ слѣдовали Пушкинъ, Лермонтовъ. Вся частная городская библіотека была перечитана.

Въ 1859 году, 16½ лѣтъ, безъ экзамена, прямо изъ гимназіи, поступилъ въ Харьковскій университетъ, на юридическій факультетъ. Тутъ была еще смѣсь стараго, метафизическаго или философско - сухого и абстрактнаго преподаванія съ болѣе свѣжими ростками юридическихъ и политическихъ наукъ, поставленныхъ на историческую и экономическую почву. Самое чтеніе раздѣлялось на чтеніе «по запискамъ», имѣвшимъ отъ роду 25—30 лѣтъ, и на чтеніе болѣе живое, устное. Первый разрядъ лекцій былъ утомительно скученъ и посѣщался изрѣдка; но удобно зазубривался и причинялъ менѣе хлопотъ на экзаменѣ, благодаря своей неподвижной опредѣлительности и законченности; вторыя—посѣщались и слушались очень охотно, но ставили въ критическое положеніе при экзаменѣ, — пока не появились спасительныя литографіи. Еще лучше стало, когда начали издаваться прежде невѣдомые учебники, курсы и т. п. иностранныхъ ученыхъ, а потомъ и нашихъ.

Почти четыре года студенческой жизни въ Харьковѣ про-

летѣли въ театрѣ, на вечерахъ и балахъ, въ товарищескихъ спорахъ и кружкахъ, въ чтеніи всякой всячины (поэзіи, ученыхъ трактатовъ и подпольныхъ произведеній, начиная съ «Колокола» и кончая Бюхнеромъ, Фейербахомъ, Молешоттомъ и т. д.). Менѣе всего времени удѣлялось университету и его лекціямъ.

Тутъ произошло великое дѣло освобожденія крестьянъ. Но «порвалась цѣпь великая, ударивъ однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику» (Некрасовъ). Родители принадлежали къ числу добрыхъ помѣщиковъ, которые наживать не умѣли. Въ 1863 году помѣщичьи дѣла такъ запутались, что молодому поколѣнію пришлось подумать о хлѣбѣ насущномъ, заработанномъ собственными руками. Чтобы рѣшительно порвать всѣ связи съ прошлою безпечальною и беззаботною жизнью, на всемъ готовомъ, — пришлось въ 1863 году переѣхать въ Кіевъ. Здѣсь началась истинно труженическая жизнь студента, который, кромѣ своей головы и своихъ рукъ, не можетъ ни на что разсчитывать. Въ томъ же 1863 году началъ сотрудничать въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», который издавался какимъ-то чудомъ нѣкимъ добрякомъ, отставнымъ военнымъ Альфредомъ Августовичемъ Юнгомъ, безъ денегъ, безъ знаній и даже безъ грамматики.

Въ 1864 году выдержалъ окончательный экзаменъ въ Кіевскомъ университетѣ и получилъ дипломъ «кандидата законовѣдѣнія». Въ 1865 году поступилъ на службу въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, не имѣя ни знакомствъ, ни протекціи. Въ томъ же году сталъ принимать постоянное и все болѣе разраставшееся участіе въ «Кіевлянинѣ». Это была хорошая литературная и публицистическая школа. «Кіевлянинъ» издавался тогда извѣстнымъ профессоромъ всеобщей исторіи В. Я. Шульгинымъ, принадлежавшимъ къ цвѣту Кіевскаго университета. Само собою разумѣется, что въ то время «Кіевлянинъ» былъ горячимъ сторонникомъ всѣхъ реформъ прошлаго царствованія и въ скорѣйшемъ и возможно широкомъ распространеніи ихъ видѣлъ единственное правильное, успѣшное и прочное орудіе для поднятія западно-русскихъ народныхъ и общественныхъ силъ, для скрѣпленія нашихъ окраинъ нравственными и умственными узами съ русскою государственностью, для предотвращенія навсегда печальныхъ для насъ и славянскаго дѣла событій 1831 и 1863—1864 годовъ.

Кстати замѣтить—газеты началъ я читать съ 12-тилѣтняго возраста. Толчкомъ послужили событія Крымской войны, тя-

жесть и разочарованія которой всего сильнѣе отразились на моей родинѣ, представлявшей ближайшій тылъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ на Дунаѣ, такъ, потомъ, и въ Крыму.

Съ 1866 года начинаются мои поѣздки въ Петербургъ и болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ столицѣ—по дѣламъ службы. Тутъ пришлось помѣстить нѣсколько статей въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Главная цѣль этихъ статей заключалась въ томъ, чтобы поддержать нѣкоторыя политическія мѣры по отношенію къ Западному краю (преимущественно по крестьянскому дѣлу)—встрѣчавшія или непониманіе и равнодушіе, или даже противодѣйствіе въ нѣкоторыхъ бюрократическихъ сферахъ Петербурга. Статьи эти были приняты настолько радушно, что въ 1867 г. В. Ѳ. Коршъ предложилъ даже мнѣ бросить службу, переѣхать окончательно въ Петербургъ и принять постоянное и ближайшее участіе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ качествѣ второго редактора.

В. Ѳ. Коршъ тогда уже часто нуждался въ отдыхѣ и продолжительныхъ отлучкахъ за границу. Какъ ни лестно и ни заманчиво было это предложеніе для 25-тилѣтняго молодого человѣка, но я не рѣшился его принять. Въ то время служба моя шла очень успѣшно, занимала меня и увлекала мыслью, что дѣятельное участіе въ администраціи можетъ служить лучшимъ ручательствомъ въ практическомъ осуществленіи тѣхъ идей, которыя владѣли перомъ публициста 60-хъ годовъ. Я занималъ уже должность чиновника особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ А. П. Безакѣ и завѣдывалъ особенно важными дѣлами тогдашняго управленія въ Юго-Западномъ краѣ. Въ 1868 году, въ декабрѣ, генералъ-адъютантъ А. П. Безакъ умеръ на моихъ рукахъ въ Петербургѣ, а кіевскимъ генералъ-губернаторомъ вскорѣ былъ назначенъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. Такъ какъ во многихъ отношеніяхъ политика перемѣнилась, и я пришелъ къ заключенію, что эта перемѣна затормозитъ на неопредѣленное время, такъ называемое, «исключительное положеніе» Западнаго края,—то я бросилъ службу въ Кіевѣ и осенью 1869 года переѣхалъ въ Петербургъ.

Благодаря нѣкоторымъ связямъ и знакомствамъ, которыя мнѣ случилось завязать во время ежегоднаго пребыванія въ Петербургѣ, я не замедлилъ получить мѣсто въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, по приказанію бывшаго тогда министромъ А. А. Зеленаго, который зналъ меня лично. Тѣмъ

не менѣе, сухая канцелярская служба петербургскихъ департаментовъ меня не удовлетворяла. Она была совершенною противоположностью тому живому дѣлу, которое представляла тогдашняя служба въ Западномъ краѣ, гдѣ пересоздавались старые, чуждые Россіи, порядки и вводились новые. Въ Западномъ краѣ тогда не было русскаго общества или оно находилось въ загонѣ, а народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ, безправіи и тяжкой экономической зависимости, такъ что государственной

Г. К. Градовскій
въ 1878 году, во время появленія его фельетона о дѣлѣ Вѣры Засуличъ.

власти предстояла самая великая и благодарная задача: поставить на ноги народъ и создать русскія общественныя силы. Утративъ возможность содѣйствовать этой задачѣ путемъ службы, я тѣмъ усерднѣе предался публицистической работѣ. Для меня тогда были открыты страницы не только «Кіевлянина», но и «Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостей». Первая газета должна была считаться съ цензурою и съ перемѣнившимися взглядами мѣстной политики. Поэтому, естественно, статьи мои стали тяготѣть къ столичнымъ газетамъ. Я былъ тогда совершенно чуждъ всякихъ литературныхъ партій, направленій и оттѣнковъ, раздѣлявшихъ нашу столичную печать. Изъ всѣхъ литераторовъ я лично зналъ въ то время только В. Ѳ. Корша и М. Н. Каткова. Тогдашнія «С.-Петербург-

скія Вѣдомости» мнѣ были очень симпатичны въ своихъ отношеніяхъ къ внутренней политикѣ, но погрѣшали по отношенію къ западно-русскому дѣлу, безсознательно приближаясь въ этомъ отношеніи иногда даже къ реакціонной «Вѣсти», называвшей администрацію Западнаго края (до появленія въ Вильнѣ Потапова, а въ Кіевѣ—кн. Дондукова-Корсакова)—«босоногими патріотами» и «красными революціонерами». «Московскія Вѣдомости» представляли обратное явленіе. Онѣ ближе знали положеніе вещей въ Западномъ краѣ и принимали ихъ очень горячо къ сердцу. Отношенія этой газеты къ вопросамъ западно-русской политики можно скорѣе всего назвать «радикальными», особенно если сравнить ихъ со взглядами ея на общіе вопросы внутренней политики. Но не слѣдуетъ забывать, что даже въ началѣ 70-хъ годовъ (не говоря уже о 60-хъ),—вся русская печать была болѣе или менѣе «либеральна» и, во всякомъ случаѣ, стояла на сторонѣ преобразованій Царя-Освободителя. Первое реакціонное исключеніе представляла «Вѣсть» и, вслѣдъ за нею, «Русскій Міръ» (редакція г. Комарова, съ М. Г. Черняевымъ за кулисами).

При такихъ обстоятельствахъ весьма понятно, что я не только съ удовольствіемъ принялъ предложеніе о постоянномъ сотрудничествѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но и счелъ особенно лестнымъ для себя, когда въ апрѣлѣ 1870 года М. Н. Катковъ пригласилъ меня завѣдывать Петербургскимъ отдѣленіемъ редакціи этой газеты.

Въ историко-литературномъ отношеніи, быть можетъ, полезно отмѣтить, что для людей, стоявшихъ внѣ литературно-публицистическихъ кружковъ, легче было уяснить многія прегрѣшенія тогдашней столичной печати. Петербургская журналистика недостаточно понимала, что западно-русская политика шестидесятыхъ годовъ вполнѣ совпадала съ тѣми общими задачами, которыми задавалась преобразовательная дѣятельность правительства относительно всей Россіи. Точно также со стороны было виднѣе, что нарождавшаяся реакціонная печать, къ которой затѣмъ, мало-по-малу, примкнули виднѣйшіе представители московской журналистики, не только направлена была противъ развитія коренной Россіи, но и уничтожала единственно вѣрный путь для прочнаго нравственнаго сближенія всѣхъ окраинъ нашего государства, окраинъ, много натерпѣвшихся отъ мѣръ чисто полицейскаго и внѣшняго характера, доказавшихъ свою несостоятельность печальными событіями 1831 и 1863—1864 годовъ. Я былъ одинаково чуждъ, какъ тому «либерализму», который не разглядѣлъ истинныхъ интересовъ

государства въ западной половинѣ Россіи и не замѣчалъ народныхъ массъ за чуждыми Россіи культурными классами, такъ и тому «консерватизму», который хотя и вполнѣ сочувствовалъ западно-русской политикѣ, но не понималъ, что она должна являться только отпрыскомъ нашего общаго безостановочнаго развитія, создающаго притягательную силу, вмѣсто отталкивающей и, во всякомъ случаѣ, непрочной, чисто внѣшней связи. Въ Западномъ краѣ точно такъ же, какъ и на другихъ окраинахъ, приходится то же дѣлать, что и внутри Россіи, съ тою только разницею, что подъемъ нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ силъ народа и общества въ коренной Россіи находится въ зависимости болѣе всего отъ простора и развитія общественности, отъ устраненія преградъ и препятствій, созданныхъ старыми бытовыми условіями крѣпостной Россіи, а на окраинахъ требуются болѣе активная дѣятельность и вмѣшательство государственной власти ради того же общей цѣли.

Изложенные взгляды служили главною основою всей моей публицистической дѣятельности, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ «С.-Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», объясняя въ то же время мое у е д и н е н н о е положеніе относительно тогдашнихъ направленій главнѣйшихъ органовъ столичной журналистики. Ни къ одному изъ нихъ в с е ц ѣ л о я не могъ примкнуть.

Въ концѣ 1871 года князь В. П. Мещерскій задумалъ издавать ежедневную газету «Гражданинъ» по самой широкой программѣ. Какое значеніе придавалъ князь Мещерскій своему изданію, благодаря тогдашнему своему офиціальному положенію, объяснять теперь неумѣстно. Обстоятельство это, однако, послужило главнѣйшимъ основаніемъ моего согласія принять на себя редакцію этого изданія и отвѣтственность за него передъ публикою, когда князь Мещерскій обратился ко мнѣ съ этимъ предложеніемъ. Въ январѣ 1872 г. появился первый нумеръ «Гражданина», подъ моей редакціей. Съ этого же перваго нумера и благодаря той встрѣчѣ, которая ему была оказана въ наиболѣе уважаемыхъ органахъ печати, я убѣдился, что всѣ мои разсчеты и всѣ тѣ толки, которыми окружалось это изданіе, оказались ложными. Мое положеніе оказалось фальшивымъ, невыносимымъ въ нравственномъ смыслѣ. Годъ, проведенный въ сношеніяхъ съ княземъ Мещерскимъ, я считаю самымъ несчастнымъ временемъ моей жизни и литературной дѣятельности. Единственнымъ помысломъ моимъ было—какъ бы поскорѣе развязаться съ этимъ тягостнымъ положеніемъ

Осенью я предложилъ князю Мещерскому: или передать мнѣ вполнѣ право на «Гражданинъ», или освободить меня отъ выполненія заключеннаго нами на два года контракта. Переговоры по этому поводу длились до конца 1872 года (перваго года изданія), когда Ѳ. М. Достоевскій согласился занять мое мѣсто. Какія причины побудили Ѳ. М. Достоевскаго принять на себя ту роль, отъ которой я отказывался,—мнѣ неизвѣстно. Онъ не заговаривалъ объ этомъ, а я не считалъ умѣстнымъ навязывать ему тѣ впечатлѣнія и выводы, которые вынесены были мною изъ сношеній съ княземъ Мещерскимъ. Какъ бы то ни было, передача редакціи такому лицу, какъ Достоевскій, доставила мнѣ хотя нѣкоторое нравственное удовлетвореніе. Участіе въ «Гражданинѣ» принесло мнѣ крупныя матеріальныя потери и оставило меня въ 1873 году безъ дѣла и заработка. Черезъ полгода, однако, мнѣ удалось снова заняться государственной службой, въ Министерствѣ Юстиціи по законодательной части.

Въ то же время редакція «Русскаго Міра» перешла въ руки П. А. Висковатова, и мнѣ предложено было завѣдываніе внутреннимъ отдѣломъ этой газеты. При этихъ-то журнальныхъ занятіяхъ произошелъ мой разрывъ съ «Московскими Вѣдомостями», съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе разроставшійся и дошедшій до того, что въ передовыхъ статьяхъ этой газеты меня, бывшаго сотрудника, не разъ обвиняли въ политической неблагонадежности и въ потрясеніи государственныхъ и соціальныхъ основъ. Начало этого памятнаго для меня во всѣхъ отношеніяхъ разрыва связано съ разнорѣчіями, возникшими по поводу самарскаго голода. «Московскія Вѣдомости» сперва отрицали фактъ голода, а потомъ обвиняли земство за непринятіе мѣръ противъ этой бѣды. На дѣлѣ же, какъ извѣстно, и голодъ существовалъ, и бездѣйствіе мѣстной власти менѣе всего падало на отвѣтственность земства.

Весной 1874 года «Русскій Міръ» перешелъ опять къ М. Г. Черняеву, и въ немъ стали появляться статьи извѣстнаго генерала Фаддѣева о томъ—«Чѣмъ намъ быть». Кореннымъ образомъ не раздѣляя взглядовъ этихъ двухъ генераловъ, сильно отдававшихъ «Вѣстью»—я вынужденъ былъ оставить «Русскій Міръ». Тогда же мнѣ предложено было сотрудничество въ «Голосѣ». Статьи по вопросамъ внутренней политики составляли главнѣйшую часть этого сотрудничества. Помимо отдѣльныхъ статей, каждое воскресенье я писалъ общее обозрѣніе подъ заглавіемъ «за недѣлю», гдѣ отмѣчались и приводились въ связь главнѣйшія текущія явленія. Возбуждавшіе тогда особый ин-

Канцелярія Министра Императорскаго Двора покорнѣйше проситъ Правительственныя и общественныя учрежденія не отказать въ возможномъ содѣйствіи Корреспонденту Григорію Константиновичу Градовскому къ полученію точныхъ свѣдѣній о коронаціонныхъ торжествахъ.

№ 1111

27 апрѣля 1896 г.

Завѣдывающій Канцеляріею Василій Крыловъ

Секретарь Бюро Корреспондентовъ Окрутъ

Г. К. Градовскій

въ 1896 году, когда онъ былъ командированъ корреспондентомъ на коронаціонныя торжества.

тересъ уголовные процессы дали мнѣ поводъ завести особый фельетонъ, подъ заглавіемъ «Жизнь и Законъ». Главнѣйшимъ содержаніемъ этихъ статей было обсужденіе тѣхъ коллизій, которыя происходятъ между требованіями жизни и закономъ, и выясненіе истинныхъ причинъ тѣхъ патологическихъ явленій, противъ которыхъ обыкновенно выдвигаютъ уголовный законъ, приносящій очень часто только новую долю зла въ человѣческія отношенія. Статьи эти я продолжалъ впослѣдствіи въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права», а затѣмъ и въ «Судебной Газетѣ».

Осенью 1874 года редакція «Голоса» предложила мнѣ новую и до тѣхъ поръ чуждую для меня работу. Дѣло шло о «воскресномъ фельетонѣ». Этотъ фельетонъ, какъ извѣстно, составлялся всегда въ легкой формѣ и предназначался, главнымъ образомъ, для развлеченія публики. Шутливо, весело и остроумно говорить о городскихъ событіяхъ, театрѣ, концертахъ, гуляньяхъ, балахъ—такова была задача воскреснаго фельетона. По соглашенію съ редакціей (В. А. Бильбасовымъ), я попробовалъ поставить этотъ фельетонъ на серьезную почву, сдѣлать изъ него важнѣйшій отдѣлъ газеты, обратить его въ подспорье передовыхъ статей, въ орудіе политическаго и общественнаго вліянія. Дѣловая и сухая форма передовыхъ статей возбуждала обыкновенно только разсудочную часть ума и производила поверхностное впечатлѣніе. Живая рѣчь, продиктованная горячимъ убѣжденіемъ и разсчитанная не только на умъ, но и на сердце читателя, способна возбуждать общее вниманіе и надолго и глубоко проникать въ общее сознаніе. Идеаломъ моимъ было писать такъ, какъ писали, и говорить о томъ, о чемъ говорили въ свое время Берне и Гейне.

Преобразованный такимъ образомъ воскресный фельетонъ понравился публикѣ. Она возвысила свои требованія къ фельетону. Описаніями гуляній въ Духовъ день, балагановъ и интересами маскарадовъ и балетныхъ представленій никто не хотѣлъ уже довольствоваться. Отъ фельетониста стали требовать, чтобы онъ трогалъ тѣ высокія темы, которыми волнуется государство и которыя составляютъ злобу дня, касаясь важнѣйшихъ сторонъ и идеальныхъ стремленій общественной жизни. Репутація подобнаго фельетона настолько упрочилась, что редакція «Голоса» рѣшилась обратить произведенный опытъ въ постоянное явленіе. Съ 1 января 1875 г. воскресный фельетонъ окончательно перешелъ въ мои руки и сталъ появляться за подписью «Гамма» (греческое названіе буквы «Г»).

Редакціонный секретъ, какъ и всѣ, вообще, секреты, не

долго держался. Скоро всѣ узнали, кому принадлежитъ воскресный фельетонъ, и это обстоятельство очень неблагопріятно отразилось на моей служебной дѣятельности. Мнѣ предложено было или прекратить участіе въ «Голосѣ», или по меньшей мѣрѣ фельетоны, или оставить службу. Я занималъ въ то время должность юрисконсульта въ Министерствѣ Юстиціи. Покидать такое мѣсто было непріятно. Но помимо этого, совмѣщеніе государственной службы съ публицистическими занятіями (не встрѣчавшее въ теченіе десяти лѣтъ никакихъ препятствій и весьма обычное не только у насъ, гдѣ умственныя силы не особенно богаты, но и заграницей), представляло въ моихъ глазахъ особую цѣнность. Публицистическія занятія и получаемый за нихъ гонораръ давали мнѣ возможность «служить», но не «прислуживаться»; наоборотъ, государственная служба дозволяла мнѣ сохранять необходимую независимость въ журналистикѣ. Съ лицомъ самостоятельнымъ и обезпеченнымъ редакціи иначе обращаются, нежели съ сотрудникомъ, которому онѣ мнятъ давать «кусокъ хлѣба». Надо думать, что и интересы государственной службы, и достоинство журналистики много выигрывали отъ подобной самостоятельности.

Тѣмъ не менѣе, выборъ пришлось сдѣлать и онъ, конечно, оказался на сторонѣ публицистики. Притягательная сила ея, безъ сомнѣнія, гораздо выше, нежели самая удачная служебная карьера въ томъ или другомъ департаментѣ.

Въ апрѣлѣ 1875 года я вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя журналистикѣ.

Въ 1876 году естественное исканіе полной самостоятельности въ связи съ тѣми важными вопросами, которые волновали въ то время Россію, побудили меня испросить разрѣшеніе на изданіе еженедѣльной газеты «Русское Обозрѣніе». Первоначально я полагалъ вести эту газету совершенно одинъ; но эта мысль не получила осуществленія. Не говоря уже о трудности подобной задачи, новой газетѣ пришлось удовлетворять тому запросу на участіе въ публицистической и умственной дѣятельности, который предъявляли молодыя силы нашей интеллигенціи, еще не извѣрившейся и не поглощенной матеріальными и личными интересами.

Первый номеръ «Русскаго Обозрѣнія» вышелъ 11 іюля 1876 г., послѣдній—5 февраля 1878 года. Подробную исторію существованія «Русскаго Обозрѣнія» и оцѣнку того мѣста, которое эта газета занимала въ нашей публицистикѣ, можно найти въ «Русской Старинѣ» за 1881 годъ. Здѣсь же достаточно упомянуть, что газета была окончательно прекращена 4 ав-

густа 1878 года *), по особому распоряженію высшей власти. (Высочайшее повелѣніе не было опубликовано, но объявлено мнѣ со взятіемъ подписки, открывъ серію тѣхъ запрещеній, которыя сократили русскую и въ особенности петербургскую журналистику до ея нынѣшняго состава **). По прекращеніи «Русскаго Обозрѣнія» я принималъ по прежнему участіе въ «Голосѣ». Это участіе, впрочемъ, не прерывалось и во время существованія «Русскаго Обозрѣнія». Такъ, въ 1877 году я ѣздилъ на театръ войны военнымъ корреспондентомъ «Голоса», сначала въ Малую Азію, а затѣмъ въ Болгарію, гдѣ сдѣлалъ зимній походъ и переходъ черезъ Балканы вмѣстѣ съ войсками и откуда возвратился только по заключеніи мира въ Санъ-Стефано.

Въ 1879 году, въ интересахъ «Голоса», подъ давленіемъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, я оставилъ сотрудничество въ этой газетѣ и перешелъ въ «Молву», издававшуюся подъ редакціей В. А. Полетики. По прекращеніи «Молвы», участвовалъ въ «Порядкѣ» М. М. Стасюлевича. По прекращеніи «Порядка» принималъ участіе въ «Московскомъ Телеграфѣ». По прекращеніи «Московскаго Телеграфа» былъ главнымъ сотрудникомъ основавшейся въ 1882 году «Судебной Газеты». Съ августа 1884 года принималъ участіе въ «Новостяхъ», гдѣ и теперь состою постояннымъ сотрудникомъ (получая вдвое менѣе, нежели въ «Голосѣ»).

Нѣкоторое время участвовалъ въ «Русскомъ Курьерѣ» и велъ внутреннее обозрѣніе въ «Наблюдателѣ». Журнальныя статьи помѣщалъ въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права», въ «Русской Старинѣ», «Древней и Новой Россіи» и въ «Наблюдателѣ». Время отъ времени корреспондировалъ въ иностранныя газеты.

Отдѣльнымъ изданіемъ вышли только военныя корреспонденціи подъ заглавіемъ «Война въ Малой Азіи въ 1877 году» (СПБ. 1878 г.) и «М. Д. Скобелевъ» (СПБ. 1884 г.). Послѣдняя брошюра переведна на нѣмецкій языкъ и помѣщена въ «Jahrbücher für die Deutsche Armee und Marine» (1886, май и іюнь) ***).

Теперь прозябаю въ надеждѣ, что скоро «ротъ забьютъ землею»—вѣрнѣе, нежели забиваніе цензурой.

14 февраля 1888 года.
СПБ.

---

*) «Русское Обозрѣніе» получило 11 предостереженій, было пріостановлено три раза (на 2, на 6 и на 6 мѣсяцевъ) и запрещено къ продажѣ. *Ред.*

**) Рѣчь идетъ о 1888 г.

***) Въ 1907 г. вышелъ сборникъ статей Г. К. Градовскаго подъ заглавіемъ «Итоги». *Ред.*

О РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

(Изъ литературныхъ воспоминаній *).

Геніальный Преобразователь Россіи ѣздилъ учиться въ Западную Европу и, не смотря на слабое еще развитіе иностранной печати—все же оцѣнилъ великое значеніе, пользу и необходимость газеты и журнала, этихъ источниковъ народнаго самопознанія, государственнаго сплоченія, обмѣна мнѣній и выясненія истины, укрѣпленія справедливости и правопорядка.

Петръ Великій основалъ нашу печать; естественно, рождается вопросъ: въ какой мѣрѣ оправдалось и привилось къ русской жизни это новшество, не пора-ли оцѣнить двухвѣковую службу печати и оказать подобающее уваженіе и законную охрану достойнымъ дѣятелямъ ея.

Въ теченіе двухъ столѣтій мы имѣли такихъ родоначальниковъ русской публицистики, какъ Радищевъ, Новиковъ, Карамзинъ, Рылѣевъ, Тургеневъ (Ал.), кн. Вяземскій, Хомяковъ, Аксаковъ, Кирѣевскій, Самаринъ, Чаадаевъ, Станкевичъ, Герценъ, Огаревъ, кн. Одоевскій, Грановскій, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Соловьевъ, Кавелинъ, Костомаровъ, Чичеринъ, не говоря уже о новѣйшихъ представителяхъ и выразителяхъ историческо-политической мысли и общественнаго самосознанія. Не обязаны-ли мы оглянуться и спросить: Русь, родина святая, что ты сдѣлала со своими сынами и мыслителями, со своими умственными вождями, какъ цѣнила ихъ? Не ста-

---

*) Статья эта, имѣющая отчасти автобіографическій характеръ, написана была Г. К. Градовскимъ къ 200-лѣтнему юбилею печати и передана имъ покойному редактору «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскому. Изъ архива послѣдняго она извлечена нынѣшнимъ редакторомъ этого журнала Б. Б. Глинскимъ и любезно предоставлена въ наше распоряженіе. *Ред.*

вила-ли ты ихъ въ одни условія и на одну доску съ Булгаринымъ и Сеньковскими и не предпочитала-ли даже иной разъ послѣднихъ первымъ?

Одно перечисленіе (далеко неполное) главнѣйшихъ представителей нашего политическаго и общественнаго развитія показываетъ, что л ю д и имѣлись, и въ богатыхъ силахъ недостатка не было, но использованіе ихъ было бѣдное, далеко имъ не соотвѣтственное. Было тѣсно, негдѣ было развернуться этимъ силамъ! До Крымской войны политическая мысль находила себѣ выраженіе почти исключительно въ журналахъ, въ отдѣлѣ критики, да и то болѣе или менѣе контрабаднымъ путемъ. Газетъ частныхъ, независимыхъ было мало и наполнялись онѣ скудными, безцвѣтными извѣстіями, причемъ внутренней жизни отводилось менѣе вниманія и мѣста, нежели иностранной. Надъ дѣйствительностью висѣлъ какой-то густой, непроницаемый туманъ, въ которомъ блуждали зря и среди котораго тяжело было дышать, не хватало воздуха, свѣта и тепла, столь необходимыхъ для жизни. Все это и сказалось, рѣзко обнаружилось во время Крымскаго разгрома. Похвально чествовать героевъ славной севастопольской обороны, но небезполезно припомнить, что герои эти были загублены нашей отсталостью, невѣжествомъ, самоослѣпленіемъ.

Послѣ Крымской войны были ослаблены попеченія и препоны, тяготѣвшія надъ умственной жизнью Россіи и гласностью, увеличилось число журналовъ и независимыхъ газетъ; въ 1865 году сдѣланы первые шаги на пути къ свободѣ мысли и слова, подъ охраной закона, а не высмотра Аристарховъ... И свершилось чудо: воспрянула политическая мысль, озарились свѣтомъ темные уголки обширнаго отечества, получилось неоцѣнимое, даровое, помимо штатовъ и окладовъ, орудіе контроля надъ общественной и служебной дѣятельностью. Значеніе русской печати возвысилось, и къ голосу ея стали все болѣе и болѣе прислушиваться въ Европѣ, во всемъ просвѣщенномъ мірѣ.

Всѣ признаютъ теперь, что русская наука неразрывно связана съ общечеловѣческимъ научнымъ творчествомъ, а русская литература во многихъ случаяхъ даже опередила своихъ старыхъ учителей. Пушкина, Лермонтова и Гоголя едва знали за предѣлами Россіи; И. С. Тургенева считали тамъ уже с в о и м ъ писателемъ; Достоевскому подражали, а Льву Николаевичу Толстому поклоняются вездѣ и повсюду, urbi et orbi! Даже второстепенные русскіе писатели теперь въ ходу и спѣшно переводятся на иностранные языки. Такого-же уровня, такой-же вы-

соты и вліянія достигала и русская журналистика, наша политическая и общественная мысль, не взирая на тѣ препоны и неблагопріятныя условія, которыя мѣшали и мѣшаютъ ея развитію. Статистикой распространенія печати можно изобразить ея количественное значеніе; для оцѣнки-же ея качественнаго вѣса недостаточно голыхъ цифръ, необходимы еще и другія фактическія указанія.

Ради этой цѣли и считалъ бы я полезнымъ и умѣстнымъ привести нѣсколько такихъ указаній изъ моего личнаго о п ы т а —не ради самохвальства, котораго всегда чуждался и которое не надобно умирающему,—а во имя общей пользы, во имя заслугъ и лучшаго будущаго нашей печати.

При всей скромности моей публицистической роли, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится писатель, вынужденный говорить только подъ чужимъ флагомъ, въ качествѣ с о т р у д н и к а, обреченнаго считаться съ редакціонно-издательскими взглядами и страхами,—я все же могу привести не мало случаевъ, когда мнѣнія, статьи мои и самая личность моя заслуживали вниманія со стороны иностранной журналистики и ея представителей.

Главное мое призваніе, моя мысль и журнальная дѣятельность болѣе всего сосредоточены были на внутренней жизни Россіи; мнѣ не удавалось даже бывать за границей, за исключеніемъ театра войны 77—78 годовъ; но съ конца 60-хъ годовъ не было сколько нибудь крупнаго вопроса международной жизни, въ обсужденіи и оцѣнкѣ котораго я не принималъ бы участія.

Съ 1870 года, еще во время осады Парижа, я сталъ убѣждать въ необходимости союза Россіи и Франціи, доказывая, что опаснѣйшимъ врагомъ общаго мира и русскихъ задачъ, въ особенности, являются «желѣзный канцлеръ» и созданная имъ воинственная Германія, превратившаяся въ Пруссію. Эту мысль я проводилъ и въ статьяхъ и лекціяхъ, и во времена «честнаго маклерства», и тогда, когда былъ возстановленъ трехъ-императорскій союзъ (вѣрнѣе, о б м а н ъ), когда Катковъ доказывалъ, что лучшимъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ является Бисмаркъ и что во Франціи, яко-бы, «не съ кѣмъ заключать договоры» или что Россіи не приличествуетъ-де имѣть дѣло съ р е с п у б л и к о й.

Во время похожденій пресловутаго генерала Буланже,—нашедшаго сочувственниковъ въ той-же части нашей печати, которая много лѣтъ распѣвала съ голоса кн. Бисмарка,—я не колебался ни минуты и доказывалъ, что это не болѣе, какъ шарлатанъ, и что Франція, наученная тяжкимъ опытомъ, ни-

когда не пойдетъ за новымъ узурпаторомъ. Союзъ съ республикой, съ народомъ несравненно прочнѣе личныхъ союзовъ, не опирающихся на общественное самосознаніе.

Когда въ 1885 году совершился извѣстный переворотъ въ Болгаріи, и къ ней присоединилась Румелія, многіе полагали, что это ловкій ходъ нашей дипломатіи и ударъ берлинскому трактату, въ осуществленіе санстефанскаго договора; я держалъ пари, что наша дипломатія тутъ не причемъ и первая возстанетъ противъ этого «своеволія». Пари было выиграно очень скоро.

Съ самаго начала войны Китая съ Японіей я выражалъ увѣренность, что побѣдительницей окажется болѣе просвѣщенная сторона, хотя и въ десять разъ менѣе численная.

Эти немногіе примѣры тѣхъ взглядовъ, которыми проникнуты были мои статьи по внѣшней политикѣ, приведены мною въ оправданіе того вниманія, которымъ мнѣ случалось пользоваться въ заграничной печати. Необходимо еще добавить, что, часто возставая противъ тѣхъ или другихъ проявленій враждебной Россіи политики, я никогда не переносилъ этой вражды на народъ, не распалялъ національной вражды, не проповѣдывалъ человѣконенавистничества и взаимоистребленія. Самимъ жить и не мѣшать жизни другихъ, неустанно идти впередъ по пути общечеловѣческой образованности, дорожить миромъ —таковы были основы моей политической мысли.

Возставая противъ политики «крови и желѣза», я не могъ не преклоняться передъ подвигами германскаго народа на поприщѣ науки, философіи, литературы. Не одобряя Биконсфильда или маркиза Салисбери, я никогда не забывалъ Шекспира и Байрона, Диккенса, Теккерея и Вальтеръ-Скотта, Бентама и Локка, Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, Бокля, Спенсера, Маколея, Дарвина и всѣхъ другихъ нашихъ старыхъ и общихъ друзей.

Эти знаменитыя имена невольно приходятъ на память потому, что въ послѣднее время у насъ чаще всего проявлялась англофобія. Такой-же почетный списокъ можно было-бы выставить и противъ нѣмцофобіи.

Сколько помню, первое вниманіе иностранной печати было привлечено статьями, появлявшимися въ кратковременно существовавшей газетѣ моей «Русское Обозрѣніе» (76—78 г.), хотя газета эта выходила только разъ въ недѣлю и не могла разсчитывать на широкую извѣстность. Я предвидѣлъ неудачу черняевскихъ похожденій, осуждалъ вмѣшательство этого «архистратига славянской рати» во внутреннія дѣла и порядки

БИБЛ... СОЦИАЛИ... АБ...

Сербіи, выразившееся въ нарушеніи правъ скупщины и въ военномъ переворотѣ, пронунціаменто. Разбивая турокъ въ своихъ лживыхъ телеграммахъ, Черняевъ подвергъ Сербію величайшей опасности, погубилъ много добровольцевъ, наградилъ сербовъ самозваннымъ королемъ, научилъ Милана самоуправству и самъ благополучно ретировался. Такого посрамленія нельзя было перенести; Россія остановила нашествіе турокъ и была втянута въ войну. Не сомнѣваясь въ конечномъ успѣхѣ ея, я предостерегалъ, однако, противъ черезчуръ легкихъ отношеній къ ней и къ непріятелю. Еще настойчивѣе напоминалъ я, что послѣ войны, сколько-бы ни длилось воинственное настроеніе, все-же придется вернуться къ внутреннимъ дѣламъ, къ своимъ несомнѣннымъ, настойчивымъ потребностямъ и задачамъ, и дѣла эти далеко не были завершены, преобразованія не только затормозились, но подпали уже подъ попятныя, разрушительныя вѣянія. Такіе взгляды, противорѣчившіе во многихъ случаяхъ господствующему настроенію, естественно, возбуждали извѣстную долю вниманія въ заграничной печати, зорко слѣдившей тогда за тѣмъ, что творится въ Россіи.

Во время войны мнѣ пришлось, по чувству простого гостепріимства, сблизиться съ нѣкоторыми иностранными корреспондентами. Въ числѣ ихъ были: корреспондентъ лондонскаго «Times'a», профес. глазговскаго университета Жоржъ Форбсъ (однофамилецъ дунайскаго Арчибальда Форбса), мистеръ Майкъ, сотрудникъ американскаго «New York Herald» и д-ръ Стоммель, корреспондентъ нѣсколькихъ германскихъ газетъ. Понятно, что они такъ или иначе упоминали обо мнѣ въ своихъ корреспонденціяхъ и изданныхъ потомъ брошюрахъ. Д-ръ Стоммель, по окончаніи войны, прислалъ мнѣ свою книгу и въ очень любезномъ письмѣ извѣщалъ, что одна глава этой книги посвящена мнѣ и моимъ бесѣдамъ съ нимъ подъ Плевной по всевозможнымъ вопросамъ; но книга эта не была пропущена, въ выдачѣ единственнаго, присланнаго мнѣ экземпляра было отказано, и содержаніе ея осталось мнѣ совершенно неизвѣстнымъ. Такъ оберегали и спасали насъ отъ тлетворнаго западнаго вліянія! При всемъ желаніи не могу, однако, догадаться, отъ какой, именно, опасности мы были охранены въ данномъ случаѣ.

Помѣщенная въ «Голосѣ», послѣ санстефанскаго договора, статья моя «Итоги войны» привлекла вниманіе заграничной печати уже потому, что появилась въ самой распространенной

русской газетѣ. Еще большее вниманіе было удѣлено вскорѣ другому фельетону моему, касавшемуся всецѣло внутренней жизни. Не опредѣляю точнѣе этого фельетона уже потому, что мнѣ до крайности надоѣло почти пятилѣтнее ложное истолкованіе, извращеніе основной мысли и цѣли его, при полной невозможности отвѣчать на эти «булгаринскіе» обвиненія и пріемы. Тѣмъ пріятнѣе мнѣ было узнать, что извѣстный германскій ученый юристъ Гольцендорфъ въ своей газетѣ вполнѣ поддержалъ мои взгляды по данному случаю. Вырѣзку изъ этой германской газеты со статьей Гольцендорфа передалъ мнѣ академикъ Вл. Павл. Безобразовъ, принимавшій тогда участіе въ «Голосѣ» и всегда дружелюбно относившійся ко мнѣ.

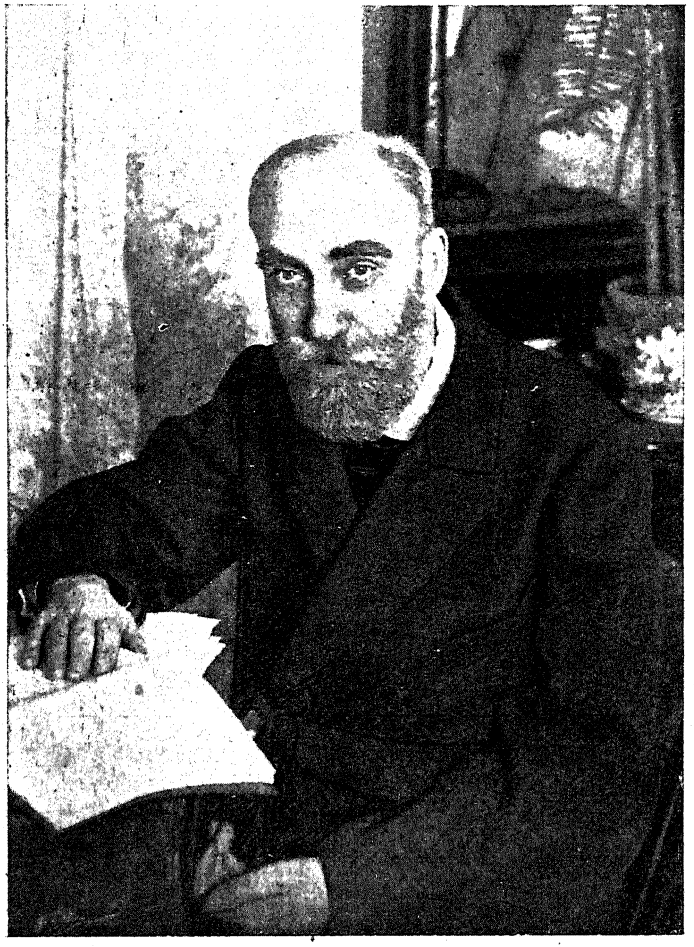
Въ 1884 году издана была мною брошюра: «М. Д. Скобелевъ». Главнѣйшая цѣль ея заключалась въ противодѣйствіи воинственной задирчивости и въ привлеченіи вниманія къ внутреннему преуспѣянію. Вмѣстѣ съ тѣмъ желалось познакомить русское общество съ тѣми недоумѣніями, какія существовали въ дунайской арміи по поводу нѣкоторыхъ дѣйствій М. Д. Скобелева. Брошюра эта была переведена на нѣмецкій языкъ и напечатана въ Берлинскомъ военномъ журналѣ.

Въ мартѣ 1882 года я устроилъ «Литературную бесѣду». Главнымъ предметомъ этой бесѣды являлась исторія нашихъ турецкихъ войнъ. Она была направлена противъ господствовавшей тогда воинственности и выставляла въ смѣшномъ видѣ возродившіяся притязанія на восточную самобытность и китайское отчужденіе отъ западно-европейской, общечеловѣческой цивилизаціи, которая обходитъ уже насъ съ тыла съ Востока. Бесѣда имѣла громадный успѣхъ. Заграничная печать заговорила о ней, въ нѣкоторыхъ газетахъ, какъ, напримѣръ, въ «Vossische Zeitung *),—появилась характеристика моей литературной личности и біографическія обо мнѣ свѣдѣнія.

Этотъ успѣхъ и шумъ обошлись мнѣ не даромъ. Дозволенное уже повтореніе бесѣды въ Москвѣ было отмѣнено послѣ того, какъ всѣ билеты были проданы, и вторая подготовленная мною бесѣда не получила разрѣшенія. Десять лѣтъ спустя, съ предварительнаго разрѣшенія трехъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, весьма любезно, въ теченіе одной недѣли, мною полученнаго, мнѣ опять удалось читать публично объ основахъ франко-русскаго союза. Я доказывалъ прочность и вполнѣ мирныя цѣли

*) Извлеченіе изъ статьи въ «Vossische Zeitung» помѣщено ниже.

Ред.



Г. К. Градовскій
незадолго до выздоровленія въ 1907 году.

этого сближенія двухъ народовъ, но успѣха эта лекція не имѣла, хотя она совпала съ отвѣтнымъ визитомъ русской эскадры.

Въ разное время ко мнѣ неоднократно обращались заграничныя газеты и телеграфныя агентства съ предложеніями присылать корреспонденціи изъ Россіи. Чаще всего такія предложенія шли изъ Вѣны и Лондона. Я пробовалъ выполнять эти предложенія, но весьма скоро приходилось отказываться. Не говоря уже о разныхъ пограничныхъ затрудненіяхъ, роль русскаго корреспондента чрезвычайно трудна. То, что особенно важно въ нашихъ глазахъ—не возбуждаетъ очень часто вниманія иностранныхъ читателей. Намъ часто приходится говорить и убѣждать въ томъ, что считается тамъ азбукой, скучной истиной. Отъ насъ требуются болѣе всего описанія какихъ-нибудь чрезвычайныхъ событій, побольше фактовъ и поменьше разсужденій. Такая репортерская работа непривлекательна. Наконецъ, русскому публицисту желательно писать въ интересахъ Россіи, а это рѣдко совпадаетъ съ требованіями чужой печати.

Тѣмъ не менѣе, фактъ остается фактомъ. Въ прежнее время почти всѣ наши журналы и многія газеты имѣли своими заграничными корреспондентами иностранцевъ. Теперь, наоборотъ, заграничныя газеты обращаются къ намъ за сотрудниками, сообщеніями и свѣдѣніями.

Нечего и говорить, что всѣ прибывающіе временно и находящіеся въ Россіи постоянно иностранные корреспонденты сводятъ знакомства съ нашими редакціями и главными публицистами и провѣряютъ при ихъ посредствѣ свои свѣдѣнія и взгляды. Съ большинствомъ этихъ корреспондентовъ и мнѣ приходилось знакомиться, по ихъ почину.

Во время особаго наплыва иностранныхъ корреспондентовъ, какъ, напримѣръ, въ маѣ 1896 года въ Москвѣ, и въ августѣ 1897 года въ Петербургѣ, когда совершился дотолѣ никогда небывалый пріѣздъ президента французской республики,—мнѣ приходилось принимать участіе въ чествованіи представителей иностранной печати и пользоваться съ ихъ стороны взаимнымъ вниманіемъ. Такъ, въ Москвѣ, на балъ французскаго посольства, гдѣ было очень тѣсно и куда трудно было попасть, я получилъ пригласительный билетъ въ числѣ немногихъ представителей печати. Въ первое прибытіе французской эскадры я тоже былъ въ числѣ гостей адмирала Жерве, когда онъ давалъ балъ на своемъ броненосцѣ.

Въ послѣдній разъ, на сколько мнѣ извѣстно, моей литературной дѣятельности было удѣлено особое и весьма лестное вниманіе на страницахъ вѣнской «Neue Freie Presse». Этимъ я

обязанъ любезности г. Шютца, одного изъ главныхъ сотрудниковъ этой газеты, познакомившагося со мной въ Москвѣ.

Мнѣ остается лишь пожелать, чтобы значеніе и развитіе нашей печати непремѣнно росли, вмѣстѣ съ распространеніемъ уваженія къ ней, какъ внутри, такъ и за предѣлами Россіи, чтобъ ряды ея все болѣе и болѣе наполнялись просвѣщенными, стойкими, талантливыми, долголѣтними и хорошо обезпеченными дѣятелями. Еще одно пожеланіе русской печати и послѣднее мое слово: пусть наступающіе годы будутъ с ч а с т л и в ѣ е прошлыхъ двухъ вѣковъ, пусть и на нашей улицѣ будетъ праздникъ, какъ сказалъ въ 1880 году Островскій, во время пушкинскихъ дней.

7-го іюля 1902 г.

Гр. Градовскій.

РЕВНИТЕЛЬ ПИСАТЕЛЬСКИХЪ НУЖДЪ.

I.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія писательство стало отслаиваться въ профессію. Постепенно назрѣвали и особыя писательскія нужды. Въ концѣ 1859 г., по мысли Дружинина, возникъ литературный фондъ для помощи прежде всего семьямъ писателей, а затѣмъ и имъ самимъ. Это былъ сколокъ съ англійскаго литературнаго фонда, вызваннаго къ жизни еще въ концѣ XVIII столѣтія. Основатели русскаго фонда, повидимому, чувствовали нѣкоторую неловкость при мысли, что русская почва плохо подходитъ для пересадки стараго растенія, взлелѣяннаго въ условіяхъ англійскихъ пережитковъ. Какъ-то мало вяжется съ основной задачей русскаго фонда помощь писателямъ и переводчикамъ на изданіе ихъ трудовъ и начинающимъ ученымъ на завершеніе ихъ научнаго образованія, о чемъ идетъ рѣчь въ первой статьѣ устава фонда. Здѣсь сквозитъ желаніе внести что-либо свое, особенное, чего нѣтъ у англичанъ. Время произнесло свой нелицепріятный приговоръ надъ этимъ чисто русскимъ придаткомъ: на изданіе трудовъ фондъ ни разу—и совершенно основательно—не оказывалъ помощи, а молодымъ людямъ онъ сталъ помогать, только получивъ пожертвованіе, предназначенное исключительно на подобнаго рода помощь. Главное русло, по которому пошла дѣятельность фонда, направилось въ сторону помощи писателямъ и ихъ семьямъ, впавшимъ въ матеріальную нужду. Престарѣлые и немощные писатели могли всегда разсчитывать на поддержку. Значитъ ли это, что писатели, находясь въ полномъ здравіи, пользовались благоденствіемъ и не имѣли матеріальныхъ нуждъ? Если объ нихъ нѣтъ и рѣчи въ уставѣ фонда, то это значитъ лишь, что истинныя писательскія нужды еще не получили яркаго выраженія. Фондъ, среди руководителей котораго значились едва ли

не всѣ корифеи русской литературы, спокойно дѣлалъ свое дѣло. Легкая зыбь появилась на поверхности только благодаря П. Л. Лаврову. Въ ревизіонной комиссіи 60-хъ годовъ онъ выражалъ полную неудовлетворенность дѣятельностью фонда и предлагалъ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, предусмотрѣнной его уставомъ, а именно—выразить недовѣріе комитету фонда. Если бы это предложеніе было принято, то при выборѣ членовъ комитета общее собраніе было бы вполнѣ свободно и не обязано было бы руководиться кандидатскимъ списокъ, составляемымъ комитетомъ. Лавровъ не нашелъ поддержки въ средѣ своихъ товарищей по комиссіи, и все снова вошло въ обычную колею.

Позже тоже изъ среды литературнаго фонда раздался другой голосъ, рѣзко выразившій подобную же неудовлетворенность дѣятельностью фонда. То былъ голосъ Г. К. Градовскаго.

Надѣленный высокимъ чувствомъ общественности, Г. К. Градовскій по переѣздѣ въ Петроградъ вступилъ въ 1870 г. въ число членовъ фонда. Позже, въ періодъ сотрудничества въ «Голосѣ» и затѣмъ въ «Новостяхъ», его не разъ избирали въ ревизіонную комиссію. Не въ его характерѣ было оставаться простымъ посѣтителемъ общихъ собраній. Въ ревизіонной комиссіи передъ нимъ проходили человѣческіе документы, доступные только ей одной и комитету. На многое они открыли глаза болѣзненно чуткому Градовскому. Одно было для него ясно: русскій писатель переросъ литературный фондъ. Какъ ни благотворна его дѣятельность, но она уже недостаточна, а иногда идетъ не по надлежащему пути. Надо было имѣть не мало мужества, чтобы выступить въ разрѣзъ съ существующими теченіями и при томъ въ средѣ, гдѣ литературное чинопочитаніе играетъ не послѣднюю роль. Что такое былъ въ то время Градовскій? Публицистъ, на зарѣ своей литературной карьеры имѣвшій несчастье столкнуться съ знаменитымъ, недоброй памяти кн. Мещерскимъ. Этого долго не могли забыть ему ни послѣ фельетона о Засуличъ, ни послѣ цензурныхъ злоключеній «Русскаго Обозрѣнія». А въ комитетѣ фонда засѣдали тогда писатели съ европейски признанными именами. И все же Градовскій повелъ свою линію, повелъ страстно, настойчиво. Ему нетрудно было подчеркнуть обветшалый характеръ нѣкоторыхъ формъ помощи, не трудно было указать и пробѣлы въ ней. Гораздо труднѣе была положительная задача—уяснить, что̀ именно нужно было для писателей. Хранители традицій фонда думали отыграться на этомъ. И, дѣйствительно, взгляды Г. К. Градовскаго на писательскія нужды сло-

жились не сразу. Въ немъ сначала замѣтны нѣкоторыя колебанія. И, кто знаетъ, если бы страстныя выступленія Градовскаго на общихъ собраніяхъ фонда не встрѣтили столь же страстной оппозиціи въ его средѣ, не осталось ли бы это безплодной, хотя и эффектной вспышкой? Въ пылу борьбы и подъ ея вліяніемъ Г. К. Градовскій составилъ опредѣленные взгляды на ближайшія нужды писателей и затѣмъ проводилъ ихъ въ теченіе всей своей жизни.

25 октября 1881 г. Г. К. Градовскій выступилъ въ общемъ собраніи съ письменнымъ заявленіемъ. Здѣсь онъ рѣзко упрекалъ комитетъ фонда въ вялости и отсутствіи предпріимчивости. Несмотря на то, что положеніе работниковъ печати постоянно ухудшается, а эксплоатація ихъ со стороны редакторовъ и издателей все увеличивается, фондъ, по словамъ Г. К. Градовскаго, «ограничивается ролью самыхъ банальныхъ благотворительныхъ обществъ». Легко себѣ представить, какъ былъ встрѣченъ этотъ рѣзкій выпадъ въ средѣ членовъ фонда, особенно въ кругу редакторовъ и издателей. Завѣты и традиціи фонда явились для нихъ лишь желаннымъ прикрытіемъ. Историкъ фонда свидѣтельствуетъ о горячихъ преніяхъ, вызванныхъ заявленіемъ Г. К. Градовскаго. Началась борьба, длившаяся съ небольшими промежутками почти 10 лѣтъ. Въ концѣ 1881 г. онъ подалъ новое заявленіе. Здѣсь онъ предлагаетъ: образовать капиталъ для выдачи срочныхъ ссудъ, учредить эмеритальную кассу, образовать постоянную издательскую комиссію, оказывать денежную помощь періодическимъ изданіямъ, предпринимаемымъ на кооперативныхъ началахъ, принимать посредничество въ сношеніяхъ писателей съ цензурой и въ случаяхъ недоразумѣній съ редакціями и издателями, ходатайствовать передъ правительствомъ о дополненіи и измѣненіи законовъ о печати, установить сношенія съ другими литературными обществами въ Россіи и за границею, созывать чрезвычайныя общія собранія по требованію 10 членовъ и, наконецъ, провести надлежащія измѣненія въ уставѣ фонда.

Какъ отмѣчаетъ историкъ фонда, «кое-что» изъ того, что предлагалъ Г. К. Градовскій, на практикѣ осуществлялось комитетомъ фонда. Несомнѣнно, что Г. К. Градовскій хорошо зналъ объ этомъ, и если онъ выступалъ съ своимъ заявленіемъ, то только потому, что его не удовлетворялъ случайный и спорадическій характеръ такой дѣятельности. Собраніе, на которомъ разсматривались его предложенія, было не изъ многолюдныхъ: большинствомъ 21 противъ 4 было признано, что не требуется никакихъ измѣненій въ уставѣ фонда. Не слѣдуетъ

забывать, что въ составъ комитета фонда входитъ 12 членовъ, и что едва ли кто-нибудь изъ нихъ уклонился отъ посѣщенія такого боевого собранія. Ссылка на уставъ дала противникамъ Градовскаго благовидный поводъ уклониться отъ подробнаго обсужденія его предложеній.

Провалъ въ общемъ собраніи не охладилъ рвенія Г. К. Градовскаго. При всей своей горячности онъ не могъ не сознавать, что радикальная реформа фонда по условіямъ времени была невозможна. При малѣйшемъ прикосновеніи къ уставу фондъ подвергался риску потерять нѣкоторыя существенныя преимущества своего строя. Выходъ напрашивался самъ собою: если фондъ не въ правѣ принять программу Г. К. Градовскаго къ исполненію во всемъ объемѣ, то ему ничто не мѣшаетъ явиться иниціаторомъ для созданія новыхъ литературныхъ организацій. Нужно было, однако, время, чтобы улеглись взбудораженныя страсти. Кооперативная газета и цензура, примирительныя камеры и законъ о печати—все это не только жгучіе, но и горючіе элементы. Прибавлять къ нимъ еще эмеритальную кассу—это значитъ строить зданіе на вулканѣ. И Г. К. Градовскій постепенно пришелъ къ убѣжденію, что въ интересахъ дѣла его программа при практическомъ осуществленіи должна подвергнуться расчлененію. Въ средѣ членовъ самого фонда тоже постепенно крѣпла мысль о какомъ-либо учрежденіи профессіональнаго характера. Горячіе призывы Г. К. Градовскаго не прошли даромъ и подготовили ему почву для дальнѣйшей дѣятельности.

II.

Мысль о кассѣ взаимопомощи литераторовъ окончательно сложилась у Г. К. Градовскаго въ 1889 г. По крайней мѣрѣ, въ этомъ году онъ входитъ съ заявленіемъ въ комитетъ литературнаго фонда и прилагаетъ къ заявленію готовый уставъ. 22 октября 1889 г. проектъ былъ переданъ въ особую комиссію, въ составъ которой общимъ собраніемъ были избраны, кромѣ самого Г. К. Градовскаго, В. И. Сергѣевичъ, В. Л. Бренштамъ, П. А. Гайдебуровъ и нынѣ здравствующіе Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, А. А. Исаевъ и В. Г. Котельниковъ. Впослѣдствіи Г. К. Градовскій не разъ вспоминалъ о той оппозиціи, которой держался при разсмотрѣніи проекта покойный редакторъ «Недѣли». Вспоминалъ онъ объ этомъ безъ всякой горечи. Напротивъ, всѣ возраженія довольно упрямаго Гайдебурова имѣли то хорошее слѣдствіе, что приходилось особенно тща-

тельно взвѣшивать всѣ подробности и отдѣлывать статьи проекта. Гайдебуровъ, однако, вступилъ въ кассу, какъ только она образовалась. То же сдѣлали и другіе члены комиссіи, за исключеніемъ Ѳ. Ѳ. Воропонова.

Проектъ Градовскаго подвергся въ комиссіи довольно значительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Изъ крупныхъ измѣненій можно отмѣтить только два. Первоначально предполагалось выдавать поразрядную сумму не только въ случаѣ смерти или утраты трудоспособности, но и всѣмъ, кто пробудетъ въ кассѣ 25 лѣтъ. Это было бы страхованіе на дожитіе въ его чистомъ видѣ. Такой видъ страхованія предполагаетъ предварительное накопленіе капитала, въ кассѣ же литераторовъ никакого накопленія капитала нѣтъ, и выдачи страховыхъ суммъ производятся исключительно на счетъ нарочитыхъ взносовъ участниковъ. Комиссія весьма предусмотрительно рѣшила, что признаніе права на выдачу за одно только участіе въ кассѣ въ теченіе 25 лѣтъ повело бы къ непосильному обремененію остальныхъ участниковъ взносами. Вмѣсто этого комиссія ввела отчисленіе въ особый пенсіонный капиталъ и освобожденіе отъ дальнѣйшихъ обязательныхъ платежей послѣ 25-лѣтняго пребыванія въ кассѣ.

Душою всего дѣла все же оставался Г. К. Градовскій. Комиссія довольно быстро справилась со своею задачею, и уже въ февралѣ 1890 г. проектъ устава былъ готовъ въ окончательномъ видѣ, и къ нему, по порученію комиссіи, была написана Г. К. Градовскимъ обширная, въ 1½ печатныхъ листа, объяснительная записка. Проектъ устава подписанъ всею комиссіею, съ предсѣдателемъ ея В. И. Сергѣевичемъ во главѣ, объяснительная же записка имѣетъ подъ собою подпись одного только Градовскаго. Очевидно, комиссія отдавала должное его роли.

22 апрѣля 1890 г. проектъ съ объяснительной запиской предсталъ передъ общимъ собраніемъ. Противники Г. К. Градовскаго не могли простить ему старыхъ нападокъ на фондъ и снова готовились дать генеральный бой. До собранія шла агитація противъ принятія проекта. Настроеніе общаго собранія, однако, сложилось въ пользу Градовскаго. Чувствуя правоту своего дѣла, онъ былъ спокоенъ и избѣгалъ прежней страстности, раздражавшей его противниковъ. Дѣло, дѣйствительно, говорило само за себя. Бороться съ Градовскимъ по существу проекта комиссіи было невозможно. У кого могли бы оказаться достаточныя познанія въ такомъ спеціальномъ дѣлѣ?! Позиція подъ прикрытіемъ партійныхъ точекъ зрѣнія была неблагодарна, такъ какъ Градовскій тщательно вытра-

вилъ изъ устава всякій намекъ на партійность. Вспоминать старые уколы и наносить за нихъ новыя раны тоже было не очень хорошо. И все же, какъ ни благопріятно складывались обстоятельства для проекта Градовскаго, многое зависѣло и отъ лицъ, стоявшихъ во главѣ фонда. Предсѣдателемъ фонда былъ въ 1890 г. нынѣ здравствующій К. К. Арсеньевъ. Со свойственнымъ ему безпристрастіемъ и дѣловымъ вѣсомъ К. К. Арсеньевъ провелъ проектъ въ общемъ собраніи. Самъ Г. К. Градовскій большое значеніе приписывалъ также и В. И. Сергѣевичу, всегда тепло относившемуся къ кассѣ. Проектъ былъ принятъ единогласно и безъ всякихъ измѣненій, а Г. К. Градовскій получилъ полномочіе отстаивать его во всѣхъ правительственныхъ установленіяхъ. Побѣда была полная и блестящая. Противники его не рѣшились въ послѣдній моментъ даже заявить о себѣ. Имъ осталось только устроить пассивную обструкцію, къ которой они и прибѣгли по утвержденіи устава кассы.

Успѣхъ окрыляетъ, и Г. К. Градовскій быстро принялся за хожденіе по начальству. Послѣ того, что было пережито, это уже не казалось столь труднымъ. Несмотря на лѣтнее затишье, дѣло шло довольно быстро. Это, конечно, надо приписать настойчивости Градовскаго. Еще важнѣе то обстоятельство, что ему удалось отстоять проектъ почти въ полной неприкосновенности. Добиться этого было не легко. То было время крайней подозрительности въ правительственныхъ кругахъ. Многое не получало разрѣшенія не потому, что казалось вреднымъ, а лишь на всякій случай, чтобы не вышло чего-нибудь худого съ полицейской точки зрѣнія. Для чиновниковъ, живущихъ рутиной, осложненіе было и въ томъ, что уставъ кассы былъ для нихъ совершенною новостью. И все же уставъ прошелъ лишь съ незначительными измѣненіями. Сохранился печатный экземпляръ проекта устава съ собственноручными отмѣтками и вставками Г. К. Градовскаго и съ припискою, что «обозначенныя поправки сдѣланы на основаніи утвержденнаго правительствомъ устава и представляютъ единственное измѣненіе проекта». Въ большинствѣ случаевъ это были измѣненія чисто формальнаго характера. Такъ, всюду, гдѣ говорилось о литературномъ фондѣ, это обиходное названіе замѣнено официальнымъ: «общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Двѣ вставки въ § 42 о ревизіонной комиссіи и въ § 47 о предложеніяхъ отдѣльныхъ членовъ, несомнѣнно, улучшаютъ проектъ, и только вставка въ § 9, вообще редактированномъ неудовлетвори-

тельно *), рѣшительно должна считаться неудачной. Вставка эта гласитъ: «а равно лица, указанныя въ § 10» **). Все дѣло было сосредоточено въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ какъ и фондъ, отъ имени котораго было представлено ходатайство, находится въ вѣдѣніи этого министерства. Несомнѣнно, однако, что были запрошены министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, гдѣ Градовскій лично проталкивалъ свой проектъ черезъ бюрократическія тѣснины. Уставъ утвержденъ министромъ Деляновымъ 22 ноября 1890 г. Повидимому, въ министерствѣ было колебаніе, какъ направить это необычное для него дѣло, такъ какъ министръ собственною властію не рѣшился утвердить уставъ и внесъ его предварительно въ комитетъ министровъ.

Осенью и зимой 1890 — 1891 г.г. шла запись въ члены кассы. Набрать для открытія ея требовалось 100 человѣкъ. Почти полгода тянулась запись, и только 5 мая 1891 г. состоялось, наконецъ, ея открытіе, и, конечно, предсѣдателемъ правленія оказался избраннымъ Г. К. Градовскій.

III.

Успѣхъ улыбнулся основателю кассы ненадолго. Пассивная обструкція, а частью и просто непониманіе дѣлали свое дѣло. Пошли партійные счеты, началась газетная перебранка. Г. К. Градовскій работалъ въ «Новостяхъ», и ему не трудно было заручиться поддержкой этой газеты. Всѣ руководители «Новостей», съ покойнымъ ихъ редакторомъ во главѣ, вошли въ кассу и затѣмъ постоянно поддерживали эту профессіональную организацію. Стоило, однако, появиться сочувственной статьѣ о новой кассѣ въ «Новостяхъ», какъ въ «Новомъ Времени» сейчасъ же была напечатана замѣтка неодобрительнаго характера по адресу новаго начинанія. Это больно задѣвало Градовскаго, искренно вѣрившаго въ силу печатнаго слова. Да и какъ было не волноваться?! Вмѣсто того, чтобы уяснить товарищамъ и обществу истинныя задачи кассы, тѣ, для кого она была основана, изощряли надъ ней лишь свое остроуміе. Нельзя сказать, чтобы Градовскій не предвидѣлъ этого. Самъ слуга партіи, онъ собственнымъ примѣромъ хотѣлъ показать

*) По этому параграфу выходитъ, что члены кассы *получаютъ* суммы *послѣ своей смерти*. Получаютъ, конечно, не они, а ихъ правопреемники.

**) По контексту выходитъ, что эти лица «имѣютъ право, *съ самаго вступленія своего въ кассу*, на полученіе причитающейся имъ суммы». Между тѣмъ, лица эти въ кассу не вступаютъ, а только являются преемниками правъ членовъ кассы.

безпартійный характеръ созданной имъ кассы и привлекъ въ ея составъ изъ «Новаго Времени» М. М. Иванова и С. Н. Шубинскаго, съ которыми затѣмъ былъ связанъ дружескими отношеніями. И все же этотъ маневръ не избавилъ его отъ нововременскихъ выпадовъ. Что было дѣлать?! Пришлось, подавивъ въ себѣ непріятное чувство, отправиться къ А. С. Суворину и разъяснить ему, что сотрудники «Новаго Времени» рубятъ сукъ, на которомъ имъ слѣдовало бы сидѣть. Со старикомъ Суворинымъ счеты были давніе и не очень пріятные. При другихъ условіяхъ свиданіе между ними было бы едва ли возможно. Суворинъ, едва давъ кончить Градовскому, заявилъ: «обратитесь къ Гею; я въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаю. Вотъ вамъ записка въ контору». Въ запискѣ содержалось распоряженіе выдать Г. К. Градовскому для кассы литераторовъ 200 руб.

Уклонились отъ участія въ кассѣ и нѣкоторые вліятельные литературные кружки того времени. Тина равнодушія и пассивнаго противодѣйствія могла бы засосать кого угодно, но только не Градовскаго. Изъ 107 записавшихся дѣйствительно вступили въ кассу лишь 94, остальные тоже уклонились, повидимому, плохо вѣря въ ея будущее. Самъ Г. К. Градовскій дѣлалъ героическія усилія по привлеченію членовъ. Было время, когда чуть не первыми словами при встрѣчѣ у него былъ вопросъ: «а вы не записались еще въ кассу?» Забывались журнальныя распри, забывались личныя стычки, какъ только писатель вступалъ въ кассу. Понятна та радость, съ которой Г. К. Градовскій встрѣтилъ статью И. И. Янжула о кассѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Провинціальная печать также отнеслась сочувственно къ кассѣ, но дѣятели этой печати записывались слабо, точно выжидая чего-то. Только съ конца 1894 г., когда въ Москвѣ удалось образовать отдѣленіе кассы, двинулась и провинція.

Новое дѣло надо было налаживать. Вся тяжесть труда по первоначальному устройству легла на Г. К. Градовскаго. Лишь казначейская книга да немногочисленные лицевые счета членовъ велись казначеемъ и секретаремъ, да и то казначей, въ сущности, не получалъ непосредственно отъ членовъ ни одного рубля. Все принималъ и затѣмъ передавалъ казначею по вѣдомости Г. К. Градовскій. Нерѣдко царила трогательная простота, мыслимая только въ условіяхъ райской невинности. Члены кассы передавали свои взносы Г. К. Градовскому безъ какихъ-либо расписокъ и квитанцій. Такіе важные документы, какъ завѣщательныя распоряженія членовъ кассы, принима-

лись также безъ всякихъ расписокъ. Не по душѣ были такія поэтическія вольности первому секретарю правленія А. А. Луговому, и, чтобы не обижать Градовскаго, онъ подъ предлогомъ недосуга, какъ самъ сознавался впослѣдствіи, уклонился отъ переизбранія въ правленіе. И нельзя сказать, чтобы у тогдашнихъ секретарей не было охоты помочь своему предсѣдателю, но Григорій Константиновичъ хотѣлъ дѣлать все, вплоть до надписыванія адресовъ на повѣсткахъ, собственными руками и даже какъ бы обижался, если ему предлагали помощь. Это была своего рода жадность къ работѣ для общественной пользы. Когда же одинъ изъ секретарей, улучивъ благопріятное настроеніе, завелъ сначала квитанціонныя книги для пріема денегъ, а потомъ подобныя же книги для пріема завѣщательныхъ распоряженій, то Григорій Константиновичъ уже не обижался, а напротивъ, выражалъ свое удовольствіе всякій разъ, какъ ему приходилось пользоваться этими книгами въ присутствіи секретаря, осуществившаго такое незатѣйливое, хотя и необходимое, новшество.

Работалъ Г. К. Градовскій для кассы запоемъ. Онъ могъ недѣлями не прикасаться къ дѣламъ кассы и только дѣлалъ отмѣтки о получаемыхъ взносахъ, а денежные пакеты подкапливалъ, не вскрывая. Затѣмъ, когда уже медлить было нельзя, онъ вызывалъ къ себѣ секретаря и садился за работу по кассѣ. И работа, дѣйствительно, кипѣла: составлялись всѣ необходимыя вѣдомости, подсчитывались суммы, исправлялись адреса и т. п. Все дѣлалось собственными руками, и только при невозможности обойтись безъ каллиграфіи приходилось обращаться къ переписчику, но безъ всякаго обремененія скромнаго въ то время бюджета кассы. Все было тутъ же подъ руками въ скромной квартирѣ Г. К. Градовскаго на Бассейной ул., 20, на углу Надеждинской (домъ этотъ теперь перестроенъ до неузнаваемости). На письменномъ столѣ въ своемъ небольшомъ кабинетѣ въ грудахъ папокъ и бумагъ Григорій Константиновичъ быстро находилъ все, что ему было нужно, хотя сторонній посѣтитель могъ подумать, что на столѣ и на сосѣднемъ съ нимъ окнѣ царитъ полный безпорядокъ.

Засѣданія правленія всего чаще происходили въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана Карамышева, на Невскомъ пр., противъ Гостинаго двора. Владѣлецъ ресторана съ давнихъ поръ питалъ особое почтеніе къ Григорію Константиновичу. Квартира Градовскаго была слишкомъ мала для собраній. Кромѣ кабинета и небольшой спальни, она состояла изъ комнаты въ два окна, гдѣ онъ принималъ навѣщавшихъ его, изъ малень-

кой темной передней и небольшой кухни съ чернымъ ходомъ, обращенной въ столовую. Прислуги у него не было, а квартиру убиралъ и готовилъ чай старикъ-лакей изъ коллекціи гончаровскихъ слугъ, приходившій къ нему лишь въ опредѣленный часъ. Дверь посѣтителямъ Григорій Константиновичъ открывалъ нерѣдко самъ. Работая по ночамъ, онъ вставалъ довольно поздно и по утрамъ продолжалъ работать, оставаясь въ халатѣ и покуривая изъ трубки съ длиннымъ чубукомъ. Раннихъ посѣтителей онъ, бывало, такъ и принималъ, являя собою типичную фигуру русскаго писателя за работой.

Скудны были вначалѣ поступленія въ кассу: въ пенсіонномъ капиталѣ къ концу перваго года числилось всего только 6 р.! Надо было подумать о какихъ-либо предпріятіяхъ въ пользу кассы. И тутъ Григорій Константиновичъ не остался бездѣятельнымъ. Онъ устроилъ нѣсколько вечеровъ въ пользу кассы. Одинъ изъ этихъ вечеровъ, музыкальною частью котораго руководилъ М. М. Ивановъ, былъ весьма удачнымъ по программѣ и исполненію, но матеріальный успѣхъ вечеровъ былъ не выше средняго и, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствовалъ затраченному на нихъ труду.

Мысль о средствахъ на усиленіе пенсіоннаго капитала неотступно преслѣдовала Градовскаго. Въ концѣ 1894 г. блеснула надежда на крупное воспособленіе изъ государственнаго источника. Роль, выпавшая здѣсь на долю Градовскаго, должна быть отмѣчена съ особою признательностію всякимъ, кому дороги интересы русской литературы.

Въ 1894 г. Витте проводилъ золотую валюту. Государственный дѣятель европейскаго пошиба, иногда рѣзкій до грубости, но хорошо понимавшій значеніе печатнаго слова, Витте первый изъ русскихъ министровъ сталъ обращаться къ повременной печати за поддержкой. Русскому писателю, привыкшему только къ окрикамъ правительства, было какъ-то не по себѣ, когда съ нимъ заговорили человѣческимъ языкомъ и даже стали спрашивать его мнѣніе. Кой-кто могъ даже подозрѣвать, нѣтъ ли тутъ подвоха, не желаютъ ли поколебать неподкупность русскаго писателя. Были и язвительные отзывы по поводу приглашенія къ Витте на чашку чая. Градовскій, однако, не смутился въ ожиданіи людского злорѣчія и отнесся къ приглашенію весьма просто. Могло ли быть иначе? Онъ вѣрилъ въ силу слова, въ возможность переубѣдить инако мыслящихъ, вѣрилъ, что передъ словомъ убѣжденія не устоитъ ни одинъ разумный агентъ правительства. Произошло нѣсколько довольно продолжительныхъ бесѣдъ между Гра-

довскимъ и Витте. Уже въ концѣ первой бесѣды Градовскій заговорилъ о государственномъ значеніи печати. Государство въ долгу передъ печатью. Ея труженики не только терпятъ отъ разныхъ каръ, но подъ старость и при наступленіи нетрудоспособности остаются совершенно необезпеченными. Недавно образована касса взаимопомощи, поставившая своей задачей также и пенсіонное обезпеченіе писателей. Отчего бы государству не прійти ей на помощь хотя бы въ видѣ ссуды? «Что вы, что вы!»—замахалъ руками Витте,—«про меня скажутъ, что я либераламъ сталъ помогать».—«Помилуйте, Сергѣй Юльевичъ, касса учрежденіе безпартійное». На этомъ разговоръ оборвался, но Градовскій, посовѣтовавшись съ другими членами правленія, рѣшилъ не сдаваться. По его просьбѣ покойный М. Л. Песковскій взялся подготовить подробную справку о партійномъ составѣ членовъ кассы, вѣрнѣе, о томъ, въ какихъ изданіяхъ кто изъ нихъ сотрудничаетъ или сотрудничалъ. Получилась картина самая пестрая: тутъ были и сотрудники «Гражданина», и сотрудники «Московскихъ Вѣдомостей». Такой пестрый составъ вполнѣ понятенъ не только потому, что касса, дѣйствительно, была учрежденіемъ безпартійнымъ, но и потому, что члены-учредители поступали въ кассу безъ баллотировки. При такомъ порядкѣ партійная окраска не могла быть предметомъ подбора.

При слѣдующей бесѣдѣ Градовскій явился уже съ готовой запиской, гдѣ было изложено ходатайство о выдачѣ кассѣ ссуды въ 10.000 р. для ея пенсіоннаго капитала. Къ запискѣ была приложена справка о партійномъ составѣ кассы. На сей разъ Витте оказался благосклоннѣе. Когда Градовскій обратилъ его вниманіе на справку и прибавилъ, что опасаться за односторонность въ партійномъ составѣ — нѣтъ основаній, Витте сказалъ: «да, если, напр., Суворинъ или кн. Мещерскій засвидѣтельствуютъ, что касса учрежденіе безпартійное, тогда другое дѣло». Слишкомъ заманчива была мысль объ усиленіи пенсіонныхъ средствъ кассы, слишкомъ вѣрилъ Григорій Константиновичъ въ то, что его поддержитъ правленіе, и со свойственной ему горячностью, ни съ кѣмъ изъ правленія не посовѣтовавшись, онъ пустилъ въ ходъ всѣ бывшія въ его распоряженіи пружины. Въ числѣ членовъ кассы былъ очень милый человѣкъ, начальникъ сенатскаго архива А. В. Безродный, авторъ ряда архивныхъ изысканій. Онъ былъ совершенный младенецъ въ партійныхъ дѣлахъ и не брезгалъ бывать у кн. Мещерскаго на его четвергахъ. Градовскій былъ связанъ съ Безроднымъ старинными отношеніями и избралъ его парла-

ментеромъ между собой и кн. Мещерскимъ. Этотъ неосторожный шагъ оказался чреватымъ неожиданными послѣдствіями. Безродный завелъ рѣчь о кассѣ литераторовъ, когда кн. Мещерскій былъ занятъ игрою въ винтъ и, повидимому, плохо усвоилъ, о чемъ говорилъ ему Безродный. Въ ближайшемъ дневникѣ редакторъ «Гражданина» разразился рѣзкой филиппикой, но не по адресу кассы, а противъ совершенно неповиннаго литературнаго фонда, который-де подсылалъ къ нему нѣкоего господина, чтобы получить отъ него удостовѣреніе о безпартійности. Между тѣмъ,—продолжалъ кн. Мещерскій,—это учрежденіе сплошь состоитъ изъ радикаловъ, и прочее въ томъ же родѣ. Велико было изумленіе руководителей литературнаго фонда, когда на нихъ, какъ снѣгъ на голову, упала эта замѣтка сіятельнаго охранника. Комитетъ фонда спокойно заявилъ письмомъ въ редакціи газетъ, что никого онъ къ редактору «Гражданина» не подсылалъ и ни въ какомъ удостовѣреніи отъ него не нуждается. Этотъ непріятный инцидентъ далъ врагамъ Г. К. Градовскаго желанный поводъ къ нареканіямъ, благодаря которымъ отношенія между литературнымъ фондомъ и кассою дали замѣтную трещину. Въ правленіи кассы рискованный шагъ Г. К. Градовскаго тоже не могъ встрѣтить одобренія. Особенно волновался покойный Михневичъ, и не будь преданность Г. К. Градовскаго интересамъ кассы внѣ всякаго сомнѣнія, дѣло могло бы окончиться демонстративнымъ уходомъ нѣкоторыхъ членовъ правленія изъ его состава.

Въ концѣ декабря 1894 г. свиданія Градовскаго съ Витте прекратились, но Григорій Константиновичъ заручился согласіемъ Витте провести это дѣло при какомъ-либо удобномъ случаѣ. Онъ никакъ не ожидалъ, что дѣло получитъ скорое разрѣшеніе, но только не въ пользу кассы литераторовъ. Въ серединѣ января 1895 г., взявъ для просмотра свѣжія газеты, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ указъ о выдачѣ Академіи Наукъ ежегодно по 50 т. руб. для помощи нуждающимся литераторамъ и публицистамъ. Онъ немедленно отправилъ Витте письмо, упрекая его въ нарушеніи слова. Отвѣта на это письмо получено не было, и сношенія между Градовскимъ и Витте оборвались.

До конца жизни Г. К. Градовскій оставался въ невѣдѣніи, что собственно заставило Витте воспользоваться мыслью Градовскаго, но дать ей другую форму. Для тогдашняго вице-президента Академіи Наукъ Л. Н. Майкова указъ былъ тоже не-

ожиданностью, а завѣдываніе отпускаемыми на нужды писателей суммами—прямою обузою. Здѣсь, дѣйствительно, не все еще ясно, и, быть можетъ, только ко времени 25-лѣтія академическаго фонда намъ удастся узнать всѣ обстоятельства, при которыхъ онъ былъ образованъ. Пока же, при помощи нѣкоторыхъ членовъ, благожелательно настроенныхъ въ пользу кассы, удалось узнать, что записка Г. К. Градовскаго была передана министромъ въ кредитную канцелярію. Директоръ канцеляріи Малешевскій, въ свою очередь, передалъ ее на заключеніе одному изъ своихъ сотрудниковъ, математику и большому спеціалисту по страховой части. Заключеніе спеціалиста было неблагопріятно для кассы. По его мнѣнію, касса въ финансовомъ отношеніи совершенно несостоятельна, такъ какъ не можетъ выполнить денежныхъ обязательствъ по отношенію къ своимъ членамъ. На сколько справедливъ былъ этотъ отзывъ, показали послѣдующіе годы. Внѣ поля вниманія спеціалиста осталось, повидимому, то обстоятельство, что въ уставѣ кассы нѣтъ и намека на какія-либо фиксированныя денежныя обязательства. Напротивъ, особенность кассы заключается въ томъ, что обязательства эти отличаются значительною эластичностью въ зависимости отъ числа членовъ и ихъ платежей. Во всякомъ случаѣ въ глазахъ Витте касса потеряла всякое значеніе, и мысль о воспособленіи труженикамъ пера получила иное направленіе.

Въ литературныхъ кругахъ того времени приходилось слышать мнѣніе, что указомъ 1895 г. созданъ будто бы фондъ для подкупа печати. Это, конечно, было невѣрно. Градовскій вездѣ и всюду выступалъ противъ такого предубѣжденія. Печать, быть можетъ, была доступна въ нѣкоторой своей части подкупу, но академическій фондъ ни тогда, ни впослѣдствіи въ этомъ роли не игралъ, да и не могъ играть.

Семь лѣтъ продолжалась дѣятельность Г. К. Градовскаго во главѣ кассы. Полоса равнодушія и недовѣрія стала смѣняться болѣе благопріятнымъ для кассы настроеніемъ. Этому особенно способствовали московскіе писатели, образовавшіе затѣмъ довольно многолюдное отдѣленіе кассы съ покойнымъ А. П. Лукинымъ во главѣ. Особенно важно было то, что въ кассу вошли всѣ многочисленные сотрудники «Русскихъ Вѣдомостей». Немало дала Москва и для усиленія пенсіоннаго капитала кассы. Г. К. Градовскій ѣздилъ въ Москву для участія въ вечерахъ въ пользу кассы. Стоило открыться отдѣленію въ Москвѣ, какъ по стопамъ ея пошли Кіевъ и Юрьевъ.

Въ 1894 г. исполнилось первое трехлѣтіе пребыванія Г. К.

Градовскаго во главѣ кассы. По уставу ея переизбраніе на новое трехлѣтіе допускалось только послѣ годового перерыва. Лишиться Градовскаго даже на одинъ годъ было бы для кассы прямо опасно, да и самому Градовскому было больно разстаться со своимъ дѣтищемъ. Онъ и не пытался скрывать своего огорченія. По почину нѣкоторыхъ членовъ пришлось прибѣгнуть къ соотвѣтственному измѣненію устава кассы, и въ результатѣ основатель кассы оставался безсмѣннымъ предсѣдателемъ ея правленія, пока тяжкая болѣзнь не подкосила его.

1897 г. былъ въ жизни Григорія Константиновича роковымъ. Осенью этого года В. П. Далматовъ, тоже членъ кассы, случайно узналъ отъ Г. К. Градовскаго, что у него есть готовая пьеса, забракованная П. И. Вейнбергомъ. Далматовъ выпросилъ пьесу и, ознакомившись съ нею, взялся поставить ее въ Маломъ театрѣ. Пьеса имѣла успѣхъ, для Градовскаго составлявшій полную неожиданность. Надо было видѣть Григорія Константиновича подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній. Онъ не могъ говорить ни о чемъ другомъ и обижался, если узнавалъ, что собесѣдникъ еще не былъ на его пьесѣ. Чтобы успокоить счастливаго драматурга, надо было дать торжественное обѣщаніе побывать на его пьесѣ. Журналистика была заброшена, въ головѣ роились планы новыхъ пьесъ. «Извините, голубчикъ, надо приняться за кассу, но подождите, теперь не могу». Такъ говорилъ онъ одному изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ по кассѣ. Возбужденность принимала явно болѣзненную окраску. Г. К. Градовскій вообще могъ похвалиться здоровьемъ. Бросалась въ глаза легкая возбудимость, но она сопровождалась быстрою отходчивостью и удивительнымъ незлобіемъ. Работа безъ отдыха зиму и лѣто и при томъ по ночамъ ослабила нервную систему. Градовскій любилъ твореніе Петра и если покидалъ его, то только на 1—2 дня. На дачу онъ ѣздилъ только къ знакомымъ. Эти условія несомнѣнно подготовили катастрофу, разразившуюся 1-го ноября подъ тяжестью впечатлѣній отъ пьесы сильнѣйшимъ бурнымъ нервнымъ припадкомъ. Почти на 10 л. Григорій Константиновичъ выбылъ изъ строя. Врачи не могли сказать ничего утѣшительнаго, и всѣ знавшіе Григорія Константиновича близко считали его покойникомъ. Когда въ 1901 г. касса справляла свои десятилѣтній юбилей, отличавшійся большою теплотою и задушевностью, то юбилейное засѣданіе какъ-то невольно приняло характеръ поминокъ. Кому пришлось посѣтить Григорія Константиновича въ Кіевѣ въ домѣ его супруги, тотъ видѣлъ

передъ собою человѣка, съежившагося, чуть не скрюченнаго отъ злого недуга. На вопросъ, что у него болитъ, онъ жалобнымъ голосомъ отвѣчалъ: «все болитъ, всѣ кости болятъ». Бесѣда могла продолжаться лишь нѣсколько минутъ, такъ какъ больной быстро уставалъ и извинялся, что не въ состояніи больше поддерживать бесѣду. Память, однако, у него сохранилась полная. Онъ, напр., самъ вспомнилъ про случай чисто житейскаго свойства. Какъ-то года за два до болѣзни, идя по улицѣ, Григорій Константиновичъ встрѣтилъ жену одного изъ своихъ сотрудниковъ по кассѣ, но не узналъ ея, и она первая поклонилась ему. Григорій Константиновичъ пришелъ въ великое смущеніе и долго извинялся передъ нею. Во время болѣзни, т. е. лѣтъ черезъ пять послѣ сконфузившаго его приключенія, онъ неожиданно вспомнилъ о немъ. «Какъ это я тогда не узналъ»... говорилъ онъ. Къ кассѣ да и ко всему окружающему онъ относился съ полнымъ равнодушіемъ: болѣзнь совершенно переродила человѣка.

Въ началѣ 1906 г. стали, однако, доходить вѣсти, казавшіяся на первыхъ порахъ неправдоподобными,—что Григорію Константиновичу лучше, а вскорѣ затѣмъ его друзья и добрые знакомые стали получать отъ него письма. Писалъ онъ карандашомъ и едва ли не каждое письмо заканчивалъ припискою, что онъ умираетъ, и что это послѣднее письмо, которое онъ пишетъ. Касса снова составила предметъ его самыхъ трогательныхъ заботъ, и въ архивѣ ея найдется немало писемъ Григорія Константиновича на имя тогдашняго предсѣдателя правленія. Письма почти всегда были довольно обширны и содержали нерѣдко совѣты и предложенія, которыми можно было воспользоваться въ интересахъ кассы. Многое, конечно, перемѣнилось въ кассѣ за время его болѣзни. У его преемниковъ невольно напрашивался вопросъ: все ли одобритъ основатель кассы, что сдѣлано во время его вынужденнаго отсутствія? Въ этомъ отношеніи его письма были проникнуты не только дружелюбіемъ, но и особымъ теплымъ тономъ, который свидѣтельствовалъ о томъ, что преемники Григорія Константиновича по кассѣ шли вполнѣ желательнымъ для него путемъ.

Въ 1906 г. Г. К. Градовскій по собственному почину, даже не предупредивъ никого изъ состава тогдашняго правленія кассы, обратился къ предсѣдателю литературнаго фонда П. И. Вейнбергу съ просьбою объ отчисленіи изъ суммъ фонда 10 т. руб. въ пенсіонный капиталъ кассы. Обращеніе это поставило въ большое затрудненіе П. И. Вейнберга. Въ отчетахъ фонда о немъ вовсе не упоминается. Было ли оно доло-

жено хотя бы комитету фонда, неизвѣстно, но Градовскій отвѣта на него не получилъ. Едва ли бы онъ обидѣлся, если бы комитетъ увѣдомилъ объ отклоненіи его ходатайства, преемники же Градовскаго по кассѣ отнеслись бы вполнѣ отрицательно къ мысли о какомъ бы то ни было воспособленіи изъ суммъ фонда, такъ какъ оба эти учрежденія должны дѣйствовать и развиваться на собственныхъ ногахъ.

Наконецъ, осенью 1907 г. Г. К. Градовскій оставилъ Кіевъ и вторично переселился въ любимый Петроградъ. Появленіе его въ общемъ собраніи членовъ кассы 4-го ноября было цѣлымъ событіемъ. Собраніе происходило въ старомъ помѣщеніи географическаго общества у Чернышева моста и прошло съ особымъ подъемомъ. Б. Б. Глинскій предусмотрительно запасся фотографомъ, и Г. К. Градовскій былъ снятъ въ кругу присутствовавшихъ. Вскорѣ послѣ того дѣятелями кассы было устроено празднованіе 45-лѣтія его литературной дѣятельности. По общимъ отзывамъ юбилей былъ проникнутъ теплотою и задушевностью. Григорій Константиновичъ, вопреки желаніямъ его друзей, снова втянулся въ литературную сутолоку. Вопросы писательскаго быта опять стали привлекать его особое вниманіе. Въ засѣданіяхъ литературнаго общества, въ общихъ собраніяхъ кассы, на двухъ съѣздахъ писателей—вездѣ онъ дѣятельно работалъ, несмотря на старческій надломъ силъ. Особенно много энергіи удѣлилъ онъ съѣздамъ писателей, о чемъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ кассѣ литераторовъ Г. К. Градовскій принимаетъ непосредственное участіе во многихъ комиссіяхъ: по измѣненію устава, по изысканію новыхъ средствъ, по недоимкамъ, по образованію капитала имени одного изъ бывшихъ предсѣдателей правленія, о «Вѣстникѣ Кассы» и др. Все это была текущая работа, отъ которой никогда не уклонялся Григорій Константиновичъ. Касса, быть можетъ, даже нѣсколько злоупотребляла его надорванными силами. Былъ, однако же, моментъ, когда касса могла опереться снова только на Градовскаго. Не время говорить о всѣхъ подробностяхъ, связанныхъ съ закрытіемъ кассы лѣтомъ 1909 г. и съ возобновленіемъ ея дѣятельности осенью того же года. Можно сказать только одно: не вмѣшайся Градовскій, касса была бы ликвидирована. Руководители кассы считали кампанію проигранной, и только Г. К. Градовскій не положилъ оружія. Это онъ именно устроилъ пріемъ Столыпинымъ представителей кассы въ лицѣ предсѣдателя ея правленія и двухъ его предшественниковъ по этой должности. Ожиданія не обманули Г. К. Градовскаго, и послѣ

почти 1½ часового свиданія съ главою правительства участь кассы была рѣшена въ благопріятную для нея сторону. Наканунѣ Григорій Константиновичъ тщательно готовился къ этому свиданію. Онъ пробовалъ даже репетировать ту рѣчь, которую предполагалъ сказать. Но тутъ его разсчеты не оправдались, благодаря тонкому маневру Столыпина. Градовскому пришлось говорить послѣднимъ, послѣ того какъ бесѣда затянулась, а въ пріемной давно уже сидѣлъ директоръ департамента полиціи, ожидавшій пріема. Градовскій началъ съ указанія на свою дѣятельность. Столыпинъ мягко перебилъ его: «Григорій Константиновичъ, я давно знаю и уважаю вашу дѣятельность». Градовскому оставалось умолкнуть, но зато касса была уже спасена.

IV.

На юбилеѣ Г. К. Градовскаго одинъ изъ писателей остроумно назвалъ его Григоріемъ Калитою, собирателемъ русскихъ писателей. Дѣйствительно, никто ни до, ни послѣ него не можетъ раздѣлять съ нимъ этой великой заслуги. Какъ бы писатели и журналисты ни расходились, какъ бы ни спорили и ни враждовали, у нихъ неизбѣжно должны найтись точки соприкосновенія и едва ли не больше, чѣмъ въ любой изъ другихъ свободныхъ профессій. Градовскій понималъ это, какъ никто другой.

Касса въ первые годы своего существованія слыла нерѣдко похоронной. Кто желалъ отмахнуться отъ нея, прибѣгалъ къ этой успокоительной терминологіи. При нежеланіи вникнуть въ истинныя задачи кассы, можно, конечно, относить ее къ числу похоронныхъ кассъ, хотя никакихъ выдачъ на похороны, если это не оговорено въ завѣщательномъ распоряженіи участника кассы, она не производитъ. Въ основаніе одного изъ отдѣловъ кассы положенъ, правда, принципъ похоронныхъ кассъ. Заключается онъ въ томъ, что платежи вносятся участниками кассы не по какому-либо страховому разсчету, а за каждый отдѣльный случай несчастья, каково бы оно ни было,—смерть ли, или тяжкая болѣзнь. Но Г. К. Градовскому пришла счастливая мысль осложнить этотъ простой принципъ введеніемъ предѣльныхъ платежей, избираемыхъ участникомъ кассы по собственному желанію. Это дало ему возможность совершенно отойти отъ тѣхъ узкихъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ похоронныя кассы, поднять выгоды участія въ ней и самой помощи, оказываемой кассою, придать особую моральную окраску. Когда нужда у порога писателя, то у кого изъ его товарищей хва-

титъ духу предложить ему посильную матеріальную помощь, хотя бы она шла отъ избытка? Но если та же помощь будетъ оказана черезъ посредство учрежденія, если въ кассу запишется не только тотъ, кто ожидаетъ отъ нея помощи, но и тотъ, кто, не нуждаясь самъ, ищетъ случая въ безобидной формѣ прійти на помощь нуждающемуся товарищу, то, конечно, значеніе кассы не должно оцѣниваться рублями. Рубли здѣсь не коробятъ, такъ какъ тотъ, кто получаетъ помощь, получаетъ ее по праву, а не въ видѣ подачки. Г. К. Градовскій въ объяснительной запискѣ къ уставу развиваетъ эту мысль. Не разъ касался онъ ея и впослѣдствіи, справедливо видя въ этомъ характерную и симпатичную особенность созданной имъ кассы.

Еще разительнѣе подобное претвореніе рублей въ пріемлемую для писателя помощь при назначеніи пенсій. Идея взаимопомощи была распространена и на этотъ видъ помощи. Всѣ участники кассы должны дѣлать взносы въ ея пенсіонный капиталъ. Но тутъ взаимопомощь ставится еще шире. Нужны не только взносы обязательнаго характера,—нужны общія усилія въ интересахъ общаго дѣла. Усилія эти кристаллизуются разно: кто несетъ свой непосредственный трудъ для кассы, кто даетъ ей право получить гонораръ за перепечатанную статью, кто участвуетъ въ вечерахъ и спектакляхъ въ пользу пенсіоннаго отдѣла кассы. Все это несомнѣнная взаимопомощь. Если, однако, въ случаѣ посмертныхъ выдачъ взносы предназначаются для опредѣленнаго лица, то въ работѣ по усиленію пенсіоннаго капитала теряется и этотъ индивидуальный отпечатокъ, и ближайшая цѣль является совершенно безличной. Кого судьба приведетъ къ грани, на которой необходима пенсія, кто именно воспользуется пенсіонною помощью,—тотъ ли, кто особенно потрудился для общаго дѣла, или тотъ, кто только дѣлалъ свои обязательные вклады въ пенсіонный капиталъ? Развѣ думалъ самъ Г. К. Градовскій, что ему придется быть первымъ пенсіонеромъ кассы?

И въ пенсіонномъ отдѣлѣ Г. К. Градовскій стоялъ за правовой характеръ пенсіонныхъ выдачъ. Благотворительное усмотрѣніе всегда претило ему. Въ такомъ духѣ были составлены имъ пенсіонныя правила, принятыя затѣмъ и общимъ собраніемъ членовъ кассы уже въ отсутствіе Г. К. Градовскаго. Мысль о необходимости пенсій, основанныхъ на правѣ кандидата, а не на добромъ желаніи руководителей учрежденій, и до сихъ поръ еще не очень распространена въ писательскихъ кругахъ. Передъ лицомъ нужды мы какъ-то пасуемъ и легко удовлетворяемся избитыми способами индивидуальной или общественной бла-

готворительности. Мы все какъ-то боимся, что пенсія, полученная по праву, можетъ быть назначена въ ущербъ кому-либо другому, у котораго правъ на нее меньше, но зато нужда больше. Нѣтъ ничего опаснѣе для идеи взаимопомощи, какъ становиться на такую точку зрѣнія. Взаимопомощь не можетъ быть односторонней. Могутъ быть лишь различныя степени помощи, получающей обоюдный характеръ. Если же отъ взаимопомощи устранить все случайное, неопредѣленное, то и останется только право, какъ основаніе, на которомъ можетъ быть построено обширное зданіе. Говоря о помощи только въ крайней нуждѣ и лишь во имя ея, мы выходимъ изъ рамокъ взаимопомощи.

Положивъ въ основу кассы принципъ матеріальной круговой поруки, Г. К. Градовскій создалъ почву, на которой писатели легко могли объединиться. Отсюда не далеко до общихъ профессіональныхъ интересовъ. И касса не разъ пыталась развернуться въ профессіональное общество писателей. Не ея вина, если попытки терпѣли фіаско.

Было бы ошибкой думать, что Г. К. Градовскій оставлялъ безъ вниманія другія нужды писателей. Свобода печати—это ли не общеписательская нужда? Къ чему и матеріальная обезпеченность, если не обезпечено удовлетвореніе этой нравственной нужды? И Градовскій тоже отдалъ немало силъ борьбѣ за свободу печати. Въ глазахъ россійской цензуры онъ, незлобивый журналистъ, боровшійся только словомъ, былъ едва ли не самымъ опаснымъ человѣкомъ. Но въ этой борьбѣ, выпавшей на долю многихъ писателей, нѣтъ ничего такого, что характеризовало бы только Г. К. Градовскаго. Между тѣмъ касса литераторовъ, созданная имъ для удовлетворенія нуждъ другого порядка, навсегда останется связанной съ его именемъ. Поборника ихъ благосостоянія не забудутъ грядущіе писатели земли русской.

Я. Колубовскій.

БОРЕЦЪ ЗА СТАРЫЕ ИДЕАЛЫ.

Я познакомилась съ Г. К. Градовскимъ въ Петербургѣ, въ половинѣ 80-хъ годовъ, но гдѣ и какъ произошла наша встрѣча—припомнить не могу. Для меня эта подробность сама по себѣ характерная; первая встрѣча по старомодному скромной, начинающей беллетристки съ оригинальной, яркой личностью знаменитаго публициста могла не отмѣтиться въ памяти только потому, что наше дружеское сближеніе не проходило никакихъ условныхъ, недовѣрчиво сдержанныхъ ступеней петербургскихъ знакомствъ; оно должно было совершиться въ одномъ изъ порывовъ той горячей, заразительной искренности, которая оставалась до конца дней отличительной чертой этой благородной открытой натуры. Знаю только, что я не помню такого времени, когда Градовскій былъ бы въ нашемъ домѣ полузнакомымъ гостемъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ были уже позади восходящіе, побѣдные этапы популярности Гаммы-Градовскаго, созданной фельетонами «Голоса», «Молвы», а также блестящими военными корреспонденціями съ театра русско-турецкой войны. Въ быстро разлившихся волнахъ реакціи, поглотившей одинъ за другимъ всѣ очаги прогрессивной общественной мысли, однимъ изъ первыхъ должно было погибнуть и «Русское Обозрѣніе», незадолго лишь основанное Градовскимъ. Къ моменту моего возвращенія въ родной Петербургъ, послѣ десятилѣтнихъ скитаній съ мужемъ-врачемъ по земской Россіи—политическая печать столицы государства Россійскаго сведена была къ двумъ крупнымъ органамъ: «Новому Времени» А. С. Суворина и «Новостямъ» О. К. Нотовича.

Вотъ съ этимъ-то многолѣтнимъ, но далеко не равноправнымъ, единоборствомъ двухъ общественныхъ теченій и была въ то время связана вся работа Градовскаго. Я скажу даже—

судьба Григорія Константиновича!.. Ибо тѣ формы, въ какія выливалась «полемика» торжествующаго хозяина положенія, гораздо правильнѣе должны быть названы т р а в л е й. Грубой безсовѣстной травлей, впрочемъ, усвоенной веселой газетой еще недавно столь популярнаго «Незнакомца» либеральныхъ Коршевскихъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» по всѣмъ отдѣламъ газетнаго репертуара подъ флагомъ гаерскихъ пародій графа Алексиса Жасминова. И все же, по отношенію къ «Новостямъ» и самому крупному и независимому противнику, сильному зоркостью публицистическаго таланта и неугасимой пылкостью героическаго темперамента—по отношенію къ этому безкорыстному рыцарю пера, за намѣренно балаганными пріемами враговъ скрывался уже подлинный ядъ человѣконенавистничества: ядъ, омрачающій дни и по каплѣ подрывающій равновѣсіе силъ. А въ данномъ случаѣ, къ несчастію, этимъ еще и расчищалась дорога для печальныхъ наслѣдственныхъ предрасположеній, долго счастливо побѣждавшихся рѣдкой мощью физической организаціи Григорія Константиновича. Подобно тому, какъ въ памятной нововременской травлѣ умирающаго Надсона, такъ и въ систематическомъ преслѣдованіи Градовскаго, удары врага коварно обращались на самыя болѣзненныя точки и шрамы...

Такимъ чувствительнымъ шрамомъ въ душѣ Григорія Константиновича оставались его первые неясные шаги на литературной аренѣ, обусловленные страстной нетерпѣливостью темперамента, а, быть можетъ, отчасти и недостаточной сознательностью выбора. Все это знаютъ и припомнятъ мои болѣе компетентные товарищи; для меня, уже въ силу разницы нашихъ возрастовъ, то далекое прошлое впервые вставало изъ ядовитыхъ намековъ полемическихъ схватокъ, и изъ той жгучей боли, какую они причиняли Григорію Константиновичу...

Допускаю даже, что не сразу вполнѣ опредѣлилось политическое міровоззрѣніе юнаго публициста, начавшаго писать въ газетѣ, еще будучи студентомъ; семейныя условія и связи увлекали его на обыденную служебную карьеру юриста—пока не выяснилась для него невозможность совмѣстить блестяще начатую карьеру съ повелительнымъ влеченіемъ литературнаго таланта, но лично я (также изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ проявленій и сопоставленій) заключаю, что и самый умъ его, глубоко оптимистическій, несъ въ себѣ отпечатокъ кипучей эпохи: тѣхъ творческихъ подъемовъ, когда нерѣдко въ человѣкѣ ярче всего общее чувство всесильнаго сдвига, когда цѣль заслоняетъ выборъ пути, упоеніе вѣры опережаетъ критическое

чутье. Не легко въ такіе моменты должна даваться страстному боевому таланту глубокая задача самоопредѣленія...

О, да! Мы съ тѣхъ поръ имѣли время хорошо познакомиться съ новымъ жизненнымъ терминомъ, — но не въ ту стремительную эпоху, категорически требовавшую не философскаго самопогруженія, а безоглядной отдачи всѣхъ силъ, отрывавшую и увлекавшую, какъ рветъ и уноситъ льдины двинувшійся ледоходъ. Естественно также, что такая эпоха должна создавать свою исключительно-обостренную нетерпимость.

Такъ это — или почти такъ — всячески то были не болѣе какъ пробные шаги, быстро выведшіе молодой талантъ на его истинный, неуклонный и тернистый путь русскаго прогрессивнаго журналиста. Въ исторіи журнализма второй половины вѣка Гаммѣ-Градовскому принадлежитъ мѣсто исключительное по рѣдкой цѣльности и силѣ публицистическаго дарованія. Но этимъ не все сказано: было въ немъ нѣчто ярко индивидуальное, выходящее за границы того, что зовется талантомъ и призваніемъ. Быть можетъ, оно заключалось въ удивительной согласованности, въ подчиненности всѣхъ свойствъ натуры этой одной центральной силѣ духа — а этимъ отметались внутреннія задержки, и открывался широкій путь тому, что я рискую назвать одержимостью: всепоглощающей, исчерпывающей, не покидавшей человѣка и въ его личной жизни. Сила громадная! Но по всей вѣроятности, и всегда эта сила въ значительной дозѣ обращается противъ самого носителя ея. Трудно, чтобы могло быть иначе; человѣку нормально уравновѣшенному не легко—не говорю уже признавать ее—но хотя бы только вѣрно распознать въ чужой душѣ, сквозь переплетающуюся сѣть всѣхъ привычныхъ мѣрокъ, масштабовъ и готовыхъ толкованій. Думаю, что именно эта, столь исключительная напряженность настроенія, горѣніе общественнаго служенія, граничащее часто съ паѳосомъ,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводили къ отрицательнымъ впечатлѣніямъ. Всѣмъ знакомо то безотчетное сомнѣніе, какое вызывается чьими-нибудь какъ бы чрезмѣрно усердными завѣреніями.

Можетъ случиться, что для людей, органически чуждыхъ такой экспансивности, получается впечатлѣніе какой-то нарочитости, пожалуй, даже рисовки, не свойственной серьезному русскому писателю. Но старые товарищи по работѣ и близкіе друзья умѣли разбираться во всѣхъ крайностяхъ этой натуры, нервной до подлинной истеричности.

Живы впечатлѣнія нѣкоторыхъ застольныхъ рѣчей на литературныхъ обѣдахъ, юбилеяхъ... Григорій Константиновичъ

говорилъ публично несравненно слабѣе, чѣмъ писалъ; не было хладнокровія, непринужденнаго распоряженія богатыми рессурсами, которое такъ обаятельно въ рѣчахъ ораторовъ; людямъ, не знавшимъ его близко, трудно повѣрить, что этотъ громовержецъ былъ застѣнчивъ, какъ новичокъ, при каждомъ публичномъ выступленіи. Вотъ онъ поднимается съ своего мѣста, охваченный кипѣніемъ чувствъ и мыслей,—и съ первыхъ словъ уже ощущается внутреннее разсѣивающее усиліе удержать это кипѣніе въ нужныхъ границахъ. Свыше силъ не закончить каждую рѣчь неизмѣнно однимъ и тѣмъ же тостомъ: «За свободу печатнаго слова!» — въ какой бы натяжкѣ это ни было съ беззаботнымъ юбилейнымъ настроеніемъ, а пожалуй, и съ темой только что произнесенной рѣчи. Если живо въ современности знаменитое изреченіе древности: Ceterum censeo, Carthaginem delendam esse, — поистинѣ свобода печати была такимъ призывомъ, выгравированнымъ въ душѣ Градовскаго.

Если я надъ могилой Григорія Константиновича позволяю себѣ коснуться темы, щекотливой и къ тому же трудно уловимой, то рѣшаюсь на это, уповая на явную объективность моей позиціи. Вѣдь мои впечатлѣнія слагались внѣ атмосферы профессіональнаго сотрудничества,—въ газетахъ я не писала. Наблюдала этого паладина въ минуты отдыха, въ мирныхъ личныхъ отношеніяхъ, часто не имѣвшихъ никакого касательства къ литературѣ, въ условіяхъ, когда въ каждомъ человѣкѣ берутъ же верхъ примитивныя свойства характера. Въ этихъ условіяхъ Григорій Константиновичъ былъ веселъ, остроуменъ и деликатенъ какъ... ну, какъ самый безобидный, ничѣмъ не обязанный, обыватель. Какой самообманъ! Нигдѣ и никогда Градовскій не былъ обывателемъ. Всегда присущая широта умственнаго захвата, чуткость кровной, неотступной заботы, свѣтъ всегда бодрствующей мечты—все это онъ вносилъ своимъ появленіемъ въ любое общество. Оно мерцало и безобидно поблескивало, поднимая настроеніе въ успокоительномъ разливѣ обыденнаго веселья—но не требовалось даже такъ называемой искры, для того, чтобы произошелъ взрывъ,—со всей его страстной нетерпимостью и возраставшей съ годами прискорбной несдержанностью въ спорѣ, довольно какого-нибудь смѣлаго слова вразрѣзъ его кровнымъ убѣжденіямъ, достаточно случайнаго намека на то, чѣмъ онъ перестрадалъ только что въ долгіе рабочіе часы,—въ часы, когда въ холостой квартирѣ, обложенный книгами, отославъ прислугу, въ дыму крѣпкихъ сигаръ или длинной турецкой

трубки онъ нерѣдко до вечера не бросалъ пера, позабывъ о времени. Вотъ онъ является, какъ гость въ 9—10 часовъ, и съ смущенной улыбкой провинившагося юноши вынужденъ сознаться, что съ утра не ѣлъ — позабылъ, слишкомъ усталъ, чтобы тащиться въ свой излюбленный Капернаумъ.

Изъ многолѣтняго знакомства и на почвѣ общихъ литературныхъ интересовъ—я снова и снова убѣждаюсь въ прямо неправдоподобномъ безкорыстіи Градовскаго. Боже мой, какъ далекъ былъ этотъ первоклассный публицистъ, чьи фельетоны (какъ по дѣлу Вѣры Засуличъ) потрясали всю интеллигентную Россію и черезъ десятки лѣтъ вспоминались съ волненіемъ, — какъ далекъ онъ былъ отъ нынѣшняго изощреннаго цѣненія каждой своей написанной строки! Какъ хлѣбомъ насущнымъ, онъ дорожилъ однимъ: возможностью писать. Все остальное отступало на второй планъ: ухудшающіяся матеріальныя условія, тяжесть безысходнаго зависимаго положенія, вся мѣра эксплоатаціи журналиста, не имѣющаго выбора, и для кого молчаніе хуже смерти. Если и случалось въ разговорѣ помянуть неумирающей горечью быстро погибшее «Русское Обозрѣніе», то и тутъ привычная мысль не затрагивала личнаго; память вызывала все тѣ же широкія обобщенія, общественныя разочарованія, надвигавшіяся угрозы.

Но вѣдь онъ былъ, этотъ моментъ, когда на вершинѣ своего вліянія и извѣстности Градовскому удалось осуществить завѣтную мечту — собственную газету! Легко понять всю совершенно исключительную цѣну писательской независимости для публициста его темперамента, а потому развѣ не были бы совершенно естественны (такъ сказать, «неподсудны») со стороны издателя «Русскаго Обозрѣнія» какія-нибудь попытки сохранить драгоцѣнное завоеваніе? Мы знаемъ, что «Русское Обозрѣніе» получило одиннадцать предостереженій въ два года, какъ если бы во главѣ его стоялъ увлекающійся новичокъ, а не обстрѣленный борецъ, давно уже поневолѣ искусившійся въ лавированіи по скалистымъ фарватерамъ русской публицистики.

Въ этотъ единственный разъ, когда Градовскій былъ х о з я и н о м ъ, когда на утломъ суднѣ везъ онъ также и неоцѣненный грузъ своей писательской независимости, тутъ и запечатлѣна во всей беззавѣтности его преданность писательскому долгу.

Съ каждымъ годомъ становились все тяжелѣе моральныя и матеріальныя условія въ тискахъ, давившихъ печать и литературу. Для Григорія Константиновича, къ тому же, напряжен-

ная нервная работа давно уже лишена была и самыхъ элементарныхъ условій правильнаго режима и чужой заботы: но то была свобода одиночества! Свобода, которую онъ сумѣлъ создать для себя въ самомъ центрѣ шумной столицы, чѣмъ онъ такъ дорожилъ! Возможность, не зная никакихъ помѣхъ, отдаваться до упоенія, до безразсудства и своему вдохновенію и своему раздраженію,—исчерпать до дна всѣ внутреннія возможности дарованія. Несомнѣнно, что въ такихъ исключительныхъ условіяхъ писательской работы уже заключается залогъ ея максимальной успѣшности; можно было по востребованію справляться съ работой поистинѣ колоссальной—напримѣръ, въ періодъ возникновенія любимаго дѣтища Градовскаго, нашей кассы. Если касса осуществилась и прочно вошла въ жизнь совершенно тогда еще неподготовленной среды плохо обезпеченныхъ русскихъ писателей, — то совершилось это главнымъ образомъ благодаря тому, что ее тянулъ и толкалъ не только гипнотизирующій напоръ всей волевой энергіи ея страстнаго пропагандиста, но и шагъ за шагомъ воплощалъ въ жизнь его самоотверженный трудъ, какъ перваго предсѣдателя.

Такъ сжигалась со всѣхъ концовъ эта лихорадочная жизнь, безъ передышки и отдыха, круглые годы безвыѣздно въ убійственныхъ условіяхъ лѣтняго Петербурга,—пока не разразился тяжкій недугъ, на цѣлые годы вырвавшій Григорія Константиновича изъ рядовъ родной литературы. Благородная сила энергіи творитъ чудеса, но тѣмъ временемъ физическая природа человѣка ведетъ свою мстительную бухгалтерію.

Еслибъ не самый тщательный и самоотверженный уходъ, какимъ Григорій Константиновичъ былъ окруженъ въ своей семьѣ еще очень долго послѣ того, какъ наука отступилась отъ него, произнеся свой безнадежный приговоръ,—невѣроятно, чтобы могло свершиться внезапное выздоровленіе, абсолютно никѣмъ не жданное и ровно ничѣмъ не подготовленное. Въ то лѣто 1907 года я впервые случайно жила въ окрестностяхъ Кіева. И вотъ, отправившись съ душевной болью навѣстить безнадежно больного, уже давно, какъ я знала, прикованнаго къ постели, я увидѣла Григорія Константиновича идущимъ мнѣ навстрѣчу съ такой знакомой свѣтлой улыбкой привѣта.

Зимою того же 1907 года Градовскій былъ уже въ Петербургѣ. Помню, какъ въ темный промозглый день, въ извоз-

чичьей каретѣ Я. Н. Колубовскій, Д. А. Линевъ и я радостно подъѣзжали къ Варшавскому вокзалу встрѣтить нашего богатыря, благополучно отбившагося отъ когтей самой смерти!

Нежданный возвратъ къ жизни счастливо совпалъ съ сорокапятилѣтіемъ литературной дѣятельности Градовскаго, которое и было отпраздновано юбилеемъ, рѣдкимъ по теплотѣ и искренности. Но все же я позволяю себѣ думать, что не для меня одной—что и еще для кого-нибудь изъ старыхъ друзей Градовскаго этимъ радостнымъ моментомъ снималась съ души смутная тревога... Вѣдь прошло десять лѣтъ! И не заурядныхъ лѣтъ нашего слишкомъ привычнаго общественнаго томленія, а пронесся съ громомъ и молніей ураганъ событій, величайшаго историческаго значенія. Роковая неудачная война. Дни 17-го октября, со всей свитой лишь въ Россіи возможныхъ метаморфозъ. Революція. Сознаюсь, я страшилась для Градовскаго глубокой пропасти, оторвавшей нашу жизнь отъ девяностыхъ годовъ, но я ошиблась, радостно ошиблась! Ураганныя переживанія создаютъ и свои масштабы, они приближаютъ историческія перспективы.

Маститый юбиляръ стоялъ передъ нами, одинъ изъ всѣхъ непричастный недавнимъ трагическимъ переживаніямъ. Онъ явился, какъ живое воплощеніе прошлаго, во всей его неприкосновенности, и въ лицѣ его многострадальная русская литература чествовала и его долгое самоотверженное служеніе, и весь героическій путь, устланный неоскудѣвающими жертвами.

Нѣкоторые изъ молодыхъ участниковъ обѣда только изъ юбилейныхъ рѣчей и адресовъ дорисовали себѣ крупную фигуру этого публициста Божьей милостью, почти полъ-вѣка весь смыслъ жизни полагавшаго въ печаляхъ и радостяхъ общественныхъ волненій—какъ развѣ художникъ видитъ міръ въ своихъ созданіяхъ, поэтъ—въ своихъ пѣсняхъ.

Григорій Константиновичъ зажилъ въ Петербургѣ своей прежней жизнью. Долгій искусъ тяжкихъ страданій не научилъ его хотя бы самой элементарной осторожности, не привилъ старому борцу глубоко ему несвойственной заботы о своихъ интересахъ, о здоровьи, покоѣ. Слѣдовало намъ, его литературной семьѣ, поберечь эти надломленныя силы, а не спѣшить почтить его избраніемъ въ комиссіи, возникавшія въ литературныхъ обществахъ. Но Богъ вѣсть, что лучше! Вѣдь для Градовскаго жить—значило сгорать на общественной работѣ, и я не могу себѣ представить, чѣмъ инымъ онъ могъ бы жить?

Ольга Шапиръ.

«БЛИЖЕ КЪ ЖИЗНИ».

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Съ покойнымъ Григоріемъ Константиновичемъ я поддерживалъ почти 30-лѣтнее знакомство, превращавшееся иногда въ дружескія отношенія. Затѣмъ судьба насъ опять разобщала, но мы никогда не теряли другъ друга изъ виду. Началось наше знакомство въ 80-хъ годахъ и продолжалось почти до его кончины.

Многое насъ разъединяло, но и многое соединяло. Я остановлюсь здѣсь только на одной, родственной намъ обоимъ, чертѣ, бросающей свѣтъ на идейное содержаніе его дѣятельности.

I.

Покойный основатель кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ началъ свою дѣятельность, какъ извѣстно, съ административной службы въ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, А. П. Безака. Тутъ онъ скоро дослужился до чиновника особыхъ порученій, содѣйствуя замиренію края, взбудораженнаго недавнимъ повстаніемъ. Административная карьера его казалась обезпеченной, и врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что по этому пути онъ легко могъ добраться до болѣе или менѣе виднаго положенія.

Но въ одинъ прекрасный день онъ бросаетъ проторенную дорогу, изъ Кіева переѣзжаетъ въ Петербургъ и поступаетъ въ консультацію при министерствѣ юстиціи. Но и эта служба его не удовлетворяетъ. Въ Кіевѣ политика обрусѣнія, практиковавшаяся А. П. Безакомъ, не пришлась ему по душѣ, какъ онъ самъ объ этомъ неоднократно говорилъ. Чувствовалось

ему въ этой политикѣ нѣчто насильственное, вызывавшее не только недружелюбіе, но и чувство вражды, даже ненависти управляемыхъ къ правящимъ. Онъ жаждалъ другихъ отношеній между ними,—отношеній, основанныхъ на строгомъ соблюденіи справедливыхъ законовъ. И вотъ онъ поступаетъ въ министерство юстиціи, гдѣ онъ надѣется содѣйствовать установленію закономѣрности въ администраціи при помощи только что созданныхъ новыхъ судебныхъ установленій. Но и дѣятельность докладчика и помощника юрисконсульта его не удовлетворяетъ. Изъ бесѣдъ съ нимъ я вынесъ убѣжденіе, что и тутъ онъ чувствовалъ себя недостаточно свободнымъ, т. е. чувствовалъ себя простымъ исполнителемъ предначертаній, далеко не всегда ему симпатичныхъ.

Я съ умысломъ уже въ самомъ началѣ моего очерка устраняю всѣ случайныя обстоятельства, такъ или иначе вліявшія на судьбу Григорія Константиновича. Жизнь и дѣятельность каждаго человѣка представляетъ собою какъ бы діагональ въ параллелограммѣ нѣсколькихъ силъ, именно общихъ внѣшнихъ условій, заложенныхъ въ человѣкѣ внутреннихъ силъ, наконецъ, разныхъ случайностей. Чѣмъ сильнѣе, способнѣе человѣкъ, тѣмъ меньше вліяютъ случайности на равнодѣйствующую его жизни и дѣятельности. Исключительно сильныя и способныя натуры справляются даже отчасти съ общими условіями и иногда подчиняютъ ихъ себѣ. Григорій Константиновичъ былъ человѣкъ и сильный, и способный. Поэтому случай не игралъ большой роли въ его жизни, напротивъ, онъ его самъ иногда создавалъ и, кромѣ того, онъ старался бороться съ невыгодными внѣшними условіями, такъ что равнодѣйствующая его жизни и дѣятельности опредѣлилась, главнымъ образомъ, заложенными въ немъ силами и способностями.

Въ чемъ же онѣ заключались?

Тутъ прежде всего бросается въ глаза выраженная съ молодыхъ лѣтъ склонность къ писательству. Уже студентомъ онъ принимаетъ участіе въ газетахъ, сперва въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», а потомъ въ «Кіевлянинѣ». Но склонность къ писательству сама по себѣ еще немного значитъ. Она часто вызывается простою подражательностью. Кто на своемъ вѣку не пытался писать? Поговорка: «лиха бѣда—починъ» менѣе всего примѣнима къ писательству. Люди, даже страстно желавшіе писать, очень скоро охладѣваютъ иногда къ этому дѣлу и больше къ нему не возвращаются или даже съ улыбкою вспоминаютъ впослѣдствіи о своихъ увлеченіяхъ этого рода. Но Григорій

Константиновичъ какъ началъ писать, будучи еще студентомъ, такъ оставилъ перо, только находясь въ двухъ шагахъ отъ гробовой доски. Склонность къ писательству, значитъ, была у него не наносною, а врожденною.

Кромѣ того, у него была врожденная склонность къ свободному труду. Григорій Константиновичъ началъ съ административной дѣятельности, я—съ ученой. Когда моя магистерская диссертація, несмотря на болѣе чѣмъ лестные отзывы профессоровъ, была признана неудобной по цензурнымъ соображеніямъ, я избралъ себѣ другую аудиторію и посвятилъ себя исключительно писательству. Безъ свободы научная дѣятельность казалась мнѣ кореннымъ образомъ противорѣчащей моей внутренней природѣ. Григорій Константиновичъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, испыталъ подобное же чувство, въ концѣ концовъ, совершенно отказался отъ казенной службы и посвятилъ себя тоже исключительно писательству.

Это досталось ему не безъ сильной внутренней борьбы. И теперь еще писательскій хлѣбъ зарабатывается не легко, особенно на первыхъ порахъ. Но въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка промѣнять обезпеченное служебное положеніе на случайный, скудный хлѣбъ писателя казалось поступкомъ, граничившимъ съ крайнимъ легкомысліемъ. Даже люди съ исключительнымъ талантомъ часто не рѣшались бросить службу, чтобы жить единственно для литературы и литературой. Подавно на это не рѣшались люди съ неопредѣлившимся еще литературнымъ дарованіемъ, если у нихъ не было стороннихъ доходовъ. Но борьба, которую пришлось пережить Григорію Константиновичу, имѣла еще другой источникъ.

Собственно, къ тому времени, когда онъ принялъ трудное рѣшеніе отказаться отъ службы и посвятить себя исключительно литературѣ, у него была уже извѣстность, обезпечивавшая нѣкоторый заработокъ. Десятилѣтнее сотрудничество въ газетахъ («Кіевскомъ Телеграфѣ», «Кіевлянинѣ», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Гражданинѣ», который онъ нѣкоторое время даже редактировалъ, «Русскомъ Мірѣ») создало ему литературное имя, и не такъ ужъ страшно было пуститься въ зыбкое море писательства, довѣрить свою судьбу утлой ладьѣ писательскаго заработка. Но дѣло въ томъ, что ему пришлось на всемъ ходу пересѣсть изъ одной ладьи въ другую. Какъ легко было при этомъ потерять равновѣсіе и погибнуть въ окружавшей его стихіи.

Изъ перечня газетъ, въ которыхъ сотрудничалъ Григорій Константиновичъ, уже видно, къ какому лагерю онъ примы-

калъ. Это, однако, не значитъ, что либерализмъ не былъ ему дорогъ. Напротивъ. Для него вопросъ заключался только въ томъ, въ союзѣ съ какою изъ исторически-сложившихся силъ легче всего достижимы культурные успѣхи въ русской жизни. Онъ раздѣлялъ мнѣніе нашихъ писателей, начиная съ Кантеміра и кончая Бѣлинскимъ и Герценомъ, что историческая сила, вѣрнѣе всего обезпечивающая культурные успѣхи родины — правительство. Слова молодого Бѣлинскаго, что «Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей», или уже искушеннаго опытомъ Герцена, что Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлью замѣнить царя царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими», легли въ основу первоначальной его дѣятельности. Руководствуясь этой мыслью, онъ и поступилъ на государственную службу. Эта же мысль легла въ основу его публицистической дѣятельности.

Но постепенно онъ сталъ убѣждаться, что въ правительствѣ есть два какъ бы противоположныхъ теченія. Не забудемъ, что онъ началъ свою дѣятельность въ эпоху великихъ реформъ, которымъ онъ остался вѣренъ до конца своихъ дней, до послѣдняго слова, написаннаго имъ уже обезсилѣвшей рукой. Ревностнымъ и подчасъ краснорѣчивымъ защитникомъ этихъ реформъ и ихъ завершенія онъ остался за всю свою свыше чѣмъ полувѣковую дѣятельность. Но въ правительствѣ были и враги этихъ реформъ, и иногда эти враги брали рѣшительно верхъ надъ ихъ друзьями. Началось это уже со временъ польскаго повстанья, когда Григорій Константиновичъ вступилъ на путь общественнаго служенія. И онъ видѣлъ, что число этихъ враговъ все возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что правительство изъ орудія прогресса часто превращается въ орудіе реакціи. Можетъ ли при такихъ условіяхъ уважающій себя публицистъ либеральнаго толка оставаться на его службѣ? Можетъ ли онъ, служа ему, сохранить независимость, свободу своихъ сужденій? Не значитъ ли это поклоняться двумъ богамъ: одному для матеріальнаго своего обезпеченія, другому для удовлетворенія высшихъ запросовъ души?

II.

И Григорій Константиновичъ навсегда бросилъ службу. Это рѣшеніе назрѣвало постепенно въ теченіе 60-хъ годовъ и окончательно сложилось къ началу 70-хъ годовъ, т. е. къ тому

времени, когда и я, послѣ двухъ попытокъ совмѣстить свободу изслѣдованія съ оффиціальнымъ положеніемъ ученаго, отказался отъ мысли о службѣ и записался безповоротно въ ряды вольныхъ русскихъ публицистовъ. И мы съ Григоріемъ Константиновичемъ были не одни. Нашего полку все прибывало. Я тутъ имѣю въ виду не писателей вообще, а именно публицистовъ въ тѣсномъ значеніи слова, т. е. писателей, посвящающихъ себя обсужденію въ печати вопросовъ, рѣшаемыхъ государственными людьми на практикѣ. «Отечественныя Записки» и «Современникъ» поработали не даромъ. Въ 60-ые годы могли уже возникнуть въ Россіи политическіе органы въ полномъ значеніи этого слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ создались очаги независимой мысли, народились публицисты, освобожденные отъ горькой необходимости быть въ то же время людьми 20-го числа. Возникаютъ или совершенно преобразовываются «Биржевыя Вѣдомости», «Голосъ», «Петербургскія» и «Московскія Вѣдомости»,—политическіе органы съ небывалыми еще въ Россіи бюджетами, иногда довольно щедро оплачивавшіе своихъ сотрудниковъ, особенно съ 70-хъ годовъ, когда всѣ эти газеты получаютъ широкое развитіе и къ нимъ еще присоединяется «Новое Время», основанное еще въ 60-хъ годахъ Киркоромъ и Юматовымъ и занявшее видное положеніе въ первой половинѣ 70-хъ годовъ при К. В. Трубниковѣ. Но «Новое Время» имѣетъ значеніе для меня, такъ какъ я въ этой газетѣ началъ свою публицистическую дѣятельность; Григорій же Константиновичъ пріобрѣлъ широкую извѣстность въ качествѣ фельетониста «Голоса», подписываясь псевдонимомъ «Гамма». «Голосъ», какъ и «Новое Время», имѣлъ издателемъ бывшаго чиновника, промѣнявшаго бюрократическую карьеру на издательство. Товарищами моими были Вреденъ, Андреевскій, Безобразовъ, Чебышевъ-Дмитріевъ; товарищами же Григорія Константиновича—его однофамилецъ Градовскій (А. Д.), Бильбасовъ, тотъ же Безобразовъ, Модестовъ. Изъ нихъ только Бильбасовъ отказался отъ каѳедры, остальные же соединяли публицистическую дѣятельность съ оффиціальнымъ положеніемъ профессоровъ.

Но наряду съ ними начинали дѣйствовать уже и люди, окончательно порвавшіе съ оффиціальнымъ положеніемъ. Между ними я здѣсь назову близкаго товарища Григорія Константиновича, довольно въ свое время извѣстнаго публициста, Н. В. Альбертини, который также началъ свою дѣятельность съ оффиціальнаго положенія (преподавателя исторіи и законовѣдѣнія), но затѣмъ отказался отъ службы и сталъ сотрудникомъ

«Московскаго Обозрѣнія» и «Отечественныхъ Записокъ». Въ качествѣ сотрудника этого знаменитаго журнала онъ навлекаетъ на себя сильное неудовольствіе Чернышевскаго и Писарева, но въ то же время и администраціи, которая подвергаетъ его и тюремному заключенію, и 6-лѣтней ссылкѣ.

Какъ же случилось, что Альбертини навлекъ на себя одновременно гнѣвъ и радикальныхъ элементовъ, и оффиціальныхъ сферъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ отвѣтить и на вопросъ, почему «Голосъ», однимъ изъ столповъ котораго былъ Альбертини, не пользовался расположеніемъ ни радикальныхъ элементовъ, ни бюрократіи и подвергся безконечнымъ административнымъ карамъ, пока, наконецъ, не вынужденъ былъ прекратить свое существованіе.

Дѣло въ томъ, что «Голосъ» велъ войну на два фронта: и противъ реакціонеровъ, гдѣ бы они ни находились, въ обществѣ-ли или въ правительствѣ, и противъ сторонниковъ «ломки», противъ «нетерпѣливцевъ», какъ онъ ихъ называлъ. Практически говоря, это сводилось къ готовности «Голоса» идти до извѣстной степени рука объ руку съ правительствомъ, но только въ томъ случаѣ, если оно само идетъ рука объ руку съ наукою и прогрессомъ. Чѣмъ онъ преимущественно дорожилъ—это независимостью своихъ сужденій и правомъ болѣе или менѣе свободно знакомить съ ними общество. Въ этомъ смыслѣ «Голосъ» былъ провозвѣстникомъ русскаго конституціонализма, образуя, такъ сказать, центръ предчувствуемаго парламента.

Вотъ къ этому лагерю и примкнулъ Григорій Константиновичъ. Здѣсь, въ «Голосѣ», онъ нашелъ себѣ каѳедру и большую аудиторію, которая охотно прислушивалась къ его словамъ.

Но не принадлежалъ ли самъ Григорій Константиновичъ къ числу тѣхъ «нетерпѣливцевъ», противъ которыхъ ополчался «Голосъ»? Отчасти, да. Его дорога, какъ и дорога «Голоса», вела прямо къ конституціонализму. Но газета шла осторожно, во всякомъ случаѣ осторожнѣе Григорія Константиновича. Не забудемъ, что среди ея сотрудниковъ, и притомъ авторитетныхъ, находились люди, проповѣдывавшіе съ высоты университетской каѳедры, что Россія (Россія 70-хъ годовъ) представляетъ собою страну, «гдѣ каждый сколько-нибудь значительный элементъ общества призванъ къ дѣятельному участію въ государственной жизни. Землевладѣнію и общинамъ отведена значительная доля участія въ мѣстномъ управленіи; талантамъ страны открыто широкое поле адвокатуры; публицистамъ пре-

доставлена свобода слова; реформы подвергаются предварительному обсужденію гласно и откровенно цѣлымъ обществомъ; общественная совѣсть въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей участвуетъ въ судѣ»... Словомъ, Россія, по мнѣнію А. Д. Градовскаго (я привелъ его мнѣніе), представляла уже тогда довольно совершенное государство, и, конечно, не отъ дѣятелей подобнаго рода можно было ожидать «нетерпѣнія».

Григорій Константиновичъ, наоборотъ, руководствуясь вынесеннымъ имъ опытомъ и не стѣсняемый оффиціальнымъ положеніемъ въ свободѣ своихъ сужденій, думалъ, что къ усовершенствованію государственныхъ учрежденій слѣдуетъ приступить немедленно, что дѣло завершенія великихъ реформъ опасно откладывать въ долгій ящикъ. Вслѣдствіе этого между нимъ и редакціею возникали тренія. По существу, между ними розни не было, но была рознь, такъ сказать, относительно быстроты движенія. Молодому тридцатилѣтнему сотруднику казалось, что надо взять болѣе быстрый, энергичный темпъ. Въ глазахъ читателей статьи Григорія Константиновича отъ этого выигрывали, но осторожная редакція, съ Краевскимъ во главѣ, опасалась, и часто не безъ основанія, что этотъ энергичный и быстрый темпъ можетъ погубить газету, а она представляла такое крупное литературное предпріятіе, что рисковать имъ, конечно, не хотѣлось. Не трудно было предвидѣть, что это поведетъ къ нежелательнымъ для обѣихъ сторонъ послѣдствіямъ.

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что Григорій Константиновичъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ своей работѣ, что ему хотѣлось полной самостоятельности, что онъ сталъ помышлять о собственномъ органѣ. Такъ возникло «Русское Обозрѣніе». Но осторожный Краевскій оказался прозорливѣе своего молодого сотрудника. Существованіе «Русскаго Обозрѣнія»—истинный мартирологъ. Одна административная кара слѣдовала за другой, пока газету не пришлось закрыть. Въ 70-хъ годахъ наша администрація, однако, была уже снисходительнѣе, чѣмъ въ 60-хъ, и Григорія Константиновича не постигла участь Н. В. Альбертини. Очевидно, за это время всѣ уже поняли, что нельзя признавать революціонными дѣятелями тѣхъ, кто, строго избѣгая нарушенія установленнаго закона, не раздѣляетъ только мнѣнія администраціи и стремится законными же средствами соотвѣтственно измѣнить существующіе законы.

Какъ бы то ни было, попытка Григорія Константиновича основать собственную газету потерпѣла послѣ энергическаго

приступа крушеніе, и ему пришлось вернуться къ сотрудничеству въ чужихъ изданіяхъ. Не прерывая добрыхъ отношеній съ «Голосомъ», онъ работалъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Молвѣ», «Порядкѣ», «Московскомъ Телеграфѣ» и въ другихъ изданіяхъ, пока, наконецъ, не нашелъ себѣ новую постоянную аудиторію въ «Новостяхъ», когда газета эта приняла наслѣдіе «Голоса», погубленнаго гр. Д. А. Толстымъ.

Это случилось въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, и тутъ начались мои непосредственныя отношенія съ Григоріемъ Константиновичемъ, такъ какъ онъ сталъ моимъ товарищемъ по работѣ въ этой газетѣ, въ которой я началъ сотрудничать въ 1879 г. и съ которою разстался въ 1890 г.; Григорій же Константиновичъ началъ работать въ «Новостяхъ» съ 1884 г. и проработалъ въ нихъ почти вплоть до болѣзни, на десять лѣтъ вырвавшей его изъ рядовъ газетныхъ работниковъ, т. е. до второй половины 90-хъ годовъ.

Нашелъ ли Григорій Константиновичъ въ «Новостяхъ» то, къ чему онъ стремился—независимости въ своей публицистической дѣятельности? Къ сожалѣнію, только отчасти. Правда, съ одной стороны, направленіе «Новостей» было ему, можетъ быть, еще симпатичнѣе, чѣмъ направленіе «Голоса», но съ другой стороны, гнетъ цензуры чувствовался не менѣе сильно и вдобавокъ еще личность издателя во многомъ его стѣсняла. О. К. Нотовичъ не принадлежалъ къ числу людей, которые умѣютъ уходить въ дѣло, забывая о себѣ: его личность была у него всегда на первомъ планѣ, а дѣло—уже на второмъ. Это, по моему мнѣнію, и погубило «Новости», имѣвшія всѣ задатки стать надолго однимъ изъ виднѣйшихъ органовъ русской печати. Но было еще другое обстоятельство. Григорій Константиновичъ писалъ по внутренней политикѣ, преимущественно съ юридической точки зрѣнія, я писалъ по вопросамъ внѣшней политики и по экономическимъ вопросамъ. Между нами, слѣдовательно, области были размежеваны. Не то было съ Нотовичемъ. Онъ считалъ себя спеціалистомъ по вопросамъ внутренней политики, даже написалъ, въ сотрудничествѣ съ М. Л. Песковскимъ, книгу: «Основы реформъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ работа по этому отдѣлу не могла производиться помимо постояннаго вмѣшательства его въ дѣло. Это въ полной мѣрѣ испыталъ на себѣ предшественникъ Григорія Константиновича, М. Л. Песковскій; это до извѣстной степени стѣсняло и работу Григорія Константиновича тѣмъ болѣе, что Нотовичъ былъ мало самостоятеленъ и очень склоненъ подчиняться влія-

нію лицъ, занимавшихъ видное положеніе въ обществѣ или въ правительствѣ.

Такъ протекла дѣятельность Григорія Константиновича въ «Новостяхъ». Но не забудемъ, что онъ не пользовался свободою ни въ «Голосѣ», ни даже въ собственномъ органѣ. Поэтому онъ вынужденъ былъ мириться съ тѣмъ, что выпало ему на долю послѣ прекращенія «Голоса» и «Порядка».

III.

Напомнивъ все это, я теперь уже безъ опасенія быть не понятымъ могу приступить къ выясненію родственной мнѣ съ Григоріемъ Константиновичемъ черты его публицистическаго облика. Ее можно окрестить словами: «ближе къ жизни».

Съ первыхъ же шаговъ моей публицистической дѣятельности, т. е. съ начала 70-хъ годовъ, я сталъ высказываться за союзъ Россіи съ Франціей, а съ начала 80-хъ годовъ и за союзъ Россіи съ Англіей. Не только правительственныя сферы, но и вся наша печать отнеслась къ этой мысли скептически, недружелюбно, даже съ явною ироніею. Союзъ ультра-монархической Россіи съ республиканской Франціей казался всѣмъ совершенно невозможнымъ (въ этомъ подавали другъ другу руку органы противоположнаго направленія «Московскія Вѣдомости» и «Вѣстникъ Европы»), а союзъ Россіи съ традиціоннымъ ея врагомъ, Англіей, казался уже дѣтски-наивною мыслью. Даже въ самихъ «Новостяхъ» мнѣ пришлось выдержать трудную борьбу, прежде чѣмъ я завоевалъ себѣ свободу пропагандировать мою мысль.

Григорій Константиновичъ тотчасъ по вступленіи въ составъ редакціи «Новостей» въ 1884 г. присоединился къ ней, не обращая никакого вниманія на мнѣнія остальныхъ органовъ печати. Когда я выпустилъ книгу, въ которой подвелъ итогъ всей моей кампаніи въ пользу союза Россіи съ двумя западными державами («Въ ожиданіи войны», 1887 г.), Григорій Константиновичъ счелъ нужнымъ посвятить ей нѣсколько горячихъ статей, выясняя вѣрность моихъ соображеній, теперь по прошествіи сорока лѣтъ подтвержденную событіями міровой войны.

Такимъ образомъ, онъ какъ бы вступилъ въ оппозицію съ другими органами печати. Почему же это случилось? Существовалъ теоретическій взглядъ, что свободное государство тяготѣетъ къ свободному же государству, несвободное—къ несвободному. Поэтому естественъ былъ трехъимператорскій союзъ,

но нельзя было допустить мысли, что автократическое государство вступитъ въ союзъ съ свободной Франціей или Англіей. Вопросъ о совпаденіи внѣшнихъ интересовъ двухъ государствъ съ различнымъ государственнымъ строемъ не принимался во вниманіе, а между тѣмъ, болѣе чѣмъ естественно руководствоваться при заключеніи международныхъ союзовъ именно внѣшними интересами. Теперь союзъ между Россіею, Франціею и Англіею кажется совершенно естественнымъ, но сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ казался почти невозможнымъ именно потому, что люди, руководствуясь отвлеченнымъ принципомъ, не хотѣли или не умѣли присматриваться къ самой жизни.

Вотъ эта способность Григорія Константиновича стоять «ближе къ жизни» и бросаетъ свѣтъ на характеръ его дѣятельности. Для многихъ ломка существующаго окружена особою прелестью. Григорій Константиновичъ ей не сочувствовалъ, хотя цѣль его была та же свобода. Но его путь былъ не революціонный, а эволюціонный. Онъ былъ сторонникомъ законныхъ средствъ борьбы и даже думалъ, что они вѣрнѣе приводятъ къ цѣли. Всякое уклоненіе отъ нормальныхъ средствъ борьбы, всякія чрезвычайныя затѣи не пользовались его сочувствіемъ. Въ этомъ отношеніи Скобелевъ былъ ему такъ же несимпатиченъ, какъ и Ашиновъ. Онъ съ одинаковой горячностью высказывался противъ того и противъ другого, вообще противъ людей, которые въ одиночку или кучкою хотятъ экстравагантными средствами достигнуть того, что вѣрнѣе всего достигается заурядною, но упорною работою многихъ. Онъ думалъ, что если распространить вмѣстѣ съ другими въ обществѣ вѣрную идею, она непремѣнно проложитъ себѣ дорогу въ жизни, въ то время, какъ самые экстравагантные поступки, если только они не убѣдительны, никого не прельстятъ. Поэтому онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказываться публично, хотя ораторомъ и не былъ, но онъ вѣрилъ, что даже неискусная рѣчь, если только она продиктована вѣрною мыслью, произведетъ свое дѣйствіе.

Григорій Константиновичъ чрезвычайно внимательно присматривался къ жизни и не упускалъ случая собственными глазами видѣть все, что имѣло общественное или государственное значеніе. Онъ не былъ кабинетнымъ человѣкомъ. Какъ онъ не устрашился опасностей и лишеній, связанныхъ съ походною жизнью, и отправился корреспондентомъ на войну 1877—78 г.г., такъ и впослѣдствіи онъ не щадилъ себя, чтобы лично присутствовать при всякомъ сколько-нибудь значительномъ общественномъ явленіи. Поэтому во всѣхъ его писаніяхъ

виденъ человѣкъ, хорошо знакомый съ жизнью. Она врывалась и въ его теоретическія разсужденія. Можно даже сказать, что теорія вообще его интересовала лишь настолько, насколько она имѣла отношеніе къ жизни, насколько она помогаетъ разобраться въ ея явленіяхъ и достигать правильнаго рѣшенія выдвигаемыхъ ею вопросовъ. Въ этомъ отношеніи его раздѣляла пропасть съ его однофамильцемъ, А. Д. Градовскимъ. Тотъ былъ чистымъ теоретикомъ; для Григорія Константиновича исходною точкою и цѣлью была жизнь. Поэтому тотъ могъ находить, что Россія чуть не образцовое государство, а Григорій Константиновичъ, наоборотъ, видѣлъ массу недочетовъ и всякаго рода изъяновъ и во всякомъ случаѣ не могъ договориться до смѣлаго утвержденія, что Россія уже полвѣка тому назадъ была страною, «гдѣ каждый сколько-нибудь значительный элементъ общества призванъ къ дѣятельному участію въ государственной жизни».

Эта близость Григорія Константиновича къ жизни дала во многихъ отношеніяхъ замѣтные результаты. Въ Россіи теоретиковъ хоть отбавляй. Подъ ними я разумѣю людей, которые, усвоивъ себѣ какую-либо идею или какой-нибудь принципъ, подводятъ подъ нихъ всѣ явленія жизни, даже если бы пришлось искажать для этого правду. Этою отрѣшенностью теоріи отъ жизни объясняется, что почти всѣ наши видные публицисты въ теченіе своей жизни придерживались различныхъ, иногда прямо противоположныхъ теорій. Вспомнимъ Бѣлинскаго, вспомнимъ Герцена, вспомнимъ Каткова, мѣнявшаго по всѣмъ государственнымъ вопросамъ теоріи, какъ перчатки, не говоря уже о diis minorum gentium. Легче усвоить себѣ выводы какой-нибудь книги и подводить подъ нихъ явленія жизни, чѣмъ изучить послѣднюю и провѣрить ею выводы книги, тѣмъ болѣе, что берутъ обыкновенно какую-нибудь одну книгу или книги однородныя и рѣдко ихъ сличаютъ съ книгами противоположнаго характера. Изучая дѣятельность Григорія Константиновича, мы видимъ, что жизнь у него всегда стоитъ на первомъ планѣ. Вотъ почему онъ былъ убѣжденнымъ конституціоналистомъ, такъ страстно защищалъ конституціонныя начала въ своихъ статьяхъ, не колеблясь подвергалъ опасности свою газету «Русское Обозрѣніе» и пожертвовалъ ею, но имѣлъ радость видѣть, что уже въ 1881 г. конституція была подписана, хотя тогда по общеизвѣстнымъ причинамъ и не осуществилась; вотъ почему онъ горячо примкнулъ къ мысли о союзѣ съ Франціей и опять имѣлъ радость видѣть, что союзъ этотъ осуществился; вотъ почему онъ всѣми силами души воз-

ставалъ противъ розни между народностями, населяющими нашу великую страну, и дожилъ до того знаменательнаго дня, когда всѣ эти народности слились въ общемъ единодушномъ чувствѣ, въ готовности защищать всѣмъ, чѣмъ только можно, общую родину.

Стародавнее правило: Primo vivere, deinde philosophari было у Григорія Константиновича не чѣмъ-то привитымъ, а внутреннимъ требованіемъ его жизненной, дѣятельной натуры. Онъ не разрабатывалъ теоріи, онъ провѣрялъ ее своимъ жизненнымъ опытомъ. Объ этомъ особенно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и его драмы: «Во имя любви» и «Старый либералъ».

IV.

Близость къ жизни Григорія Константиновича сказалась не только въ его публицистической дѣятельности. Мы видѣли, что, хотя онъ никогда не придерживался крайнихъ воззрѣній, цензура и его сильно стѣсняла. Но и матерьяльная необезпеченность его угнетала. Чѣмъ обезпеченнѣе чувствуетъ себя писатель, тѣмъ онъ независимѣе въ своихъ сужденіяхъ, тѣмъ онъ свободнѣе. Мы всѣ это понимаемъ, но мало дѣлаемъ, чтобы даровать писателю такое благо, какъ свобода, безъ которой его дѣятельность всегда будетъ полудѣятельностью. Григорій Константиновичъ страдалъ отъ необходимости вступать въ компромисы, чтобъ не остаться безъ куска хлѣба, и если по существу онъ оставался себѣ вѣренъ, то все-таки не могъ высказываться съ той прямотой, которая необходима для убѣдительности печатнаго слова. Все это отравляло ему жизнь, и онъ въ полной мѣрѣ испыталъ на себѣ терніи жизненнаго пути публициста, желающаго оставаться самостоятельнымъ.

Мы тутъ подходимъ къ идейной сторонѣ основанной имъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Другіе разскажутъ краснорѣчивѣе меня, сколько энергіи, иниціативы, хлопотъ, выдержки потребовалось отъ Григорія Константиновича, чтобы осуществить задуманное имъ предпріятіе. Сколько крови испортила ему одна борьба съ Литературнымъ Фондомъ! Но не въ этомъ дѣло. Я хочу здѣсь только указать, что основаніе кассы находится въ самой тѣсной связи со всею публицистической дѣятельностью покойнаго писателя и въ то же время свидѣтельствуетъ лучше всякихъ словъ, что онъ старался быть по возможности «ближе къ жизни». Заботиться о матерьяльной обезпеченности литератора—не значитъ-ли это за-

ботиться объ его свободѣ, независимости, о доставленіи емъ возможности съ достоинствомъ и съ наибольшею пользою исполнять обязанности своей почетной и отвѣтственной профессіи? Григорій Константиновичъ, конечно, прекрасно сознавалъ, что касса можетъ только въ незначительной степени обезпечить литератора или, вѣрнѣе, снять съ него только малую долю матерьяльныхъ заботъ. Но все-таки ему легче исполнять свой долгъ передъ обществомъ, если онъ знаетъ, что въ случаѣ инвалидности онъ можетъ разсчитывать на нѣкоторую поддержку, и что поддержка будетъ оказана и близкимъ ему людямъ въ случаѣ его смерти. Кромѣ того, Григорій Константиновичъ мечталъ о постепенномъ образованіи пенсіоннаго фонда и имѣлъ радость видѣть, какъ эта мечта осуществляется еще при его жизни и притомъ довольно быстро, быстрѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ.

Но Григорій Константиновичъ этимъ не ограничился. 13-го января 1895 г., вскорѣ послѣ воцаренія нынѣшняго Государя, подписанъ указъ, коимъ ассигнуется изъ государственнаго казначейства ежегодно 50,000 р. для производства денежныхъ воспособленій и пенсій нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, посвятившимъ себя служенію престолу и отечеству. Починъ этого указа приписывается обыкновенно тогдашнему министру финансовъ графу Витте. И, конечно, его заслуга въ этомъ отношеніи безспорна. Но столь-же безспорно, что слово «публицистъ» впервые тутъ появляется въ оффиціальномъ документѣ, и что появленію его предшествовали продолжительныя совѣщанія Григорія Константиновича съ бывшимъ министромъ финансовъ. Объ этомъ онъ говорилъ мнѣ неоднократно, говорилъ и другимъ лицамъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что ему мы обязаны новымъ видомъ матеріальнаго обезпеченія публицистовъ. Если это обезпеченіе не достигаетъ размѣровъ, которыхъ оно могло бы достигнуть, то уже не по винѣ иниціаторовъ указа 13-го января, а вслѣдствіе несоблюденія его, т. е. раздачи суммъ, имъ ассигнуемыхъ, не лицамъ «заслуженнымъ передъ Престоломъ и отечествомъ», а иногда очень второстепеннымъ и третьестепеннымъ дѣятелямъ или лицамъ, даже имѣющимъ очень мало общаго съ наукою или литературою. Сумма, ассигнуемая на видныхъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ, вслѣдствіе этого распыляется, и они получаютъ болѣе чѣмъ скромную поддержку. Григорій Константиновичъ глубоко объ этомъ скорбѣлъ.

Не могу не разсказать здѣсь въ заключеніе случая, имѣющаго непосредственное отношеніе къ указу 13-го января. Кру-

жокъ литераторовъ собирался тогда въ помѣщеніи одного изъ педагогическихъ обществъ для участія въ товарищескихъ обѣдахъ, на которыхъ, между прочимъ, возникла мысль о представленіи черезъ вліятельное лицо записки, направленной къ облегченію цензурнаго гнета, лежащаго на печати. Участь этой записки была довольно плачевная: намъ ее возвратили черезъ околодочнаго съ резолюціею: «оставить безъ уваженія». На одномъ изъ послѣдующихъ обѣдовъ Григорій Константиновичъ не безъ чувства удовлетворенія сообщилъ намъ, что академическій или, какъ мы его тогда называли, фондъ Николая II, вѣроятно, будетъ утвержденъ. По этому поводу возникли, какъ водится, длинныя пренія о томъ, какую «позицію», какъ теперь принято выражаться, слѣдуетъ занять къ фонду. Посѣщалъ наши обѣды, между прочимъ, и довольно видный чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія и литераторъ, нѣкто С., изъ тѣхъ, которые умѣютъ и бюрократическій капиталъ пріобрѣсти, и либеральную невинность соблюсти. Онъ, конечно, не преминулъ произнести соотвѣтственный случаю спичъ. Онъ упомянулъ о своемъ законоучителѣ, который на вопросъ воспитанниковъ, что собственно означаетъ седьмая заповѣдь, неизмѣнно отвѣчалъ: «Лучше и не говорить». То же слѣдуетъ сказать и о предположенномъ академическомъ фондѣ,—заключилъ С. свой спичъ. Григорій Константиновичъ промолчалъ. Но въ концѣ обѣда онъ обошелъ всѣхъ присутствовавшихъ съ подписнымъ листомъ, въ которомъ было сказано, что общество литераторовъ ходатайствуетъ о предоставленіи первой пенсіи тяжело больному писателю Н. М. Астыреву, извѣстному автору книги: «Въ сельскихъ писаряхъ», только что подвергшемуся административной карѣ—высылкѣ въ Сибирь. Подъ этой просьбой Григорій Константиновичъ собралъ подписи всѣхъ присутствовавшихъ и затѣмъ уже подошелъ къ С. съ предложеніемъ подписать ее въ свою очередь. Можно представить себѣ, въ какое затруднительное положеніе былъ тотъ поставленъ. Онъ пыхтѣлъ, краснѣлъ и, наконецъ, признался, что ему въ качествѣ чиновника неудобно ходатайствовать за лицо, явно нелегальное и притомъ скомпрометировавшее себя такъ недавно. Это была достойная отповѣдь со стороны Григорія Константиновича, тѣмъ болѣе, что ходатайство академіею было уважено, и семья Астырева (онъ уже въ это время скончался) получила, насколько мнѣ извѣстно, щедрое пособіе и пенсію.

Я не могъ не выразить Григорію Константиновичу по этому поводу своего сочувствія. Онъ мнѣ сказалъ, намекая на наши

споры: «Вы видите, и я иногда стою близко къ жизни». Я, конечно, сердечно пожалъ ему руку.

Въ письмахъ его ко мнѣ, въ которыхъ онъ касается различныхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ (о литературной конвенціи съ Франціей, о борьбѣ съ «Московскими Вѣдомостями», о союзѣ съ Франціей, объ еврейскомъ вопросѣ въ разгаръ движенія 1905—06 г.г., объ изданіи его сочиненій и т. д.), на каждомъ шагу чувствуется его стремленіе стоять «ближе къ жизни». Въ виду всего этого я и рѣшился озаглавить именно этими словами мои воспоминанія, посвященныя характеристикѣ идейной стороны его дѣятельности.

Р. И. Сементковскій.

СТАРЫЙ ЛИБЕРАЛЪ.

(Характеристика и воспоминанія).

«Старый либералъ» — такъ называется одна изъ двухъ драмъ, принадлежащихъ перу Григорія Константиновича Градовскаго. Драма эта не блещетъ художественными достоинствами; она не отличается сценичностью, но по ней вы можете прослѣдить идеалы и взгляды «стараго либерала» Градовскаго. Устами главнаго героя самъ драматургъ-публицистъ излагаетъ нѣкоторымъ образомъ свое публицистическое и общественное credo.

Если вы заглянете въ біографію Г. К., въ его воспоминанія, ознакомитесь съ его разсказами объ его переживаніяхъ, о цензурныхъ гоненіяхъ, которымъ онъ подвергался въ доброе старое время, то вы узнаете и трагедію «стараго либерала». Вся дѣятельность покойнаго Градовскаго — сплошная борьба за идеалы русской общественности и за печатное слово. Жизнь не баловала талантливаго публициста, но личныя невзгоды менѣе давали ему чувствовать себя, чѣмъ наши общественныя неудачи, когда эпохи реформъ смѣнялись застоемъ и реакціею.

— Всякій разъ,—говорилъ Г. К.,—когда друзья спрашивали меня на Новый годъ: «чего пожелать вамъ?»

— Пожелайте счастья Россіи и нашей печати!—отвѣчалъ я, не задумываясь.

— Ну, да, конечно! Но вамъ лично?

— Ничего лучше пожелать мнѣ нельзя! Мое личное счастье непосредственно, близко связано съ благомъ и развитіемъ Россіи и со свободою, счастьемъ и процвѣтаніемъ печати...

Да и могъ ли отвѣтить иначе писатель, который на себѣ испыталъ всѣ невыгодныя стороны старыхъ цензурныхъ порядковъ, который смотрѣлъ на служеніе печати, какъ на нѣкое священнодѣйствіе! Въ своихъ статьяхъ, публичныхъ выступле-

ніяхъ, на банкетахъ и юбилеяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ, Градовскій не зналъ другой темы, кромѣ великихъ реформъ, кратковременной освободительной эпохи 60-хъ годовъ и свободы печати.

Когда вы являлись къ нему въ его скромную холостую квартиру на Бассейной, Г. К. съ мѣста въ карьеръ угощалъ васъ жалобами на цензурный гнетъ и произволъ иныхъ робкихъ редакторовъ. Онъ приходилъ при этомъ въ такой азартъ, такъ неистово размахивалъ своимъ длиннымъ малороссійскимъ чубукомъ, что, казалось, собирается расправиться съ невидимыми врагами.

Градовскій постоянно выступалъ ходатаемъ за печатное слово передъ министрами и участвовалъ въ подачѣ извѣстнаго прошенія на Высочайшее Имя о пересмотрѣ законовъ о печати.

Попавъ во время Русско-Турецкой войны на званный обѣдъ къ одному старому заслуженному генералу въ Малой Азіи, Градовскій, съ своей стороны, угощаетъ своихъ сотрапезниковъ «духовною пищею», доказывая пользу печатнаго слова въ дѣлѣ устраненія разныхъ неурядицъ и неустройствъ нашей жизни. Статья его и была озаглавлена: «Духовная пища на генеральскомъ обѣдѣ».

Въ день открытія въ Москвѣ памятника великому русскому поэту, Градовскій, на банкетѣ въ Петроградѣ, выступаетъ со страстною рѣчью, восклицая:

«Пора признать заслуги русской литературы и уважать ея представителей, не только послѣ смерти, но и при жизни, во время ихъ дѣятельности! Пора, наконецъ, признать заслуги русской печати!..»

Цензору, который чокнулся тогда съ нимъ, Г. К., шутя, замѣтилъ:

— Вы не можете не пить за здоровье писателей! Если бы насъ не было, что стали бы вы дѣлать, господа цензора? Благодаря намъ, вы получаете хорошіе оклады, чины и ордена...

Я помню другую рѣчь Градовскаго—на пушкинскихъ поминкахъ въ день пятидесятилѣтія со дня кончины поэта, въ нынѣ несуществующемъ ресторанѣ Понсэ на Морской. На банкетѣ присутствовали нѣсколько престарѣлыхъ писателей—современниковъ Пушкина.

— А, вѣдь, господа,—воскликнулъ Градовскій,—Пушкинъ могъ бы быть сегодня среди насъ, и мы чествовали бы его лично, быть можетъ, по поводу какого-нибудь событія въ его жизни и дѣятельности, если бы «невольникъ чести» не палъ «оклеветанный молвой» и съ свинцомъ въ груди!..»

И ораторъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣли старички В. Я. Стоюнинъ, В. Р. Зотовъ, С. В. Максимовъ и др.

Судьба сталкивала меня въ теченіе моей многолѣтней газетной дѣятельности со многими писателями, публицистами, но я не припомню ни одного, который отличался бы такою пылкою и кипучею натурою, такимъ страстнымъ и любовнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу, какъ Г. К. Градовскій. Всѣ тѣ данныя, какія требуются для публицистической карьеры, природа отпустила Градовскому въ большой мѣрѣ, съ излишкомъ. У него былъ большой публицистическій темпераментъ, полемическая, вѣрнѣе, боевая жилка и умѣніе захватывать своего читателя.

И при всемъ томъ, судьба не разъ обрекала Градовскаго на вынужденную безработицу и связанныя съ нею лишенія. Издатели зѣло побаивались талантливаго публициста, пользовавшагося репутаціею неукротимаго либерала, опаснаго для газетъ, въ которыхъ онъ работалъ.

И что удивительнѣе всего—это то, что Градовскій не получилъ либеральной закваски на зарѣ своей дѣятельности. По окончаніи Кіевскаго университета онъ поступилъ на государственную службу, состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ и служилъ въ столицѣ въ двухъ министерствахъ. Ему приходилось вращаться въ консервативной или даже реакціонной средѣ, гдѣ онъ долженъ былъ воспринять одно лишь отрицательное отношеніе къ «великимъ реформамъ», за которыя впослѣдствіи такъ рьяно боролся.

Свое служеніе литературѣ Г. К. Градовскій началъ еще на школьной скамьѣ, сотрудничая въ «Кіевскомъ Телеграфѣ». Первый гонораръ онъ получилъ отъ издателя этой газеты въ размѣрѣ 27 руб. 50 коп. за статью въ... 275 вершковъ, т. е. по 10 коп. за вершокъ. Этою оригинальною расцѣнкою юный авторъ остался, по его словамъ, весьма доволенъ, ибо обѣдъ обходился ему въ газетный вершокъ—въ 10 коп.!

Когда профессоръ Кіевскаго университета В. Я. Шульгинъ, съ которымъ Градовскій породнился—ихъ жены были родныя сестры — сталъ издавать оффиціозный «Кіевлянинъ», Г. К. былъ приглашенъ переводчикомъ и помощникомъ редактора. Черезъ нѣкоторое время онъ, по приглашенію М. Н. Каткова, началъ работать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ проводилъ тогда либеральныя идеи въ стилѣ англійскихъ виговъ, сотрудничалъ затѣмъ въ прогрессивныхъ коршевскихъ «С.-Пе-

тербургскихъ Вѣдомостяхъ» и одно время редактировалъ издававшійся кн. Мещерскимъ «Гражданинъ». И хотя самъ издатель ставилъ точки къ реформамъ, за что прозванъ былъ «кн. Точкой», но уже введенныя реформы Царя-Освободителя поддерживались газетой.

Участіе въ «Гражданинѣ» не разъ вмѣнялось въ вину талантливому публицисту. Особенно обрушился на Градовскаго журналъ «Сѣверный Вѣстникъ», когда въ печати воспроизведена была изъ альбома «Знакомые» М. И. Семевскаго автобіографическая замѣтка съ упоминаніемъ о сотрудничествѣ Г. К. въ «Гражданинѣ». Но если Градовскій и шелъ въ своей писательской карьерѣ справа налѣво, то это отнюдь не говоритъ противъ него...

— Я работалъ въ непрогрессивныхъ органахъ,—заявлялъ мнѣ не разъ Г. К.,—когда консерватизмъ не былъ въ модѣ, когда теперешніе мои литературные враги Суворинъ и Буренинъ либеральничали во всю въ коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Когда же либерализмъ сопряженъ былъ съ большими опасностями и неудобствами, мы помѣнялись ролями.

Покинувъ «Гражданинъ», гдѣ его замѣнилъ, въ качествѣ редактора, Ѳ. М. Достоевскій, Градовскій перешелъ въ «Русскій Міръ» М. Г. Черняева, а затѣмъ, по приглашенію лично знавшаго его по Кіеву В. А. Бильбасова, сталъ работать и въ «Голосѣ». Тамъ онъ вскорѣ началъ писать общественные фельетоны подъ псевдонимомъ «Гамма», вмѣсто ушедшаго Нила Адмирари (Панютина).

Вмѣсто легкомысленныхъ и шутливыхъ замѣтокъ Панютина о театрѣ, танцовщицахъ, великосвѣтскихъ балахъ и т. д. стали появляться не столь бойкіе, но проникнутые здоровыми общественно-политическими тенденціями очерки Гаммы. Въ нихъ прославлялись освободительныя реформы, начавшіяся послѣ Крымской войны, скорый, гласный и равный для всѣхъ судъ, институтъ суда присяжныхъ засѣдателей, городское и земское самоуправленіе. Гамма безпощадно бичевалъ всякія общественныя неурядицы и неустройства, хищенія и злоупотребленія властью. Градовскій ратовалъ за призывъ народныхъ избранниковъ къ участію въ государственной жизни и законодательной работѣ, хотя и избѣгалъ, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, жупельныхъ словъ «конституція», «парламентъ» и т. д. Этимъ своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ онъ не измѣнялъ потомъ въ теченіе всей своей публицистической дѣятельности.

Псевдонимъ «Гамма» пріобрѣлъ широкую популярность,

но издателю «Голоса», Краевскому, фельетоны Градовскаго доставляли не мало огорченій, ибо ему приходилось отчитываться передъ цензурой и власть имущими.

Остроумный Д. Д. Минаевъ вложилъ въ уста Краевскому слѣдующее шутливое четверостишіе:

О, почто себѣ на горе я,
Не жалѣя гонорарія,
Взялъ Градовскаго Григорія,
Вмѣсто Нила-Адмирарія.

Псевдонимъ Градовскаго былъ скоро разоблаченъ, и ему пришлось покинуть государственную службу, признававшуюся несовмѣстимою съ обличительною публицистическою дѣятельностью. Нѣкоторое время Г. К. числился въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ.

Несмотря на репутацію опаснаго въ цензурномъ отношеніи писателя, Градовскій былъ далекъ отъ политическаго радикализма и не разъ являлся мишенью для нападокъ со стороны радикальной печати. Съ неустройствами русской жизни Г. К. Градовскій призывалъ бороться легальными средствами и допускалъ возможность примиренія прогресса со строго-самодержавнымъ строемъ.

Въ своемъ, столь нашумѣвшемъ, фельетонѣ о процессѣ Вѣры Засуличъ Г. К. отнюдь не прославлялъ политическихъ убійцъ, какъ увѣряли его антагонисты, а негодовалъ по поводу произвола ген. Трепова. Автору фельетона чудилось, что судъ судилъ не Засуличъ, а все русское общество, мирившееся съ произволомъ, доведшимъ подсудимую до ея протеста съ револьверомъ въ рукахъ противъ дикой расправы, учиненной градоначальникомъ надъ не поклонившимся ему, осужденнымъ въ каторгу Боголюбовымъ.

Любопытно, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ появился смѣлый, продиктованный гражданскимъ мужествомъ, фельетонъ Градовскаго, двумя — тремя недѣлями раньше, замѣнявшій Гамму другой фельетонистъ «Голоса», Волна, съ негодованіемъ говорилъ о безумной женщинѣ, поднявшей руку на любимаго населеніемъ и народомъ градоначальника и благодѣтеля, и устами толпы доказывалъ, что преступницѣ мало жилы вырвать, мало убить изъ ружья, что она—продуктъ самой ужасной, отравленной нравственной атмосферы и т. д.

За фельетонъ о процессѣ Засуличъ покойный публицистъ поплатился своею газетою «Русское Обозрѣніе», издававшейся имъ съ 1876 года и получавшей постоянно предостереженіе за предостереженіемъ.

О закрытіи «Русскаго Обозрѣнія» сообщилъ Градовскому самъ министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ, вызвавшій его къ себѣ.

— Разумѣется,—заявилъ Градовскій,—мнѣ позволено будетъ продолжать газету до тѣхъ поръ, пока о закрытіи ея не появится надлежащее сообщеніе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

— Нѣтъ, такого сообщенія не появится!—рѣзко отвѣтилъ Тимашевъ.

Когда—разсказывалъ мнѣ потомъ Градовскій—онъ сталъ допытываться причинъ закрытія «Русскаго Обозрѣнія», министръ заявилъ ему:

— Помилуйте, чуть-ли не при каждомъ обыскѣ и арестѣ находятъ нумера вашей газеты!..

Въ сферахъ и даже въ печати—въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Современныхъ Извѣстіяхъ», обвиняли Градовскаго въ томъ, что онъ способствуетъ усиленію крамолы, окружая политическихъ убійцъ ореоломъ.

Разсказывая о пережитомъ имъ во дни закрытія любимой газеты, Градовскій съ умиленіемъ вспоминалъ о являвшихся къ нему депутаціяхъ молодежи съ выраженіями благодарности за фельетонъ по поводу Засуличъ и о получавшихся имъ трогательныхъ письмахъ, гдѣ неизвѣстныя корреспондентки цѣловали мысленно его руки, написавшія фельетонъ въ защиту правды.

Въ «Голосѣ», какъ и въ «Русскомъ Обозрѣніи», Градовскій относился отрицательно къ славянофильскимъ увлеченіямъ и къ дѣлу освобожденія болгаръ. Онъ доказывалъ, что и «дома» есть немало дѣла, ждущаго своего разрѣшенія. Генерала Черняева Г. К. называлъ сербскимъ наемникомъ, кондотьери и хлыщомъ, который не годится въ освободители. За Черняева заступился А. С. Суворинъ, и самъ раздѣлывавшій не разъ «славянскаго Гарибальди». Градовскаго объявили въ «Новомъ Времени» туркофиломъ, а газету «Голосъ» заподозрили въ особыхъ отношеніяхъ съ турецкимъ посольствомъ.

И много мужества надо было имѣть, чтобы относиться отрицательно къ охватившему русское общество движенію, увлекшему даже радикальныя «Отечественныя Записки», находившія тогда *), что на русскомъ народѣ лежалъ историческій долгъ заняться освобожденіемъ турецкихъ славянъ, которое, въ свою очередь, повлечетъ за собою торжество вся-

*) «Воевать или не воевать?», «Отечеств. Зап.», 1876 г.

кихъ свободъ на родинѣ. Многіе тогдашніе радикалы, участвовавшіе въ политическихъ движеніяхъ, вмѣсто хожденія въ народъ, отправлялись добровольцами на Балканы.

Я написалъ тогда беллетристическій очеркъ, гдѣ изобразилъ молодыхъ людей, промѣнявшихъ «внутреннюю» политику на внѣшнюю.

— Что вы!—пришелъ въ ужасъ М. Л. Песковскій, замѣнявшій въ «Русскомъ Обозрѣніи» находившагося тогда на войнѣ Градовскаго,—Григорій Константиновичъ въ обморокъ упадетъ, когда прочтетъ славянофильскій діалогъ вашихъ героевъ! Вы намъ дайте что-либо другое, а этотъ очеркъ пошлите въ славянофильскій «Русскій Міръ»...

Этимъ эпизодомъ ограничились мои отношенія къ газетѣ Градовскаго. Не такъ благополучно окончилось для редактора «Русскаго Обозрѣнія» недоразумѣніе съ нынѣ здравствующимъ беллетристомъ Л—скимъ, доставившимъ въ редакцію первыя главы своей повѣсти, сданныя тотчасъ въ наборъ. И этотъ авторъ вздумалъ въ концѣ повѣсти отправить своихъ героевъ на Балканы, причемъ вложилъ имъ въ уста славянофильскія сентенціи. Само собою разумѣется, что Градовскій отказался продолжать печатаніе повѣсти, но авторъ настаивалъ, чтобы она появилась полностью, чтобы гонораръ былъ уплаченъ ему сполна, угрожая вчинить искъ. Угрозу онъ, кажется, привелъ въ исполненіе, но этимъ не удовольствовался. Л—скій выпустилъ полемическую брошюру, въ которой Г. К. былъ такъ основательно обруганъ и награжденъ такими обидными эпитетами, какихъ я ни до, ни послѣ появленія брошюры въ печати не встрѣчалъ. И надо отдать справедливость Градовскому, что онъ отнесся крайне незлобиво къ автору полемической брошюры, и я не разъ видалъ ихъ мирно бесѣдовавшими.

Послѣ оставленія «Голоса» въ 1878 году, подъ давленіемъ цензуры, Градовскій сталъ работать въ «Молвѣ» В. А. Полетики, но и здѣсь цензура не оставляла его въ покоѣ. Даже либеральный начальникъ Главнаго управленія по дѣламъ печати Абаза, ставленникъ графа Лорисъ-Меликова, пригласивъ къ себѣ однажды редактора «Молвы», предложилъ ему «уволить» Градовскаго.

— Приглашать и увольнять сотрудниковъ — мое личное дѣло!—рѣзко отвѣтилъ Полетика.

Абаза понялъ, что хватилъ черезъ край, и на слѣдующій день явился къ Полетикѣ съ визитомъ.

— А вотъ и «революціонеръ» Градовскій!—отрекомендовалъ Полетика своего опаснаго сотрудника.

Съ прекращеніемъ «Молвы» Градовскій работалъ въ недолго существовавшемъ «Порядкѣ» М. М. Стасюлевича.

— Семью,—разсказывалъ мнѣ потомъ Градовскій,—пришлось, въ виду безработицы, отправить въ Кіевъ, а самъ я не всегда былъ обезпеченъ обѣдомъ; случалось довольствоваться колбасою. Всяко бывало. Вотъ въ эти-то періоды безработицы и созрѣла у меня мысль о Кассѣ взаимопомощи литераторовъ...

Нѣкоторое время Градовскій не имѣлъ постояннаго литературнаго пристанища. Матеріальныя невзгоды загнали его въ издававшуюся какимъ-то «невскимъ банкиромъ» Бендерскимъ «Судебную Газету» и въ захудалую газетку «Улей», которую издавалъ генералъ Макшеевъ, интендантъ, подмочившій свою репутацію во время Русско-Турецкой войны. Въ «Судебной Газетѣ» Градовскій велъ рубрику «Законъ и жизнь», и хотя ему внушалось соблюдать наипаче всего законы о печати, статьи его часто задерживались цензурой.

Чтобы обезопасить одну изъ передовыхъ статей Градовскаго, ее подписали фамиліей П. П. Сойкина, управлявшаго тогда типографіей Леви, гдѣ печаталась «Суд. Газ.». Но и подпись почтеннаго П. П. Сойкина, никогда не грѣшившаго писательствомъ, не спасла статьи. Дѣлопроизводитель цензурнаго комитета Пантелѣевъ счелъ нужнымъ переговорить съ Сойкинымъ лично.

— Это ваша статья?—лукаво спросилъ Пантелѣевъ.

— Да!—отвѣтилъ смущенно Сойкинъ.

— А давно ли вы пишете?

— Это мой первый дебютъ...

— Ну, знаете, вашъ дебютъ неудаченъ: статью похерилъ цензоръ Юферовъ...

Эпизодъ этотъ я передаю со словъ П. П. Сойкина.

Самъ Градовскій передавалъ, что онъ часто прибѣгалъ къ псевдонимамъ и иниціаламъ, но это рѣдко спасало статьи отъ красныхъ чернилъ.

Въ газетѣ интенданта Макшеева Градовскій оставался вѣренъ своимъ либеральнымъ идеаламъ и велъ жестокую полемику съ творцами такъ наз. «откровеннаго направленія» въ журналистикѣ. При этомъ Градовскій не скупился на полемику, назвалъ однажды печатно своихъ политическихъ враговъ «ворами» и даже въ фамиліяхъ редактора и издателя несимпатичной ему газеты усмотрѣлъ данный имъ эпитетъ...

Въ 1884 г. Градовскій сталъ принимать участіе въ «Новостяхъ». И съ тѣхъ поръ я встрѣчалъ его ежедневно въ редакціи этой газеты. Градовскому обязана была своимъ возникнове-

ніемъ долго существовавшая при «Новостяхъ» ссудосберегательная касса дольщиковъ, къ участію въ которой были привлечены всѣ причастные къ газетѣ, не исключая служащихъ въ типографіи и конторѣ. Основатель кассы былъ ея главнымъ руководителемъ. Касса доставила много заботъ Градовскому, но еще больше огорченій доставляло ему само сотрудничество въ «Новостяхъ». О. К. Нотовичъ, немало страдавшій самъ отъ цензурнаго гнета, не безъ колебаній пріютилъ у себя писателя съ такою опасной репутаціей. Газетѣ нуженъ былъ «внутренникъ», т. е. передовикъ по внутреннимъ вопросамъ, и лучшаго выбора Нотовичъ не могъ тогда сдѣлать.

Участіе Градовскаго окружалось большой таинственностью. Его статьи печатались безъ авторской подписи, а въ гонорарной книгѣ расписывался мнимый авторъ, писатель-тюрьмовѣдъ В. Н. Никитинъ, завѣдывавшій конторой «Новостей». Темы для статей давалъ Градовскому самъ Нотовичъ, причемъ статьи до ихъ напечатанія фильтровались въ рукописи и въ нѣсколькихъ корректурахъ самимъ Нотовичемъ и его помощниками. Отправляясь на покой, Нотовичъ, по его словамъ, долго не засыпалъ, опасаясь, что въ статьѣ Градовскаго остались какіе-нибудь цензурные «жупелы». По выходѣ номера газеты трусливый редакторъ неизмѣнно ждалъ «вызова» на Театральную улицу, гдѣ помѣщается цензурный комитетъ.

Послѣ вызововъ, Нотовичъ усугублялъ свои цензурныя строгости и дѣлалъ реприманды Градовскому.

— Когда, наконецъ, вы научитесь писать цензурно? Вотъ у Мещерскаго, — дразнилъ Нотовичъ Г. К — ча, — вы ставили точки къ реформамъ, а у меня вы ихъ ставите надъ і... Ужъ будто нельзя писать безъ этихъ экивоковъ, аллегоріями, какъ это дѣлаетъ Владиміръ Осиповичъ (Михневичъ).

И велико было злорадство Градовскаго, когда стали вызывать редактора «Новостей» въ цензуру за аллегоріи и злокозненные намеки въ статьяхъ и даже безобидныхъ разсказахъ Михневича.

Когда цензурный гнетъ становился особенно чувствительнымъ, Градовскій переходилъ къ вопросамъ внѣшней политики. Здѣсь ему предоставлялась полная свобода слова. Г. К. заявлялъ, что онъ первый въ нашей печати заговорилъ о франко-русскомъ альянсѣ.

Недоразумѣнія между Нотовичемъ и Градовскимъ происходили еще на почвѣ газетной полемики; у Г. К. былъ постоянно полемическій зудъ. Буренинъ язвилъ его своими сарказмами, а ему вторилъ другой сотрудникъ «Новаго Времени»—Лялинъ

(Петербуржецъ), котораго Градовскій однажды вызвалъ на дуэль, ничѣмъ, впрочемъ, не окончившуюся. Разумѣется, во время полемическихъ схватокъ попутно доставалось ни въ чемъ неповинному Нотовичу. Когда послѣдній сталъ вычеркивать полемическія «излишества», Градовскій изливалъ устно свою ненависть къ несимпатичной ему газетѣ. Нотовичъ прибилъ тогда къ стѣнѣ редакціонной комнаты кружку съ надписью:

«За упоминаніе газеты «Новое Время» уплачивается штрафъ въ пользу труженниковъ печати».

Но Градовскій всячески обходилъ запретъ, прибѣгая къ аллегоріямъ.

Страстность своего темперамента Градовскій вносилъ и въ свои устныя бесѣды. Михневичъ, давая характеристику своего друга въ своемъ словарѣ достопримѣчательныхъ россіянъ «Наши знакомые», заявилъ, что у Градовскаго всегда «глаза въ крови, лицо горитъ, самъ плачетъ и вотъ-вотъ, кажется, сейчасъ начнетъ казенныя стулья ломать». Стульевъ Градовскій не ломалъ и, вопреки утвержденію сурово отнесшагося къ нему пріятеля, не мечталъ никогда ни о казенной арендѣ, ни о мундирѣ акцизнаго чиновника. Онъ рѣшительно отклонялъ дѣлавшіяся ему лестныя предложенія со стороны графа С. Ю. Витте, которому очень нравились статьи талантливаго публициста, если не ошибаюсь, о золотой валютѣ.

Градовскій оставался всегда публицистомъ-гражданиномъ. Когда русскіе граждане не мечтали еще о парламентѣ, Градовскій, помню, агитировалъ за участіе писателей въ городскихъ общественныхъ управленіяхъ.

— Давайте, господа,—убѣждалъ Градовскій товарищей,— обзаводиться промысловыми и приказчичьими свидѣтельствами, дающими право участвовать въ выборахъ въ городскую думу, призванную заботиться не объ одномъ внѣшнемъ благоустройствѣ и санитаріи!..

Во время первыхъ выборовъ въ Государственную Думу Г. К., жившій въ Кіевѣ, сталъ требовать, чтобы его допустили въ качествѣ выборщика, хотя онъ не имѣлъ требуемаго ценза. Онъ сослался на фактъ полученія имъ литературной пенсіи. Это дало Градовскому возможность выполнить свой гражданскій долгъ.

Борьба на почвѣ цензуры и волненія по поводу постановки его пьесъ были главными причинами постигшей Г. К. болѣзни. Когда я въ 1889 году уѣзжалъ въ Одессу, Градовскій на вокзалѣ напутствовалъ меня пожеланіемъ имѣть дѣло съ обра-

зованными цензорами и не испытать того, что выпало на его долю.

— Нѣтъ ничего хуже,—говорилъ онъ, — невѣжественныхъ цензоровъ и издателей.

Справедливость этихъ словъ я могъ скоро оцѣнить по собственному горькому опыту. Статьи самого Градовскаго постоянно зачеркивались одесской цензурой, несмотря на всѣ старанія его приспособиться къ тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ.

Когда я обратился къ Градовскому съ просьбою прислать свой автографъ для сборника въ пользу голодающихъ, онъ предусмотрительно прислалъ мнѣ на выборъ нѣсколько замѣтокъ, опасаясь, что цензура похеритъ нѣкоторыя изъ нихъ. И, разумѣется, не ошибся.

6-го іюня 1897 г. Г. К. писалъ мнѣ изъ Петрограда: «Нѣтъ расположенія писать... Все теперь пошло и подло, такъ мало предвидится хорошаго, что громить слѣдовало бы, а ремесленно писать, отбывать журнальную повинность—вы знаете—я не охотникъ. На томъ же основаніи я до сихъ поръ нигдѣ не пристроился, несмотря на зазывы «Новостей»... Претитъ что-то!..»

Въ сохранившихся у меня письмахъ Градовскаго онъ говоритъ, главнымъ образомъ, о свободѣ печати, о гоненіяхъ, которымъ онъ подвергался со стороны цензуры. «Просто руки опускаются!»—восклицаетъ онъ, узнавъ, что цензоръ похерилъ одну изъ его статей.

Когда Градовскій задумалъ учредить Кассу взаимопомощи, онъ дѣлился со мною сообщеніями о встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ и о надеждахъ на побѣду. 20 октября 1889 г. Г. К. писалъ мнѣ: «Препровождаю къ вамъ мой проектъ кассы, который будетъ разсматриваться въ Литературномъ фондѣ 22-го октября. Хорошо было бы, чтобы одесскіе журналисты обсудили этотъ проектъ и присоединились къ нему. Частное одесское благотворительное общество нисколько не мѣшаетъ. Оно можетъ себѣ процвѣтать и даже помогать дѣлу взаимопомощи или взаимному страхованію, которое желательно объединить для всей Россіи. Чѣмъ больше участниковъ, тѣмъ лучше»...

А мѣсяцъ спустя Градовскій, которому пришлось выдержать борьбу съ противниками его дѣтища, съ радостью сообщаетъ мнѣ: «Мой проектъ объ учрежденіи «кассы взаимопомощи» идетъ, кажется, на ладъ. Я надѣюсь, что комиссія разработаетъ проектъ къ концу декабря, и тогда же онъ пройдетъ

въ общемъ собраніи. По крайней мѣрѣ, противъ принципа никто теперь не возражаетъ, какъ было въ 1881 г., когда я въ первый разъ поднялъ этотъ вопросъ... Пожалуйста, расшевелите одесскихъ журналистовъ и пришлите мнѣ, если они пошевелятъ мозгами и что-нибудь сдѣлаютъ. Особенно важно разработать вопросъ о филіальныхъ отдѣленіяхъ... Словомъ, говорятъ и сочувствуютъ многіе, но поработать и помочь очень мало охотниковъ. Это образчикъ нашей общественности, да еще въ средѣ, призванной поучать и критиковать».

Послѣдніе годы жизни Градовскаго были омрачены тяжелымъ недугомъ, но и во время болѣзни, и въ свѣтлые промежутки, онъ продолжалъ бредить идеями, волновавшими его всю жизнь. Послѣ дней свободы, когда новыя птицы запѣли новыя пѣсни, Г. К. жаловался мнѣ, что его забыли и не печатаютъ, при чемъ назвалъ большую партійную газету.

— Какъ будто,—говорилъ онъ,—вопросы, о которыхъ я пишу, о свободѣ слова и личности и о равноправіи гражданъ многоязычной Россіи, уже рѣшены нынче. Если у насъ есть теперь представительныя учрежденія и кой-какія свободы, то и мы, наше поколѣніе, немало потрудились для ихъ завоеванія. Объ этомъ забывать не слѣдуетъ...

Когда однажды Градовскому показалось, что смерть близка, онъ написалъ «предсмертныя замѣтки». И его «послѣднимъ словомъ» было: «Да здравствуетъ изъ вѣка въ вѣкъ просвѣщенный русскій народъ и всякъ сущій съ нимъ языкъ; да здравствуетъ русская литература, свободно выражающаяся въ свободной печати!..»

Но смерть дала Градовскому отсрочку на нѣсколько лѣтъ. Ему суждено было еще поработать для печатнаго слова.

Градовскій умеръ въ разгаръ міровой войны. И передъ своею кончиною онъ съ полнымъ правомъ могъ повторить то, что писалъ и въ «Голосѣ» 18 марта 1878 года, послѣ русско-турецкой войны, когда наблюдалъ наши успѣхи и неудачи: «Мы пришли, писалъ Г. К., къ той дорогѣ, съ которой всѣ добрые лучшіе люди, всѣ вѣрящіе въ будущее родины совѣтуютъ никогда не сворачивать. Этотъ путь внутреннее наше развитіе, честное и безбоязненное сознаніе своихъ ошибокъ и недостатковъ, искреннее стремленіе къ ихъ устраненію».

Литературное наслѣдіе, оставленное Градовскимъ, разбросано во многихъ періодическихъ изданіяхъ и лишь частью издано отдѣльно, въ видѣ книгъ «Итоги», «Война въ М. Азіи» и «Скобелевъ». Книга о Скобелевѣ вызвала лестный отзывъ со-

стороны ген. Драгомирова, которому, какъ послѣдній писалъ Градовскому, приписывали сообщеніе автору ея цѣнныхъ свѣдѣній и соображеній.

Покойный публицистъ собирался продолжать свои «Итоги», но болѣзнь и другія обстоятельства помѣшали ему выполнить это намѣреніе. Не оказывалось издателей. Нашлось, впрочемъ, книгоиздательство, выпустившее, безъ разрѣшенія автора, два изданія его статьи по еврейскому вопросу. Когда Градовскому указали на эту издательскую безцеремонность, онъ незлобиво отвѣтилъ:

— Ну что-жъ! Бѣда невелика! Хорошо, что не забываютъ меня.

— За брошюру о евреяхъ,—разсказывалъ Г. К., — одни ругмя ругали меня, называли шабесгоемъ, другіе хвалили. Ко мнѣ даже являлись депутаціи благодарить за заступничество. Благодарили и въ письмахъ...

Если многое изъ написаннаго «старымъ либераломъ» имѣло преходящее значеніе, то въ его статьяхъ найдутся мысли и взгляды, которые долго не утратятъ значенія и интереса, которые не вошли еще въ общее сознаніе и далеки отъ своего осуществленія...

А. Е. Кауфманъ.

ДОБРЫЙ ТОВАРИЩЪ.

(Памятки недавняго прошлаго).

I.

Тридцать восемь лѣтъ назадъ! Цѣлая жизнь—а оглянешься и кажется—все это было только вчера, и вокругъ не раннія могилы дорогихъ и близкихъ людей, а они сами бодрые, сильные, смѣлые, разные по талантамъ, но одинаково горячо вѣрующіе въ святые идеалы, въ правду и радость розовыхъ зорь, ради которыхъ стоитъ отдать всего себя безъ остатка. Вечерами, когда остаешься одинъ, невольно уходишь въ это прошлое. Небывалый сегодняшній ужасъ, вся міровая трагедія безпощадной войны на минуту отступаетъ назадъ и на зло времени, и пространству на далекихъ кладбищахъ раскрываются полузабытыя могилы и оттуда сходятся вокругъ отбывшіе свою земную повинность бойцы. Такъ и теперь, когда я набрасываю эти строки, нашъ покойный товарищъ, Григорій Константиновичъ, словно въявь передо мною. Нервный, чуткій, впечатлительный, за всю свою богатую событіями и переживаніями работу не сумѣвшій научиться спокойствію и равнодушію къ великой неправдѣ. Вѣдь она слѣпо, упрямо и глупо таилась вокругъ. Тамъ, гдѣ ученые люди только боролись, а другіе невозмутимо отходили въ сторону отъ тріумфальнаго шествія торжествующей свиньи, въ русской дѣйствительности игравшей роль индійской колесницы кровожаднаго бога Джагернаута, Градовскій горѣлъ, не жалѣя себя. Не зная чувства мѣры, не считаясь съ безотвѣтностью сонной страны молчанія, онъ часто казался излишне крикливымъ, раздерганнымъ, желающимъ играть для показа несвойственную ему ходульно героическую роль. Люди, привыкшіе къ плавности и оглядкѣ, винили его не разъ въ этомъ, и только когда онъ на эту борьбу

отдалъ всего себя, свое мятущееся сердце, свой мозгъ, когда его раздавило непосильное иго — поняли, насколько онъ былъ искрененъ, даже преувеличенно искрененъ. Нужно было, чтобы его сожгла жизнь, и тогда ему отдали должное.

Упрекали Г. К.—и часто упрекали справедливо,—что, подобно вѣчному рыцарю Донъ-Кихоту, онъ, случалось, не отличалъ вѣтрянной мельницы отъ притаившагося за нею врага. Но Донъ-Кихотъ, помимо смѣшныхъ сторонъ, являлся не только рыцаремъ печальной фигуры, но и витяземъ чудеснаго великодушнаго сердца. Въ этомъ неумѣніи различать во враждебномъ станѣ большихъ отъ малыхъ есть свои милая и дорогая намъ всѣмъ черта. Гдѣ ужъ тутъ разобраться, кто малъ и не стоитъ размаха... Бактерія еще меньше, а она Шекспира съѣла.

II.

Другіе разскажутъ о немъ въ тихой и мирной обстановкѣ обычной работы. Я думаю, что не осталось никого, кто бы могъ вспомнить о Г. К. Градовскомъ, какъ о военномъ корреспондентѣ, какимъ отъ редакціи «Голоса» съ малоазіатскаго фронта онъ былъ присланъ къ намъ на Дунайскія позиціи. Я сначала встрѣтилъ его въ Бухарестѣ, жизнерадостнаго, чутко ловившаго красоту и счастье свободнаго уклада Румыніи, уже сложившейся въ конституціонное государство на самыхъ широкихъ основахъ народнаго самоуправленія. Признаюсь, онъ даже слишкомъ злоупотреблялъ восклицательными знаками. Эта открытая душа ни къ чему не могла относиться спокойно—а тутъ, то-и-дѣло, чужая явь напоминала ему, что вѣдь все это кругомъ создано нами—нашими сѣрыми богатырями, вернувшимися домой и темными, и безправными. Мало того, что независимая, но и свободныя Румынія, Сербія, Греція выросли на нашей крови и всякій разъ, давъ счастье другимъ народамъ, мы возвращались опять въ душную и затхлую тюрьму. Градовскій былъ противъ нашихъ Балканскихъ авантюръ.

Надо сказать, что сначала Г. К. Градовскій, такъ же страстно, какъ и все, что онъ дѣлалъ, увлекся освободительными цѣлями болгарскаго движенія, и одинъ изъ первыхъ кликнулъ кличъ—помочь роднымъ намъ племенамъ, но вскорѣ мы его видимъ въ совершенно иной плоскости. Онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что, оставаясь безправными молчальниками дома, мы великія блага свободы и просвѣщенія будемъ насаждать въ иной странѣ. Такое противорѣчіе совершенно

измѣнило взгляды и убѣжденія Г. К. Это оказался впослѣдствіи сознательный врагъ Болгаріи, требовавшей столько русскихъ жизней и денегъ. Точно онъ впередъ предвидѣлъ бездарность и преступную слѣпоту русской дипломатіи и отвратительную подлость измѣнившей намъ Болгаріи.

Самоотверженный и великодушный лично, Г. К. въ своихъ политическихъ взглядахъ былъ настоящимъ представителемъ государственнаго эгоизма. Ни одной капли русской крови, ни одной копѣйки для другихъ. Онъ и славянофиловъ ненавидѣлъ, потому что этимъ пользовались бѣдные родственники, чтобы обирать и ставить въ опасное положеніе и безъ того небогатаго дядю. Въ спорахъ съ нами по этому вопросу онъ доходилъ до бѣшенства, ссорился, переставалъ кланяться, но немного спустя самъ приходилъ къ намъ съ покаянною фразой: «вы знаете, я не умѣю иначе. Мнѣ и А. А. Краевскій говоритъ, что я себѣ шею сломаю. Что дѣлать! Должно быть, въ дѣтствѣ меня нянька ушибла».

Въ Бухарестъ мы попадали изъ-подъ Шипки и Плевны для короткаго отдыха. Обѣдали у Рашки, вечера проводили въ кафе Дачіа. Въ этой легкомысленнѣйшей изъ европейскихъ столицъ—мы никакъ не могли отойти отъ тогдашнихъ злобъ дня. La table des batailleurs, какъ называли румыны нашъ столикъ, знать не хотѣлъ развлеченій и соблазновъ этого Магометова рая. Мы и въ немъ, благодаря Г. К. Градовскому, варились въ русскомъ котлѣ. Гирсъ, Н. Н. Каразинъ, В. П. Буренинъ уже вернулись въ Россію вмѣстѣ съ Е. И. Утинымъ и другими временно посѣщавшими Балканскій фронтъ. Г. К. Градовскій смѣнилъ ихъ здѣсь. Н. В. Максимовъ былъ раненъ въ третью Плевну, С. В. Верещагинъ убитъ, и мы, т. е. Градовскій и я, съ «русскимъ американцемъ», какъ его окрестили тогда, Макъ Гаханомъ, мы составляли маленькое корреспондентское trio, но не долго! Я вернулся въ Скобелевскій отрядъ, Градовскій въ армію генерала Гурко...

III.

Наперекоръ всему, что о немъ писали и говорили,—въ немъ вовсе не было нашей обычной писательской нетерпимости. Я даже не знаю, откуда это пошло, но, встрѣчаясь часто съ Г. К., всегда видѣлъ въ немъ отличнаго и сердечнаго товарища. На войнѣ 77—78 г. не разъ мы собирались вмѣстѣ—представители газетъ противоположныхъ направленій. Въ Петер-

бургѣ и Москвѣ эти изданія вели между собой, какъ и слѣдуетъ, борьбу на жизнь и на смерть. Тогдашнія цензурныя условія были таковы, что спорить объ идеяхъ и убѣжденіяхъ нельзя было, и потому ломали копья о тѣхъ, кто представлялъ собою эти идеи. Это было, можетъ быть, и печально, но въ темничной духотѣ слова и мысли неизбѣжно. Совсѣмъ иное у насъ было на боевыхъ позиціяхъ. Мы жили тамъ душа въ душу. Дѣлились свѣдѣніями, направляли другъ друга, куда слѣдуетъ, пріючали случайно оказавшихся бездомными, и я помню, какъ, напр., Гр. Конст., отъѣзжавшій изъ-подъ Плевны за чѣмъ-то въ Систово, бралъ съ собой для отсылки наши корреспонденціи: то же, что и мы дѣлали для него и чего нѣтъ теперь. Лично это былъ человѣкъ обаятельной деликатности. Всѣ разсказы о его выходкахъ при встрѣчѣ съ противникомъ сплошной вымыселъ. Печатную строку отожествляли съ живымъ словомъ. Онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы дѣйствовать такъ. Быть можетъ, впослѣдствіи, уже въ Петроградѣ, онъ и измѣнился въ этомъ отношеніи.

Личныя неудачи, удары торжествующей силы по его лучшимъ начинаніямъ, клевета однихъ и скрытая вражда другихъ доводили Гр. К—ча чуть не до истерики, печальная необходимость даже въ самой редакціи «Новостей» считаться съ директивами и вліяніемъ человѣка, сильнаго только своимъ правомъ хозяина,—все это не могло внести равновѣсія въ его чуткую душу. Но и тутъ я помню: онъ какъ-то зашелъ ко мнѣ. Жилъ я тогда въ гостиницѣ «Англія». Онъ засталъ меня за чтеніемъ книги одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ фельетонистовъ противоположнаго литературнаго толка. Случайно онъ заглянулъ въ нее и отъ души расхохотался: «вотъ кого недостаетъ намъ. Ни въ покойномъ «Голосѣ», ни у насъ не было такого, надо сказать правду—у насъ народъ въ этомъ отношеніи довольно таки беззубый». Это, разумѣется, не мѣшало Градовскому мѣряться оружіемъ со своими политическими врагами на страницахъ газеты, и я думаю, что произведенія Гр. Конст. выигрывали бы гораздо больше, если бы ему не приходилось бѣгать на короткой издательской веревочкѣ. По утрамъ онъ собесѣдовалъ съ редакторомъ газеты, и вопросы, о которыхъ онъ долженъ былъ говорить, опредѣлялись въ эти ранніе часы. Часто Гр. Конст. выходилъ оттуда раздраженный и въ такомъ состояніи долженъ былъ писать.

Начиная часто полемическіе выпады по тому или другому адресу, онъ вдругъ долженъ былъ обрывать ихъ, потому что та же издательская нимфа Эгерія, испуганная ударами съ той

стороны, налагала veto на уста страстнаго и раздражительнаго передовика. Понятно, какъ это дѣйствовало на Гр. Конст—ча.

Его передовыя убѣжденія нисколько не мѣшали ему дружить съ людьми противоположнаго лагеря. Онъ, напримѣръ, былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ С. Н. Шубинскимъ, Гильдебрантомъ и др. Есть въ этомъ отношеніи на всѣхъ поприщахъ работники, у которыхъ чужая указка отнимаетъ лучшія стороны ихъ таланта...

IV.

Въ огнѣ этотъ человѣкъ былъ спокоенъ. Тамъ, гдѣ другіе лицомъ къ лицу съ «опасностью сейчасъ и на мѣстѣ» теряются и часто измѣняютъ своему достоинству, Градовскій держался хорошо и стойко. Я помню его подъ Плевной. Стояла отвратительная болгарская зима. Внизу подъ окнами была не земля, а какая-то податливая и въ то же время вязкая помада. Копыта лошадей далеко уходили въ нее, расползались въ ней, и бѣдному коню съ трудомъ удавалось вырывать ихъ изъ этой клейкой и упрямой топи. На озябшихъ вѣтвяхъ болтались по вѣтру желтыя мокрыя тряпки, вмѣсто листьевъ. Въ землянкахъ было холодно, пахло скверно. Подъ навѣсами шуршала и возилась всякая нечисть, и часто шлепались оттуда о земляной полъ, наслѣженный грязными сапогами, Богъ вѣсть какъ переживавшіе тамъ ноябрьское бездолье скорпіоны. Лучше было на позиціяхъ. На одной такой я помню Градовскаго. Онъ пришелъ къ намъ, взобрался на банкетъ бруствера и подъ разсѣяннымъ огнемъ турокъ спокойно оглядывалъ дали. Пули около лизали сырой воздухъ. Въ сѣрую скучную марь уходило все... Какъ-то вѣтромъ разсѣяло ее, и даже лучъ солнца чуть тронулъ край нашего вала. Точно огнистый зигзагъ, намѣтился его гребень. Огонь непріятеля тотчасъ же усилился къ этому свѣтовому пятну. «Ну вотъ теперь хорошо видно»—и Гр. Конст. спокойно заносилъ въ свою книжку и непріятельскія траншеи впереди, и поля, усѣянныя недвижными павшими бойцами... Я не говорю, чтобы это было большое достоинство, но вѣдь Градовскій былъ пацифистъ свыше всякой мѣры, и, хоть въ этомъ я расхожусь со своими товарищами въ этой самой книгѣ, онъ, быть можетъ, и любилъ военную среду, но не любилъ военнаго дѣла. На этой почвѣ мы часто спорили съ нимъ...

Разумѣется, въ этомъ бѣгломъ очеркѣ я даже и не задавался цѣлью нарисовать сложный характеръ, гибкій умъ на-

шего стойкаго, всю свою жизнь неутомимо работавшаго «добраго товарища». Мнѣ хотѣлось только бросить и свой вѣнокъ на его могилу. Страданія цѣлаго періода его жизни, пока больной онъ былъ прикованъ къ мѣсту, и въ минутами просыпавшемся сознаніи этого большого и неустаннаго труженика мелькали обжигавшими его искрами мучительныя и горькія мысли о своей безполезности, о тяжкомъ гнетѣ никому ненужной и, прежде всего, невыносимой ему самому, долгой агоніи умирающаго ума—были ужасны... Временами оправляясь, онъ лихорадочно, жадно брался за любимый трудъ, чтобы вскорѣ опять понять ненужность и неудачу такой попытки. Эту борьбу большого и чуткаго сердца, жаждавшаго надлежащаго труда на любимомъ литературномъ полѣ, души съ больнымъ, временами отуманивавшимся мозгомъ, видѣли близкіе ему люди. Мы можемъ только догадываться, какую внутреннюю муку переживалъ нашъ «добрый», отнятый у насъ товарищъ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

«ПРИНЦИПИСТЪ».

I.

Я знавалъ по дому двухъ Градовскихъ: одного—профессора, другого—публициста, котораго недавно утратило писательское сотоварищество, созданное имъ же.

Мое знакомство и съ тѣмъ, и съ другимъ относится къ одной и той же эпохѣ—ко второй половинѣ 70-хъ годовъ; но А. Д. Градовскаго я лично зазналъ нѣсколько раньше. Помню, какъ въ моей квартирѣ, на Пескахъ (это было въ зиму 1875—76 гг.) сошлись два такихъ крупныхъ университетскихъ дѣятеля:—онъ и К .Д. Кавелинъ, оба давно покойники. Я могъ во время общей оживленной бесѣды наблюдать этихъ представителей двухъ различныхъ эпохъ: москвича Кавелина, еще ученика Бѣлинскаго, создателя, вмѣстѣ съ историкомъ Соловьевымъ, теоріи «родового быта», и южанина и впослѣдствіи профессора петербургскаго университета, такъ же какъ и Кавелинъ; къ Градовскому я въ ту зиму ѣздилъ на лекціи по исторіи политическихъ ученій. Они представляли собою во многихъ смыслахъ рѣзкій контрастъ и были типичными образцами людей своихъ поколѣній.

Между обоими Градовскими, какъ извѣстно, не было родственной связи, и я не знаю—были ли они близко знакомы. Сказать точно—гдѣ и когда, именно, встрѣтились мы, я теперь затруднился бы; но, конечно, это должно было произойти въ писательской средѣ; вѣроятно, даже въ редакціи какой-нибудь газеты. Но что я отчетливо помню, это—публичную лекцію, которую Градовскій читалъ послѣ турецкой кампаніи 1877 года. Онъ вернулся съ войны полный особеннаго энтузіазма и вмѣстѣ съ тѣмъ того обличительнаго пыла, съ какимъ онъ такъ часто выступалъ противъ сильныхъ міра сего.

Тогда я могъ ознакомиться съ его тономъ, темпераментомъ,

дикціей. Все это было у него такое молодое и горячее, хотя онъ уже вышелъ тогда изъ годовъ «зеленой» молодости. Въ тонѣ и дикціи чуялся какъ бы уроженецъ юга и даже въ произношеніи что-то не «хохлацкое», но и не коренное великорусское, и всего менѣе московское.

Къ этой полосѣ моихъ петербургскихъ переживаній и относятся болѣе частыя встрѣчи съ покойнымъ. Если не ошибаюсь, я находилъ его и въ редакціи тогдашнихъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», и въ кабинетѣ покойнаго ихъ издателя, Полетики, также типичнѣйшаго человѣка конца царствованія Александра II.

Въ тѣ годы Градовскій уже пріобрѣлъ популярность—еще какъ сотрудникъ «Голоса»—подъ псевдонимомъ Гамма. Псевдонимъ былъ удачно выбранъ: простой, звучный и не претенціозный, ни больше, ни меньше, какъ греческое названіе нашей буквы Г.

Одновременно съ Гаммой выдвинулся и другой фельетонистъ—Буква, И. Ф. Василевскій, дожившій до тяжкихъ испытаній нашего отечества. Съ нимъ мы познакомились около того же времени. «Гамма» и «Буква» были въ родѣ газетныхъ близнецовъ, похожихъ на двухъ парижскихъ фельетонистовъ, которые въ концѣ 60-хъ годовъ (когда я жилъ въ Парижѣ) подкапывались подъ гнилой режимъ Наполеона III, и ихъ изображали всегда, какъ кующихъ на одной и той же наковальнѣ: это были Рошфоръ и его собратъ Вольфъ, оба сотрудники тогдашняго «Figaro».

II.

Смерть каждаго собрата, оставившаго послѣ себя извѣстное имя, вызываетъ всегда (по крайней мѣрѣ, во мнѣ) сожалѣніе о томъ, что «пишущая братія» до сихъ поръ живетъ слишкомъ разрозненно, что знакомство—даже со своими товарищами по работѣ въ журналахъ и газетахъ—остается долгіе годы слишкомъ внѣшнимъ, недостаточно интимнымъ, не выходитъ за предѣлы случайныхъ встрѣчъ.

Развѣ это не правда? Особенно въ Петроградѣ; да и въ Москвѣ почти что такъ. Не знаю, какъ стоитъ дѣло въ Петроградѣ за послѣдніе годы (я тамъ бываю только проѣздомъ); но въ мое время, т. е. начиная съ 60-хъ годовъ почти до конца XIX вѣка, это было, именно, такъ. Теперь есть все-таки клубы, союзы, профессіональныя общества, извѣстные дни для

литературныхъ сборищъ или очередныхъ дѣловыхъ собраній; а было время, когда ничего подобнаго не имѣлось.

Да и въ тѣ годы, когда мы живали съ покойнымъ подолгу, въ одной столицѣ и могли свободно встрѣчаться, этого также не было. Такъ, напр., я не помню, чтобы мы съ нимъ постоянно видались въ какомъ-нибудь пріятельскомъ кружкѣ или даже гдѣ-нибудь на вечерахъ. И это въ теченіе многихъ лѣтъ. Я не зналъ, какъ и въ какой обстановкѣ онъ живетъ; кромѣ развѣ подписныхъ обѣдовъ, врядъ ли я когда-нибудь встрѣчался съ нимъ въ ресторанѣ или клубѣ. Поэтому такъ отчетливо и осталось въ моей памяти одно посѣщеніе Градовскаго. Кажется, тогда я жилъ квартирой; но не могу точно сказать: въ какомъ это было году. Онъ привезъ ко мнѣ свою дочь, молоденькую, миловидную, изящно одѣтую дѣвушку—посовѣтоваться со мною, какъ съ писателемъ, считавшимся тогда спеціалистомъ по изученію театральнаго искусства. Я не могъ, конечно, высказать рѣшительнаго мнѣнія, такъ какъ не подвергалъ ее никакому испытанію; я видѣлъ только, что у нея большая склонность къ сценѣ, и она занималась у кого-то декламаціей; но я видѣлъ также, какъ отецъ любитъ ее, какъ онъ хотѣлъ бы дать полный ходъ ея таланту, и, въ то же время, его смущала карьера дѣвушки на театральныхъ подмосткахъ. Я былъ немного удивленъ, увидавъ его отцомъ взрослой дѣвушки: онъ казался тогда еще совсѣмъ молодымъ мужчиной.

Послѣ этого посѣщенія пролетѣло нѣсколько зимнихъ сезоновъ. Но я ихъ проводилъ внѣ Петрограда; цѣлыми зимами живалъ на Ривьерѣ, а потомъ въ Москвѣ. И въ этотъ-то промежутокъ времени, въ добрыхъ десять лѣтъ, покойный Г. К. исчезъ съ горизонта и столицы, и вообще интеллигентной русской жизни. До насъ стали доноситься вѣсти о томъ душевномъ разстройствѣ, которое прервало его работу писателя и общественнаго дѣятеля. Сначала не хотѣлось этому вѣрить; но слухи пріобрѣтали фактическую почву. Состояніе его хотя и не признавалось неизлѣчимымъ, но настолько серьезнымъ, что какая бы то ни была умственная работа стала уже для него неосуществимой. Болѣе тяжкое испытаніе судьба не можетъ послать человѣку мозгового труда!

III.

Мой—увы!—слишкомъ краткій очеркъ изъ запаса памяти я озаглавилъ: «Принципистъ». Этотъ терминъ самъ собою всплылъ у меня въ головѣ.

Да, Градовскій, какъ публицистъ и общественный дѣятель, былъ именно: «принципистъ». Самое слово, кажется, пустилъ въ ходъ я же. Нѣкоторые, быть можетъ, употребляютъ его съ иронической интонаціей, но здѣсь я беру его въ положительномъ смыслѣ. Для него принципы, за какіе онъ горячо ратовалъ въ печати, были—в с е, и его упрекали иногда за то, что въ его выступленіяхъ онъ какъ бы перепускалъ мѣру. Я помню его застольный спичъ на писательскомъ обѣдѣ у Донона. Да, ему иногда трудно было воздержаться отъ болѣе нерѣзкихъ проявленій темперамента. И, вѣроятно, послѣ его болѣзни такая пылкость могла и сильнѣе развиться. Но вѣдь это дѣло ф о р м ы, а с у т ь остается та же: страстная преданность извѣстнымъ идеямъ, симпатіямъ и протестамъ. Это и создаетъ «принциписта».

Мнѣ привелось опять встрѣчаться съ нимъ, послѣ того какъ онъ, такъ сказать, «воскресъ изъ мертвыхъ». Какъ мой собратъ, ко дню моего пятидесятилѣтняго юбилея, онъ вмѣстѣ съ своимъ близкимъ пріятелемъ И. Ф. Василевскимъ задумалъ ознаменовать эту годовщину самымъ лестнымъ видомъ чествованія. И если это не удалось имъ провести, то это было не по ихъ винѣ. Я тогда отказался отъ юбилейныхъ торжествъ, и меня, въ октябрѣ 1910 года, не было въ Россіи; но я узналъ, что онъ принималъ горячее участіе въ устройствѣ вечера по поводу моей 50-лѣтней годовщины. Онъ, совмѣстно съ Василевскимъ, писалъ мнѣ самыя сочувственныя письма и изъ Петрограда, и изъ усадьбы «Еленово», гдѣ подолгу гостилъ у своего пріятеля. Смерть избавила его отъ тяжкой боли хорошаго патріота: вѣдь война могла бы захватить его въ той самой усадьбѣ, близъ станціи Молодечно, куда добрались нѣмцы. Еслибъ тѣнь его могла дослать изъ Елисейскихъ полей свой голосъ, онъ имѣлъ бы право произнести такія слова:

— Да, я бывалъ слишкомъ горячъ, не умѣлъ сдерживать своихъ негодованій; но и римскій поэтъ Овидій, тѣнь котораго прохаживается со мною на небесныхъ высотахъ, въ двухъ своихъ поэмахъ восклицалъ: «Est Deus in nobis»—нами владѣетъ божественный пылъ.

Пылкость все уходитъ изъ нашей духовной жизни. Теперь всѣ мастера хлестко говорить и красиво писать, щеголять стилемъ, выражаться на всякіе лады, владѣть собою съ искусствомъ актеровъ. Но искренность, хорошая наивность, молодая горячность—попадаются все рѣже и рѣже.

Кто изъ теперешнихъ краснобаевъ и стилистовъ имѣетъ право повторить возгласъ поэта-изгнанника, скоротавшаго свой скорбный вѣкъ въ «Молдавіи, въ глуши степей» — какъ упоминаетъ въ «Онѣгинѣ» нашъ великій Пушкинъ?

Да, *est Deus in nobis*, когда мы стоимъ за правое дѣло и не думаемъ о томъ, какъ у насъ сложится наша защита: съ ловкостью ли дипломата, или съ пыломъ «неистоваго Виссаріона»?

П. Боборыкинъ.

Октябрь, 1915 г.

НА ОТДЫХѢ.

(Воспоминаніе).

Григорій Константиновичъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы, послѣдніе передъ своею мучительною и долгою болѣзнью, у меня въ имѣніи, близъ станціи Молодечно, Либаво-Роменской желѣзной дороги. Онъ очень дорожилъ своимъ отдыхомъ, заблаговременно думалъ о немъ и въ горячихъ, свойственныхъ ему, словахъ дѣлился со мною этимъ своимъ настроеніемъ. «Я, какъ школьникъ, считаю дни до своихъ каникулъ, — писалъ онъ мнѣ въ маѣ 1910 года изъ Петербурга.—Разныя мелкія препятствія все еще держатъ меня здѣсь своими противными, склизлыми щупальцами. А такъ бы хотѣлось уже вырваться поскорѣе изъ холодныхъ и мрачныхъ, — даже и теперь, въ маѣ!—петербургскихъ стѣнъ въ солнечную зеленую гущу еленовскаго парка!.. Въ другомъ письмѣ своемъ онъ сообщаетъ, что «новая соломенная шляпа, купленная для Еленова, наводитъ его своимъ видомъ на веселыя, убаюкивающія мысли». Въ третьемъ письмѣ онъ просилъ меня «поклониться отъ него всѣмъ еленовскимъ розамъ-красавицамъ». Г. К. очень любилъ цвѣты, живо, на особый ладъ интересовался и увлекался ими.

Я какъ сейчасъ вижу его среди цвѣтовъ. Солнечное лѣтнее утро. Большой круглый цвѣтникъ передъ домомъ, заполненный только кустарниками розъ. Ихъ тутъ масса. Цвѣтеніе въ самомъ разгарѣ. Розы разной окраски. Есть ярко-красныя, темно-красныя, нѣжно-розовыя, бѣлыя, бѣлыя съ розовымъ, желтыя, оранжевыя. А надъ ними и среди нихъ виднѣется красивая бѣлая голова Г. К. Онъ забрался сюда совершенно незамѣтно и проводитъ, стоя и любуясь, уже добрыхъ полчаса. Онъ тутъ «свой человѣкъ» и, можно сказать, знаетъ поштучно всѣ разновидности розъ. На лицѣ его славная улыбка тихаго, ничѣмъ ненарушимаго покоя, удовольствія, наслажденія тѣмъ, что вокругъ есть, и онъ издали кричитъ мнѣ, сходящему съ балкона:

— Поди, поди-ка сюда! Посмотри, пожалуйста. Какъ меня шотландка славно обманула! Я думалъ—она покажется одиночкою, а она такъ и претъ соцвѣтіемъ, метельчатымъ соцвѣтіемъ. А тоже, взгляни, что за красота и Perle d'or. Чуть не въ шапку величиною. И вѣдь какъ складывается! Лепестки перышками, и вся не тарелочкою, а конусомъ, вверхъ.

И онъ аккуратно срѣзалъ отцвѣтающія розы, изъ которыхъ ему потомъ садовникъ приготовлялъ букетъ и ставилъ на столъ, передъ его приборомъ.

Къ завтраку Г. К. сходилъ, обыкновенно, послѣ утренней текущей работы. Онъ писалъ для газеты публицистическія статьи по разнымъ предметамъ и замѣтки ad hoc. Литературный трудъ давался ему легко. Онъ всегда кончалъ начатое за одинъ присѣстъ. Онъ избиралъ преимущественно общественныя и политическія темы, которыя были ему особенно близки. Любилъ онъ касаться первенствующихъ «злобъ дня», когда онѣ находятся въ стадіи своего полнаго развитія и допускаютъ еще большую разницу въ мнѣніяхъ. Г. К. умѣлъ и хорошо излагать свои взгляды, и горячо отстаивать ихъ. Онъ былъ талантливымъ полемистомъ и спорилъ, сразу вспыхнувъ и не потухая, находчиво и остроумно. Память у него была великолѣпная. Въ ней уложено было все, для писателя подъ рукою нужное: историческія даты и событія, фамиліи, названія мѣстностей, словца и цитаты изъ русскихъ и французскихъ классиковъ. Изъ Пушкина онъ зналъ наизусть и помнилъ отлично, — чеканилъ сразу, — очень многое. Его литературный багажъ былъ вѣскій и многосторонній, хотя уже и нѣсколько старомодный.

Послѣ завтрака мы съ нимъ шли на прогулку; по большей части, шли на вокзалъ желѣзной дороги бросать свою корреспонденцію прямо въ ящикъ мимопроходящаго поѣзда. По дорогѣ разговоры не прерывались. Очень часто Г. К. возвращался въ нихъ къ излюбленному предмету своихъ мыслей и бесѣдъ—къ нашей Кассѣ, ея исторіи и судьбамъ, къ ея зарожденію, эпизодамъ изъ прошлаго и даннымъ изъ настоящаго. Много разъ онъ разсказывалъ одинъ предшествовавшій возникновенію кассы анекдотъ, но онъ передавалъ его съ такимъ любительскимъ вкусомъ, что я выслушивалъ его съ улыбкою. Суть въ томъ, что когда Г. К. приступалъ къ утвержденію проекта устава кассы, то ему казалось, при тогдашнемъ болѣе чѣмъ холодномъ отношеніи правительственныхъ властей къ печати и ея дѣятелямъ, что его ходамъ, просьбамъ и хлопотамъ по разнымъ инстанціямъ конца не будетъ. Между тѣмъ,

На отдыхѣ: Г. К. Градовскій въ гостяхъ у И. Ѳ. Василевскаго, въ имѣніи „Еленово“.

къ величайшему его удивленію, уставъ поспѣлъ очень скоро. Обрадованный такою вполнѣ неожиданною любезностью, Г. К. поспѣшилъ со своею благодарностью къ главному лицу, отъ котораго зависѣло утвержденіе устава,—къ министру народнаго просвѣщенія. Деляновъ его сейчасъ же принялъ. Благодушный и лукавый министръ, выслушавъ слово признательности Г. К., улыбнулся во всю ширь своей толстой, бритой чисто бабьей физіономіи и сказалъ:

— Да, да, я утвердилъ уставъ вашей кассы... Хе-хе... Отчего же мнѣ было не утвердить устава вашей кассы?.. По ея смыслу, она будетъ собирать гривенники, а выдавать не только на смерти, но и на пенсіоны—тысячи. Въ добрый часъ, въ добрый часъ!..

И тогда же, по ассоціаціи идей, Г. К. вспомнилъ заодно и другой эпизодъ, противоположнаго смысла... А помнишь ли,—разсказывалъ онъ мнѣ,—пророчество Модестова... Ну, да въ первое же, вступительное засѣданіе правленія кассы, у тебя же, на Офицерской, имъ сказанное. Предсѣдателемъ избрали тогда меня, казначеемъ — тебя, секретаремъ — Скабичевскаго. Членами правленія были: Боборыкинъ, Шеллеръ, Мордовцевъ, Нотовичъ, Шубинскій и Модестовъ. Когда засѣданіе кончилось и всѣ начали вставать изъ-за стола, Василій Ивановичъ сказалъ:

— У нашего казначея, господа, какъ мы сейчасъ узнали, всѣхъ капиталовъ,—и оборотнаго, и запаснаго, и пенсіоннаго, со всякими отчисленіями, всего-на-всего—116 рублей. Начало—болѣе чѣмъ скромное. Но это—ничего! Начальная цифра тутъ ничего не значитъ. Касса удержится. Скажу даже болѣе. Мнѣ представляется въ будущемъ ея быстрый и могучій расцвѣтъ. «Это изъ гривенниковъ-то»! — вы меня перебиваете. Нѣтъ, господа, не изъ гривенниковъ. Въ такой странѣ, какъ Россія, всегда найдутся люди, можетъ быть, незамѣтные и незначительные,—мы объ ихъ существованіи и не подозрѣвали,—которые будутъ чувствовать такое влеченіе, такое уваженіе и любовь къ литературѣ, которымъ такъ искренно и сильно будетъ хотѣться сдѣлать для нея что-нибудь доброе, сердечное, что они или наслѣдники ихъ будутъ сами приходить съ разныхъ концовъ Россіи и класть деньги, тысячи, десятки тысячъ, я не знаю, можетъ быть, и болѣе, на столъ просто, такъ. Это—шансъ теоріи вѣроятности, но я убѣжденъ, что это будетъ и фактъ живой дѣйствительности.

Такъ вѣдь и случилось. В. И. Модестовъ предсказалъ будущее.

Г. К. утверждалъ, что словами Модестова надо начинать исторію пенсіоннаго капитала кассы.

Послѣ прогулки и завтрака Г. К. уходилъ обыкновенно въ глубь липоваго парка. Тамъ, въ одной изъ аллей, качался гамакъ, и возлѣ него стоялъ столъ съ петербургскими газетами, только-что полученными. Онъ предавался чтенію, которое, конечно, не было ни продолжительнымъ, ни особенно внимательнымъ...

Передъ обѣдомъ онъ опять шелъ гулять, версты за двѣ, за три, въ березовый или сосновый лѣсъ, въ этотъ разъ уже одинъ. Онъ бралъ съ собою только собаку и корзинку для грибовъ. Онъ приносилъ съ собою кучу грибовъ и непремѣнно требовалъ, чтобы ихъ подавали ему къ обѣду. Разумѣется, поваръ выбрасывалъ вонъ находки Г. К. и неуклонно замѣнялъ ихъ годными грибами. Въ лѣсу онъ оставался обыкновенно долго, часа полтора. Мужикъ ли попадался ему по дорогѣ, баба ли деревенская шла навстрѣчу, пастухъ ли, паренекъ тащилъ лошаденку подъ уздцы на пашню, Г. К. останавливалъ ихъ ласковымъ словомъ, садился на ближайшій покосъ и заводилъ разговоръ про сельское житье-бытье и про страдную пору.

Къ солнечному закату, послѣ обѣда, намъ подавали шарабанъ, и мы одни, безъ прислуги, дѣлали экскурсіи въ ближайшія окрестности; ѣхали по тѣнистымъ и глухимъ почтовымъ трактамъ, то по залитому электричествомъ вокзальному проспекту, то по песчаной улочкѣ мирно уснувшаго уже городка. Дома насъ ждали чай и рояль. Г. К. очень любилъ музыку, а у меня въ тѣ годы гостилъ молодой піанистъ, недавно кончившій консерваторію. Онъ пытался спеціально изучать Шопена и игралъ его недурно: благородно, съ душою и проникновеніемъ. У Г. К. были слабые нервы: они вызывали повышенную чувствительность. И когда на роялѣ догоралъ конецъ извѣстнаго этюда cis-moll, то у совершенно въ слухъ ушедшаго Г. К. крупныя слезы тихо съ лица скатывались.

Милый другъ! Онъ такъ любилъ розы, но жизнь повертывала къ нему ихъ только шипами.

Ип. Василевскій.

Г. К. ГРАДОВСКІЙ, ГЛАСНОСТЬ И ВОЙНА.

Градовскій умеръ въ разгаръ не закончившейся еще и нынѣ великой европейской войны. Тотъ, кто близко зналъ его воспріимчивую душу гражданина-публициста и его просвѣщенный, широко объемлющій умъ «западника», легко представляетъ себѣ, какъ страстно и глубоко переживалъ бы онъ эту грандіозную, необычайную фантасмагорію событій, очевидцами которой мы являемся,—какъ отозвался бы онъ на австрійскій ультиматумъ Сербіи, на нарушеніе Германіей бельгійскаго нейтралитета съ презрительной обмолвкой о «клочкѣ бумаги», на разрушеніе Лувэна и Реймса, на воззваніе нѣмецкихъ ученыхъ въ оправданіе звѣрствъ германской арміи, на обращеніе нашего Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ и къ Угорской Руси, на наши побѣды и неудачи въ Галиціи, на мобилизацію нашей промышленности, на созывы и роспуски Думы, на московскіе резолюціи и съѣзды, на покушеніе противъ свободы печати, на измѣну Болгаріи, на доблесть русскаго солдата, на «реваншъ», который Франція даетъ Германіи за 70-й годъ, на близкое осуществленіе вѣковой мечты о «свободѣ проливовъ» и крестѣ на св. Софіи.

Но, увы! уже къ началу цикла всѣхъ этихъ событій Градовскій былъ среди насъ «живымъ трупомъ»... Тяжелый недугъ приковалъ его къ постели, затуманилъ его когда-то живой и свѣтлый умъ, оборвалъ въ душѣ его когда-то трепетныя къ воспріятію жизни струны, безсильной сдѣлалъ его руку, не могшую уже поднять пера,—и онъ жилъ слѣпымъ, глухимъ и безучастнымъ среди громовъ и молній міровой грозы. Онъ безмолвствовалъ, когда предъ нимъ, предъ всѣми нами крушились идеалы человѣчества — право, религія, правда, братство народовъ; топталось въ грязь и кровь уваженіе къ человѣческой личности, къ храмамъ наукъ и искусствъ, «за тридцать сребренниковъ» продавались кровныя узы народовъ, братъ гото-

вился идти на брата и сынъ поднималъ руку на мать, родившую его въ мукахъ.

Онъ ушелъ отъ насъ, не раздѣливъ съ нами ни одной изъ скорбей, выпавшихъ на нашу долю, ни одной изъ мукъ разочарованій, пережитыхъ и переживаемыхъ нами.

Судьба избавила его отъ нихъ, какъ избавила она отъ нихъ и еще болѣе чуткую «совѣсть человѣчества»—Толстого.

Каждый изъ нихъ откликнулся бы на міровую катастрофу по своему.

Философъ-моралистъ Толстой почерпнулъ бы въ ней новую аргументацію противъ технической культуры вѣка, противъ государственности съ ея политикой, милитаризмомъ, войнами и за личное нравственное совершенствованіе человѣка во имя добра и любви къ ближнему.

Публицистъ-гражданинъ Градовскій, не мыслившій себя внѣ государства, — этотъ обломокъ «западничества», старый русскій «либералъ»,—еще страстнѣе, еще убѣжденнѣе сталъ бы доказывать необходимость для побѣды надъ нашимъ врагомъ, во имя мира всего міра, торжества тѣхъ идей, за которыя онъ неустанно боролся всю свою долгую жизнь.

Но одинъ фактъ современной жизни онъ переживалъ бы особенно глубоко и больно, какъ публицистъ, гражданинъ и общественный дѣятель.

Ни въ одну войну изъ числа бывшихъ за послѣднія 35—40 лѣтъ печать не была такъ стѣснена въ своемъ служеніи связью между народомъ и арміей, поддержкою народнаго одушевленія въ борьбѣ и въ тяжкія минуты испытаній боевого счастья,—какъ въ нынѣшнюю, когда народы и арміи—дѣйствительно одно и уже стерлись грани, гдѣ тылъ и фронтъ, гдѣ народъ и армія, когда театромъ дѣйствій войны и для войны стала вся воюющая страна.

Ограниченіе гласности на войнѣ выразилось не столько въ усиленной строгости военной цензуры, сколько въ томъ, что ни одинъ военный корреспондентъ не допущенъ въ армію. И это не только у насъ, но и у нашихъ союзниковъ, и у нашихъ противниковъ. Вотъ, что пишетъ одинъ англійскій журналистъ:—«Военные корреспонденты устарѣли, прежде чѣмъ успѣли состариться. Проволочный телеграфъ ихъ создалъ, а безпроволочный—ихъ уничтожилъ. Конечно, было очень пріятно получать съ такой быстротой самыя свѣжія новости, но непріятель, перехвативъ ихъ своимъ аппаратомъ, прочтетъ ихъ еще раньше, чѣмъ мы, и выведетъ все, что ему нужно о нашихъ силахъ и стратегическихъ планахъ. По этимъ-то причинамъ,

продолжаетъ лондонскій журналистъ, наши арміи отправились на эту величайшую въ мірѣ войну, — безъ единаго военнаго корреспондента, словно это не баталія XX-го вѣка, а средневѣковый крестовый походъ. И когда будущій историкъ вздумаетъ запечатлѣть для потомства тотъ героическій эпосъ, который теперь потрясаетъ Европу, онъ не найдетъ никакихъ матеріаловъ, кромѣ сухихъ официальныхъ отчетовъ да тѣхъ свѣдѣній, которыя добыты газетчиками у бѣженцевъ и раненыхъ солдатъ» *).

И дѣйствительно, печать, лишенная живой, непосредственной связи своихъ представителей съ арміей, питаетъ общество лишь слухами и разсказами о событіяхъ въ тылу,—въ санитарномъ поѣздѣ, на питательномъ пунктѣ,—но ничего не говоритъ душѣ народа о проявленіяхъ ея мощи въ лицѣ солдата, офицера, генерала... Она не даетъ ни картинъ, ни образовъ войны. Изъ куска «грубой сѣрой жизни» она не творитъ «сладостной легенды», насъ вдохновляющей, насъ увлекающей... Никто уже не скрашиваетъ тяжелой и мрачной дѣйствительности войны, чтобы легче нести ея бремя, беззавѣтнѣе приносить ей все новыя жертвы.

Другія времена зналъ Г. К. Градовскій—и едва ли бы онъ согласился съ своимъ англійскимъ собратомъ по перу, что безпроволочный телеграфъ долженъ былъ теперь уничтожить военнаго корреспондента. Именно онъ, этотъ опасный въ свое время «либералъ», можетъ служить яркимъ примѣромъ того, какъ неосновательны подозрѣнія относительно печати въ дни войны, какое роковое заблужденіе царитъ въ умахъ людей «власть имѣющихъ» на счетъ представителей ея, даже наиболѣе оппозиціонно настроенныхъ.

Обзоръ дѣятельности Градовскаго, какъ военнаго корреспондента, представляется намъ поэтому и поучительнымъ, и интереснымъ въ историческомъ отношеніи.

Уже одинъ слѣдующій фактъ характерно рисуетъ публицистическій темпераментъ Градовскаго и его отношеніе къ вопросу о гласности и войнѣ.

Въ 1902 г. исполнилось двадцатипятилѣтіе со дня русско-турецкой войны 1877—78 гг. Редакція журнала «Военный Сборникъ», во главѣ которой стоялъ тогда бывшій военный министръ, генералъ А. А. Поливановъ, предложила мнѣ освѣтить и оживить въ памяти читателей эпоху этой войны въ смыслѣ тогдашнихъ общественныхъ настроеній, что я и сдѣлалъ

*) Цитирую по книгѣ К. Чуковскаго—«Заговорили молчавшіе», стр. 17—18.

въ рядѣ статей, подъ общимъ заглавіемъ «Война 1877—78 гг. въ корреспонденціи и романѣ» *).

Приступая къ собиранію матеріаловъ, я не могъ обойти Г. К. Градовскаго. Его книжка—«Война въ Малой Азіи въ 1877 г.» была у меня въ рукахъ, но мнѣ ея было мало. Хотѣлось знать отъ него кое-что другое. Но Г. К. былъ тяжко боленъ, съ 1897 года медленно «умиралъ», и мнѣ казалось невозможнымъ безпокоить его какими-либо запросами. Однако, меня уговорили это сдѣлать, указывая на то, что хотя по особенностямъ своей болѣзни Г. К. и считаетъ себя «умирающимъ», но радъ всякому признанію его еще «живущимъ». Я написалъ ему письмо и черезъ двѣ недѣли, 6-го апрѣля 1902 г., получилъ отвѣтъ на 4 листахъ почтовой бумаги, написанный карандашомъ, дрожащею рукою. Онъ содержалъ въ себѣ все, что мнѣ было интересно знать, и кончался словами: «Болѣе не въ силахъ продолжать... Страшныя боли путаютъ мысли...»

Впослѣдствіи я узналъ, что мое обращеніе къ Г. К. не только не отразилось вредно на его здоровьѣ, но, разбудивъ въ немъ лучшія воспоминанія о войнѣ, о дняхъ, когда онъ былъ бодръ и мощенъ, кипѣлъ въ горнилѣ жизни, всколыхнуло его—и онъ ощутилъ въ себѣ наличіе силъ, чтобы снова взяться за перо.

12 апрѣля 1902 года, въ годовщину начала освободительной войны, въ «Кіевлянинѣ» появился его фельетонъ «Изъ воспоминаній военнаго кореспондента», а 21 апрѣля и другой—«Гласность и война» **). Оба эти фельетона Г. К. сейчасъ же прислалъ мнѣ.

Остановимся на послѣднемъ. Онъ послужитъ намъ введеніемъ къ обзору дѣятельности самого Г. К., какъ военнаго корреспондента.

«Исполнившееся 25-тилѣтіе «освободительной войны»—писалъ онъ—подняло, между прочимъ, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ общество, участвовавшее въ означенныхъ событіяхъ, было знакомо съ дѣйствительностью, знало и хотѣло знать совершавшееся въ его истинномъ свѣтѣ. Этотъ вопросъ сводится къ положенію гласности до войны, во время нея и послѣ замиренія. Нечего напоминать, что мы очень мало знали о тѣхъ, кого освобождали, а стараго своего врага, котораго мы столько разъ побѣждали, считали гораздо слабѣе и ничтожнѣе, чѣмъ онъ оказался на самомъ дѣлѣ... Тѣмъ не менѣе, надо признать,

*) «Военный Сборникъ», 1902 г. №№ 7—12 и 1903 г. №№ 1—6.
**) Перепечатаны въ сборникѣ «Итоги».

что война 1877—78 гг., хотя и не была достаточно освѣщена въ періодъ своего подготовленія, но все же велась гораздо сознательнѣе и дала большій просторъ гласности, нежели было прежде, до войны и послѣ нея. Въ первый разъ русская печать получила возможность имѣть своихъ корреспондентовъ на театрѣ войны. Это—глаза и уши общества, а отчасти и всего государства. Чѣмъ быстрѣе, вѣрнѣе и подробнѣе освѣщаются событія, тѣмъ живѣе и непосредственнѣе поддерживаются связи народа съ арміей, тѣмъ шире и глубже проявляются патріотическія чувства, тѣмъ лучше уходъ за ранеными и больными, тѣмъ обезпеченнѣе участь инвалидовъ, тѣмъ осторожнѣе вчиняются такія грозы, тѣмъ болѣе растетъ число приверженцевъ хорошаго мира и плодотворнаго внутренняго развитія для упроченія общаго порядка и благоденствія...

Въ Крымскую войну было очень ужъ темно и безгласно. Самъ Государь Николай Павловичъ былъ плохо освѣдомленъ о томъ, что дѣлалось въ Крыму... Кавказская война, завершившаяся плѣненіемъ Шамиля въ 1859 г., происходила почти безгласно и не привлекала особеннаго вниманія. Польское возстаніе 1863—64 гг. застало насъ опять врасплохъ. Громадное большинство не вѣдало ни причинъ этого возстанія, ни истиннаго положенія западныхъ губерній... Франко-прусская война возбуждала громадный интересъ... Наши столичныя газеты удвоили число подписчиковъ и выпускали вечернія прибавленія. Но своихъ корреспондентовъ на театрѣ войны русская печать не имѣла... Въ 1873 году происходилъ извѣстный хивинскій походъ. Русская печать опять довольствовалась только офиціальными свѣдѣніями объ этомъ интересномъ походѣ, хотя ни Д. А. Милютина (тогдашній военный министръ), ни генерала Кауфмана (руководителя похода) никакъ нельзя назвать приверженцами тайны и молчанія...»

И вотъ настала война 1877—78 гг. Это было общее, кровное, народное дѣло. Печать, сыгравшая такую крупную роль въ предшествовавшій войнѣ періодъ, не могла считать ее законченною, когда слова стали воплощаться въ дѣло. Русское общество, столь волновавшееся передъ войною, такъ сильно болѣвшее сердцемъ за судьбу братьевъ-славянъ, не могло, не хотѣло оставаться въ положеніи глухого и слѣпого и ждать, когда война окончится и будетъ написана ея исторія. Съ другой стороны и армія наша стала съ 1874 года другою,—всесословною,—и крѣпче и живѣе чувствовались съ нею узы родства всего народа. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ

событій потребность въ быстромъ, вѣрномъ и подробномъ ознакомленіи съ военными событіями стала настоятельною.

Одно обстоятельство помогло ея признанію и удовлетворенію.

Въ штабъ арміи, назначенной для дѣйствій противъ Турціи, еще до открытія военныхъ дѣйствій, стали поступать ходатайства о допущеніи въ армію корреспондентовъ нѣсколькихъ иностранныхъ газетъ. Эти ходатайства поддерживались и нашими дипломатическими представителями. Это-то обстоятельство и поставило вопросъ о гласности на войнѣ ребромъ—и притомъ со стороны наиболѣе щекотливой, именно иностранной печати, въ которой было столько враговъ Россіи, которою было пущено о насъ столько басенъ, сплетенъ и сказокъ, которая не только олицетворяла общественное мнѣніе Европы, но и дѣлала его. Надо было съ честью выйти изъ этого положенія.

И военные корреспонденты были допущены въ армію.

Были ли они повинны во «второй» и «третьей» Плевнѣ? **Нѣтъ.**

Были ли они потомъ повинны въ неудачномъ исходѣ русско-японской войны? Нѣтъ.

Были ли совершены нашей печатью во время текущей войны покушенія на выдачу военныхъ тайнъ, пресѣченныя цензурой?—спросили въ Государственной Думѣ представителя военнаго вѣдомства.—Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ...

Вернемся, однако, къ Градовскому.

II.

Начало русско-турецкой войны 1877—78 гг. совпало съ личнымъ несчастьемъ Градовскаго. Издававшаяся имъ газета «Русское Обозрѣніе», послѣ трехъ полученныхъ ею предостереженій, была пріостановлена на 6 мѣсяцевъ.

— Обезоруженный, приговоренный къ молчанію и бездѣйствію въ то горячее время, когда не только публицистъ, но всякій мыслящій человѣкъ жаждетъ печатнаго слова и обмѣна мыслей я,—признавался Г. К.,—не въ силахъ былъ сидѣть сложа руки. Я рѣшился отправиться на театръ войны и съ этою цѣлью предложилъ редакціи «Голоса» быть ея военнымъ корреспондентомъ.

Не лишне будетъ отмѣтить здѣсь, что среди «либераловъ» своего времени Г. К. выгодно выдѣлялся отсутствіемъ

высокомѣрнаго и презрительнаго отношенія къ военной средѣ, къ «военщинѣ» и, будучи сторонникомъ мира между народами, какъ государственникъ, не отрицалъ а р м і и и не смотрѣлъ на нее, какъ на институтъ насилія.

Внукъ участника славнаго Наваринскаго морского боя, сынъ кирасирскаго офицера Николаевскаго времени и братъ офицера Кавказской арміи, павшаго потомъ въ бою съ турками, Г. К. откровенно и устно, и въ печати заявлялъ, что «всегда любилъ военную службу и не могъ равнодушно видѣть войсковой строй» *).

— У меня всегда была склонность къ исторіи, не исключая и военной,—признавался онъ.—Главнѣйшія войны и біографіи не только полководцевъ, но и второстепенныхъ генераловъ, я зналъ очень обстоятельно **).

Это ясно сказалось въ обширной и замѣчательной рецензіи Г. К. о капитальномъ трудѣ профессора Императорской военной академіи, извѣстнаго военнаго историка ген. Мод. Ив. Богдановича—«Восточная война 1853—56 гг.», въ связи съ отзывомъ о немъ другого военнаго историка, ген. Ник. Ѳед. Дубровина (впослѣдствіи издателя-редактора «Русской Старины»), и съ записками «Стараго Дипломата». Эта рецензія, напечатанная въ декабрьской книжкѣ журнала «Древняя и Новая Россія» за 1879 гг. ***), свидѣтельствующая о громадной эрудиціи ея автора, въ виду гоненія, уже тогда воздвигнутаго главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати на каждую строку за подписью Г. К. Градовскаго, была подписана буквами И. Ч—въ и вызвала со стороны Григорьева, тогдашняго главы цензурнаго вѣдомства, желаніе узнать, кто ея авторъ. Редакторъ журнала, С. Н. Шубинскій, отвѣтилъ:

— Это одинъ изъ севастопольскихъ генераловъ, имѣющій причины скрывать свое имя.

— Сейчасъ видно спеціалиста,—замѣтилъ Григорьевъ,—но удивительно въ военномъ генералѣ широкое общее развитіе.

И уже стоя на краю могилы, какъ тогда казалось это Г. К., оторванный болѣзнью отъ любимаго дѣла, онъ еще разъ счелъ нужнымъ признаться въ своихъ симпатіяхъ.

Посылая мнѣ въ апрѣлѣ 1902 года свои замѣтки о бытности военнымъ корреспондентомъ, Г. К. сопроводилъ ихъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Еще д в а с л о в а: хотя я и былъ провозвѣстникомъ

*) См. «Итоги», стр. 324.
**) См. «Итоги», стр. 52
***) Перепечатана въ сборникѣ «Итоги».

мира и внутренняго неустаннаго развитія, хотя я и не довѣрялъ политикѣ внѣшнихъ приключеній, но всегда любилъ армію и военное дѣло, хорошо зналъ военную исторію, имѣлъ много прекрасныхъ начальниковъ, друзей и знакомыхъ среди военныхъ. Всѣ наши военные писатели и ученые мнѣ болѣе или менѣе знакомы, или лично или по своимъ сочиненіямъ. Въ историческихъ журналахъ всегда читалъ записки, воспоминанія о войнахъ...» *).

И такъ, Г. К. ѣхалъ на войну, проникнутый сознаніемъ долга, не позволяющаго гражданину-публицисту «сидѣть сложа руки» во время войны,—проникнутый любовью къ арміи, «къ войсковому строю», интересомъ къ военному дѣлу и основательно начитанный въ области военной литературы. Можно ли было ждать отъ него дѣятельности во вредъ нашимъ военнымъ успѣхамъ?

«Такъ какъ на Дунаѣ, разсказываетъ Г. К., имѣлось уже много корреспондентовъ, то мое намѣреніе было отправиться въ Малую Азію, въ Кавказскую армію, о которой, казалось, въ то время всѣ забыли, полагая, что тамъ дѣло ограничится лишь оборонительнымъ положеніемъ» **).

Редакція «Голоса» охотно приняла предложеніе Г. К.; военное начальство препонъ ему не поставило, и всѣ сборы «на войну» были окончены имъ въ нѣсколько дней.

Въ концѣ апрѣля 1877 года Градовскій выѣхалъ изъ Петербурга, 4-го мая былъ во Владикавказѣ, откуда отправилъ свою первую корреспонденцію въ «Голосъ» съ описаніемъ дорожныхъ впечатлѣній, и 10 мая добрался «на перекладныхъ» до Тифлиса, который засталъ «въ ликованіи» по случаю взятія нашими войсками Ардагана. Подробное донесеніе объ этомъ событіи еще не было опубликовано. Г. К. собралъ свѣдѣнія о немъ отъ участниковъ боя, отъ чиновъ штаба главнокомандовавшаго Кавказской арміей, знавшихъ кое-что не офиціально, и далъ въ своей корреспонденціи сжатое, но яркое описаніе этой первой крупной побѣды нашей на малоазіатскомъ театрѣ войны.

Отзывчивый, дѣятельный и энергичный, Г. К. не ограничился здѣсь только ролью бытописателя войны. Узнавъ отъ уполномоченнаго Краснаго Креста ген. Толстого, что госпитали ощущаютъ надобность въ машинахъ для выдѣлки льда, онъ сейчасъ же вызвался послать объ этомъ телеграмму въ Петербургъ. Неизвѣстно, разрѣшили ли ему это сдѣлать,

*) См. то же въ «Итогахъ», стр. 53.
**) См. «Итоги», стр. 286.

но свою послѣднюю корреспонденцію изъ Тифлиса онъ заканчивалъ строками, посвященными этой нуждѣ: «Пусть родина, писалъ онъ, вспомнитъ объ участи раненыхъ, которыхъ теперь здѣсь наберется уже нѣсколько сотъ. Теперь милліоны жертвуются на облегченіе участи сражающихся за общее дѣло отечества, найдутся, конечно, охотники пожертвовать и означенныя машины... Ледъ предохранитъ не одну рану отъ гангрены и вообще отъ печальнаго конца» *).

Изъ Тифлиса, черезъ Александрополь, Г. К. двинулся 15 мая въ лагерь нашихъ главныхъ силъ у с. Заимы. По мосту черезъ рѣку Арпачай, въ 2-хъ верстахъ за Александрополемъ, онъ переѣхалъ русскую границу.

«Какое-то неизвѣстное, трудно выразимое чувство овладѣло мною,—писалъ Градовскій,— когда наши лошади застучали копытами по доскамъ небольшого моста, перекинутаго черезъ Арпачай... Еще шагъ—и мы на турецкой землѣ, въ чужихъ владѣніяхъ. Тѣ же струи рѣки, такая же каменистая почва, сквозь которую скупо пробивается блѣдно зеленѣющая трава и рѣдкій полевой цвѣтокъ, а, между тѣмъ, т а м ъ—наше родное, а з д ѣ с ь — чужое, турецкое. И задумчиво оглядываешься назадъ, точно стараясь отыскать, гдѣ скрывается эта невидимая черта, которая отдѣляетъ родину отъ чужбины, а въ воображеніи, какъ бы въ одной привѣтливой картинѣ, обрисовывается вся, цѣликомъ, страна и та часть свѣта, къ которой она принадлежитъ, со всѣми ея богатствами и учрежденіями, со всѣми результатами цивилизованной жизни и науки, съ родными и знакомыми, и еще диче, пустыннѣе и безотраднѣе кажется разстилающаяся передъ глазами картина другой жизни, другой части свѣта...» **).

Въ приведенныхъ строкахъ корреспонденціи Г. К. опредѣленно сказался человѣкъ, любящій свою родину, но не мыслящій ее иначе, какъ въ связи съ «той частью свѣта, къ которой она принадлежитъ»,—съ З а п а д о м ъ, со всѣми его «богатствами и учрежденіями», результатами «цивилизованной жизни и науки».

Путешествіе черезъ этотъ уголокъ Арменіи, населеніе котораго такъ радушно встрѣчало русскія войска и русскихъ людей, вызвало у Градовскаго, какъ публициста, горькія воспоминанія и размышленія.

«Уже два раза,—писалъ онъ въ заключительныхъ стро-

---

*) См. «Война въ Малой Азіи въ 1877 г.», Спб. 1878 г., стр. 18.
**) Тамъ же, стр. 22—23.

кахъ своей корреспонденціи, — эта часть Малой Азіи, составляющая продолженіе нашей Арменіи, завоевана была русскою кровью; два раза значительнѣйшая часть мѣстнаго населенія встрѣчала радушно русскія войска и русскую власть; но два раза надежды ихъ были обмануты: и послѣ 1828 года, и послѣ войны 1853—56 гг. они снова подпали подъ деспотизмъ турецкаго владычества, вымещавшаго свои военныя неудачи на всѣхъ, кто только расположенъ къ Россіи. Будетъ ли обмануто это населеніе и въ третій разъ? Одно довольно видное лицо изъ армянскаго духовенства высказало мнѣ упрекъ, что и русская печать, и русское правительство забыли, будто бы, что христіане существуютъ и въ Малой Азіи, что христіане эти не менѣе славянъ угнетаются и гораздо болѣе ихъ мечтаютъ о присоединеніи къ Россіи» *).

Эти строки примѣчательны въ историческомъ отношеніи. Онѣ поднимали едва ли не впервые въ сознаніи русскаго общества армянскій вопросъ, дотолѣ чуждый не только ему, но, пожалуй, и сознанію западно-европейскихъ народовъ, получившій движеніе и ростъ только послѣ русско-турецкой войны 1877—78 гг. и съ тѣхъ поръ все болѣе тревожащій совѣсть культурнаго человѣчества.

18 мая 1877 г. Г. К. прибылъ въ лагерь нашихъ войскъ у сел. Заимы.

Офицерская среда встрѣтила «военнаго корреспондента» радушно. Г. К. быстро нашелъ въ ней друзей, позаботившихся «устроить» его въ лагерѣ. Начальникъ отряда, генералъ Девель также оказалъ ему радушный пріемъ и обѣщалъ своевременно увѣдомить о тѣхъ событіяхъ и дѣйствіяхъ, видѣть которыя военному корреспонденту будетъ интересно.

23 мая Градовскій вмѣстѣ съ отрядомъ перешелъ изъ с. Заимы въ лагерь у с. Мацры, близъ Карса, къ осадѣ котораго приступили,—и для него началась боевая жизнь. Онъ находился при войскахъ ген. Девеля въ ночь со 2 на 3 іюня, когда сооружались и вооружались наши осадныя батареи противъ Карса; онъ сопровождалъ затѣмъ войска ген.-адъют. Лорисъ-Меликова въ походѣ за Саганлугскій хребетъ противъ арміи Мухтара-паши; присутствовалъ при Зивинскомъ сраженіи 13-го іюня; при отступленіи послѣ неудачнаго для насъ исхода его къ Карсу; при усиленныхъ рекогносцировкахъ 16 іюля и 6-го августа турецкой позиціи на Аладжинскихъ высотахъ; сопровождалъ въ началѣ августа войска, шедшія на усиленіе Эри-

*) См. «Война въ Малой Азіи въ 1877 г.», Спб. 1878 г., стр. 28.

ванскаго отряда ген. Тергукасова, участвовалъ въ бою 13-го августа за Кизилтапу, а въ промежуткахъ осматривалъ госпитали въ Александрополѣ, развалины древней столицы Арменіи—города Ани и другіе достопримѣчательные пункты театра войны.

Передавать здѣсь содержаніе военныхъ корреспонденцій Г. К. нѣтъ возможности. Это—рядъ живыхъ батальныхъ картинъ, портретовъ и характеристикъ генераловъ, сценъ лагерной и походной жизни, описаній природы. Все это схвачено мѣткимъ, наблюдательнымъ, широкимъ взглядомъ, освѣщено серьезнымъ умомъ, воспринято честною душою, сознающею отвѣтственность и долгъ публициста передъ родиной, и пронизано мѣткими, дѣловыми замѣчаніями и сужденіями.

Г. К. было чуждо какъ пренебрежительное отношеніе къ противнику въ дни успѣховъ нашего оружія, такъ и неосновательныя преувеличенія и опасенія въ дни неудачъ, когда одна формула — «шапками закидаемъ» смѣняется другою — «все пропало». Онъ вѣрилъ въ то, что наши войска пойдутъ куда угодно, перенесутъ всевозможныя трудности, лишенія и опасности,—«лишь бы...»

Г. К. не докончилъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій фразы, начатой этими словами, и ограничился передачей одного интереснаго эпизода,—о томъ, какъ на праздникѣ Тифлисскаго гренадерскаго полка къ ген. Гейману подошелъ солдатъ и попросилъ позволенія сказать рѣчь. Позволеніе было дано, и неожиданный ораторъ закончилъ свою рѣчь словами:—«Ваше, начальниковъ, дѣло за насъ подумать, сообразить, осторожно оглядѣться и приказать куда идти, свое же дѣло мы сдѣлаемъ безъ оглядки» *).

Боевыя впечатлѣнія увлекали и волновали душу Градовскаго.

Для его экспансивной, дѣятельной, творческой натуры роль с о з е р ц а т е л я боя была, видимо, тяжела.

«Мнѣ кажется, — признается Градовскій, описывая Зивинскій бой,—что девятифунтовыя батареи наши очень рѣдко стрѣляютъ. Слѣдя почти за каждымъ выстрѣломъ, я чувствую истинное наслажденіе, когда наша граната взрывается сѣровато-коричневымъ дымомъ на проклятой «Сахарной головѣ» или въ турецкихъ ложементахъ. Вотъ такъ еще бы и еще поддать, со всѣхъ бы выпалить пушекъ разомъ въ одну точку... Нѣтъ, рѣдко, мало стрѣляютъ. А стрѣляли, между тѣмъ, какъ

*) См. «Война въ Малой Азіи въ 1877 г.», Спб., 1878 г., стр. 171.

объяснили мнѣ потомъ,—добавляетъ Г. К.,—насколько было возможно чаще» *).

«Я и г. де-Кутули (корреспондентъ газеты «Temps») не разъ порывались поѣхать туда, ближе, чтобы только узнать, понять, что дѣлается съ нашими. Но болѣе опытный, бывшій уже подъ Ардаганомъ г. Николадзе (корреспондентъ «Тифлисскаго Вѣстника») всякій разъ удерживалъ насъ вѣскимъ указаніемъ, что мы рискуемъ упустить общую картину сраженія. И мы оставались, и опять глядѣли во всѣ глаза, не давая иногда себѣ отчета въ томъ, что передъ нами творилось» **).

Особенно интересовало Градовскаго на театрѣ войны дѣло помощи раненымъ воинамъ. Для ознакомленія съ нимъ онъ совершилъ спеціальную поѣздку въ Александрополь, гдѣ было сосредоточено много госпиталей и гдѣ работалъ знаменитый хирургъ Рейеръ.

Вернувшись оттуда, Г. К. высказалъ, кому слѣдуетъ, упрекъ по поводу отсутствія «Краснаго Креста» тамъ, гдѣ присутствіе его было бы наиболѣе полезно, и, вообще, о неудовлетворительной дѣятельности отдѣла этого общества на Кавказскомъ театрѣ войны. Онъ не скрылъ этого обстоятельства и въ своей корреспонденціи.

— Я надѣюсь,—писалъ онъ,—что не заслужу упрека въ желаніи «очернить» или подорвать авторитетъ этого отдѣла въ общественномъ мнѣніи. Въ интересахъ самого отдѣла знать, въ чемъ его упрекаютъ и гдѣ желали бы видѣть проявленіе его дѣятельности. Одними хвалебными гимнами это не достигается ***).

Что критика дѣятельности «Краснаго Креста» не диктовалась Градовскому желаніемъ «чернить», «критиковать», а вытекала изъ сознанія гражданскаго долга всѣхъ и каждаго по отношенію жертвъ войны, изъ реальныхъ потребностей жизни, видно изъ того, что и все русское общество не осталось внѣ упрека со стороны Градовскаго. Онъ будилъ и его, звалъ и его на общее дѣло помощи страждущимъ воинамъ.

«Настоятельная необходимость русскому обществу, — писалъ онъ,—позаботиться объ участи тѣхъ лицъ, которыя, получивъ тяжкія раны, не въ состояніи работать и не имѣютъ средствъ, чѣмъ содержать себя. У насъ, обыкновенно, пола-

*) См. «Война въ Малой Азіи въ 1877 г.», Спб. 1878 г., стр. 166.
**) См. тамъ же, стр. 133.
***) См. тамъ же, стр. 132.

гаютъ, что попеченіе о раненомъ прекращается, какъ только онъ вышелъ изъ больницы; но тутъ-то и важнѣе всего помощь общества. Позорно будетъ видѣть, если контингентъ нищихъ, какъ послѣ Крымской войны, наполовину пополнится лицами, сражавшимися въ рядахъ нашихъ войскъ, если сегодняшніе герои обречены будутъ на попрошайничанье...» *).

Такъ широко вопроса о помощи жертвамъ войны еще никто не ставилъ, и если теперь никто его иначе не мыслитъ, то въ этомъ—идейная заслуга Градовскаго — «военнаго корреспондента», дѣйствительно, олицетворявшаго связь народа и арміи между собою, ощущавшаго потребности жизни, создаваемыя войною, не въ уютѣ бюрократической канцеляріи или редакціоннаго кабинета, а на поляхъ сраженій и въ госпиталяхъ, т а м ъ, гдѣ подвигъ и страданіе сплетались воедино и рождали долгъ благодарности.

Уже изъ немногихъ приведенныхъ здѣсь мною цитатъ изъ корреспонденцій Градовскаго съ малоазіатскаго театра войны ясно, какъ живо, впечатлительно и дѣятельно относился онъ къ своимъ обязанностямъ «военнаго корреспондента», видя въ этомъ исполненіе долга гражданина.

Конечно, это не могло не вызывать у нѣкоторыхъ лицъ нареканій на «военныхъ корреспондентовъ».

«Можно себѣ представить теперь, — писалъ Г. К. по одному поводу,—съ какою улыбкою встрѣчаемъ мы, русскіе и иностранные корреспонденты, ходячія здѣсь въ штабѣ мнѣнія, да и не только мнѣнія, но и кое-что гораздо догматичнѣе мнѣній, относительно необходимости всевозможныхъ стѣсненій печати по поводу военныхъ извѣстій и корреспонденцій съ театра войны. Я не могъ даже подозрѣвать, чтобы у насъ такъ много было вольнопрактикующихъ цензоровъ, какъ ихъ оказалось здѣсь... Нужно быть «спеціалистомъ», чтобы писать корреспонденціи съ театра войны,—часто случается слышать здѣсь...» **).

Это говорили, конечно, большею частью тѣ, кто подозрѣвалъ въ корреспондентѣ чуть ли не шпіона и уже, во всякомъ случаѣ, видѣлъ въ немъ просто неразборчиваго болтуна, «газетнаго писаку», готоваго за построчный гонораръ продать отца и родину.

Рядомъ фактовъ свидѣтельствовалъ Градовскій, что «не

---

*) См. «Война въ Малой Азіи въ 1877 г.», Спб. 1878 г., стр. 164.
**) См. тамъ же, стр. 184.

отъ корреспондентовъ и не изъ газетъ непріятель узнаетъ необходимыя ему свѣдѣнія» что: «тѣ временные успѣхи, которые турки имѣли, пріобрѣтены ими не на основаніи преслѣдованія газетъ и корреспондентовъ»; что никто ни разу не указалъ случая, который доказывалъ бы, что мы сами воспользовались хотя бы однимъ разоблаченіемъ или нескромностью европейской печати насчетъ турецкихъ позицій, плановъ и силъ.

«Во время осадныхъ дѣйствій подъ Карсомъ, — писалъ Градовскій,—я и нѣкоторые другіе корреспонденты постоянно слѣдили за ходомъ работъ и часто посѣщали самыя батареи, однако, отъ того никакого вреда не произошло. Мы воздержались отъ описанія многихъ фактовъ, относящихся до хода осады, и публика о нихъ до сихъ поръ не вѣдаетъ; но туркамъ ничто не мѣшало своевременно знать эти факты лучше насъ. Мало того, мнѣ не разъ случалось удостовѣриться, что на лагерномъ базарѣ самые важные секреты узнавались всегда раньше, часто за нѣсколько дней, нежели они дѣлались достояніемъ корреспондентовъ и даже начальниковъ отдѣльныхъ частей. Все это очень понятно: мы жили и дѣйствовали не въ безлюдной степи, а среди населенной страны; населеніе это имѣетъ глаза и уши, съ которыми, къ сожалѣнію, нельзя поступить, какъ съ корреспонденціей или газетною статьею» *).

«Допустимъ даже,—писалъ въ другой разъ Градовскій по поводу другихъ фактовъ, въ которыхъ печать не была повинна,—что два-три «неосторожныя» слова прокрались бы въ печать, но исключеніе этихъ словъ искупитъ ли происходящее отсюда развитіе слуховъ, стоустой молвы, которую никакая цензура не въ силахъ ограничить и надъ которою уже не можетъ быть контроля. Искупится ли этимъ и развивающееся рядомъ съ молвою недовѣріе къ печатному слову, этому единственному орудію противъ заблужденій и неосновательныхъ пересудовъ?»

Особенно тяжело оказалось пребываніе Градовскаго въ Эриванскомъ отрядѣ генерала Тергукасова, со стороны котораго, какъ и начальника его штаба, полковника Филиппова, Г. К. и его коллеги, корреспонденты газетъ «Times» и «New-York-Herald», «не только не встрѣтили обычнаго гостепріимства, но даже условныхъ приличій».

Такъ писалъ Г. К. въ корреспонденціи, въ замѣткахъ же, написанныхъ для меня, онъ выразился еще опредѣленнѣе: «Въ

*) См. «Война въ Малой Азіи въ 1877 г.», Спб. 1878 г. стр. 71.

этомъ отрядѣ къ намъ отнеслись въ такой степени враждебно *), что мы сочли за благо учинить поспѣшную «ретираду»...

Полковникъ Филипповъ убѣждалъ корреспондентовъ, что «въ Эриванскомъ отрядѣ нѣтъ ничего достойнаго вниманія общества», и выхлопоталъ у начальника отряда запрещеніе корреспондентамъ, безъ особаго разрѣшенія, слѣдовать съ войсками... **).

Впрочемъ, изъ крупныхъ генераловъ, власть имѣвшихъ «вязать и разрѣшать» гласность, Тергукасовъ представлялъ исключеніе.

«М. Т. Лорисъ-Меликовъ установилъ было цензуру надъ корреспонденціями, приставивъ къ намъ подполковника Войнова,—писалъ мнѣ въ своихъ «воспоминаніяхъ» Г. К.,—но когда я объяснился съ Лорисъ-Меликовымъ, онъ сказалъ: «Пишите, что хотите. Вы сами знаете, когда и въ чемъ надо соблюдать осторожность». Съ тѣхъ поръ никакой цензуры я не зналъ на театрѣ войны, за исключеніемъ телеграммъ, которыя посылались только съ разрѣшенія. Вообще, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше относился ко мнѣ Лорисъ-Меликовъ, какъ и многіе другіе генералы, полковые командиры и прочіе. Въ числѣ ихъ назову: Лазарева, Девеля, Шульца, графа Граббе, Рыдзевскаго, Ридигера и многихъ другихъ, не говоря уже объ офицерахъ низшихъ ранговъ. Помню, что 30 августа, послѣ раздачи наградъ, ко мнѣ подошли офицеры знаменитой Кавказской гренадерской дивизіи и благодарили за правдивость и безпристрастіе корреспонденцій. Это была для меня самая лестная награда».

«Здѣсь, среди сражающихся, — писалъ въ «Голосѣ» Гр. К—чъ,—среди лицъ, непосредственно несущихъ на своихъ плечахъ всѣ тягости войны, мы, корреспонденты, постоянно встрѣчаемъ самый радушный пріемъ... Наши доблестныя войска не опасаются «правды», они домогаются ея. Они за нее, потому что она за нихъ»... ***).

«... Чѣмъ даровитѣе генералъ (начальникъ), тѣмъ онъ проще и лучше относится къ корреспондентамъ и гласности...»

Таковъ былъ выводъ Градовскаго изъ личнаго опыта и наблюденія.

---

*) Это слово подчеркнуто Градовскимъ.
**) См. «Итоги». Изъ военныхъ событій въ Малой Азіи, стр. 413—414.
***) «Война въ Малой Азіи въ 1877 г.», стр. 186—187.

III.

Истекалъ шестимѣсячный срокъ пріостановки «Русскаго Обозрѣнія», и Г. К. въ сентябрѣ 1877 г. покинулъ Малую Азію, чтобы возобновить свою газету.

Возвращаясь въ Петербургъ, пересѣкая всю Россію съ юга на сѣверъ, Градовскій былъ пораженъ рѣзкою перемѣною въ общественномъ настроеніи. Невзгоды войны дали себя знать; недостатки въ организаціи медицинской и интендантской частей смутили многихъ; военныя неудачи вызвали тревогу за исходъ войны.

«Недовольство, негодованіе, преувеличенныя опасенія безнадежность провожали меня отъ Александрополя до Петербурга,—писалъ Градовскій, разсказывая исторію «Русскаго Обозрѣнія».—Болѣе, нежели когда-нибудь, сознавалъ я тогда, какія услуги могла бы оказать печать, если бы она не была у насъ стѣснена передъ войной, не была бы обращена въ льстивые листки, заискивавшіе то у толпы, то у администраціи. Стѣсненія гласности совершили свое дѣло и во время войны. Многіе не вполнѣ довѣряли корреспонденціямъ, предполагая, что не вся истина могла въ нихъ проскользнуть. Изъ тѣхъ же мѣстъ, изъ которыхъ не было вовсе корреспонденцій, росли самые чудовищные слухи, подливавшіе масло въ огонь... Съ трудомъ приходилось успокаивать черезчуръ взволнованныхъ и умѣрять не тотъ здоровый, смѣло глядящій въ глаза опасности скептицизмъ, который у насъ обыкновенно преслѣдовался, но скептицизмъ позорный, трусливый, недостойный великаго народа... Осажденный со всѣхъ сторонъ тревожными вопросами объ общемъ положеніи Кавказской арміи, я рѣшился печатно отвѣчать на нихъ, тѣмъ болѣе, что не всѣ же могли меня лично слышать. Я свидѣтельствовалъ о прекрасномъ духѣ Кавказской арміи, о томъ, что единственною причиною (ближайшею, конечно) временной пріостановки наступленія былъ недостатокъ войскъ, и что въ отрядѣ М. Т. Лорисъ-Меликова интендантская часть въ безупречномъ состояніи... *).

Таковъ былъ этотъ «опасный либералъ», статьи котораго не всегда могли появиться за подписью ихъ автора.

Однако Г. К. удалось выпустить при себѣ лишь одинъ номеръ «Русскаго Обозрѣнія» да подготовить къ изданію отдѣльной книжкой свои военныя корреспонденціи («Война въ Малой

*) См. «Итоги», стр. 290—291.

Азіи въ 1877 году»), для разсылки подписчикамъ «въ видѣ возмездія за пріостановку газеты» *).

Событія снова увлекли его на театръ военныхъ дѣйствій, на этотъ разъ—въ Дунайскую армію, въ качествѣ военнаго корреспондента.

Вотъ какъ самъ Г. К. разсказываетъ объ этомъ въ тѣхъ «воспоминаніяхъ», которыя онъ написалъ для меня въ 1902 г.

«Въ Болгарію я поѣхалъ неожиданно, едва возвратился въ Петербургъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Изъ Главной Квартиры была получена министромъ внутреннихъ дѣлъ телеграмма, сообщавшая, что всѣ дунайскіе корреспонденты «Голоса» высланы изъ арміи, и что никакія корреспонденціи не должны, слѣдовательно, появляться въ этой газетѣ. А. А. Краевскій тогда поѣхалъ объясняться съ Тимашевымъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) и представилъ ему о всѣхъ неудобствахъ отсутствія извѣстій съ театра войны въ самой распространенной тогда русской газетѣ... Тимашевъ согласился съ этими доводами и посовѣтовалъ Краевскому послать м е н я за Дунай въ надеждѣ, что мнѣ дадутъ разрѣшеніе въ виду моихъ малоазіатскихъ корреспонденцій. Я поѣхалъ на рискъ, н е з н а я, удастся ли получить дозволеніе, но, прибывъ въ Порадимъ и Боготъ, побывавъ у Д. А. Милютина и въ Главной Квартирѣ, я скоро и легко получилъ разрѣшеніе на фотографической карточкѣ, при чемъ было оговорено, что оно дается мнѣ лично и въ видѣ и с к л ю ч е н і я».

Г. К. получилъ его какъ разъ наканунѣ паденія Плевны (28 ноября 1877 г.) и былъ очевидцемъ этого событія; затѣмъ онъ совершилъ съ войсками зимній походъ чрезъ Балканы и дошелъ съ ними до стѣнъ Константинополя, за которыя, не безъ риска для себя, проникъ еще въ періодъ переговоровъ о мирѣ, ведшихся въ Санъ-Стефано.

Сдѣлано это было имъ, конечно, безъ чьего-либо вѣдома, но открыто, на яликѣ, въ виду многихъ офицеровъ, гулявшихъ по набережной.

«Только въ открытомъ морѣ, очутившись глазъ на глазъ съ двумя дюжими гребцами, совершенно невѣдомой мнѣ націо-

---

*) «Корреспонденціи эти имѣютъ много пробѣловъ, которые хотѣлось пополнить,—писалъ мнѣ Г. К.,—но не исполнилъ этого, занятый потомъ другими вопросами и событіями. Такъ, осталась безъ описанія моя поѣздка въ августѣ и пребываніе въ отрядѣ Тергукасова, вмѣстѣ съ корреспондентами «Times» и «New-York-Herald», чрезвычайно интересная въ военно-бытовомъ отношеніи». Она описана въ сборникѣ «Итоги», изд. 1908 г.,—подъ заглавіемъ—«Изъ военныхъ событій въ Малой Азіи».

нальности, почувствовалъ я весь рискъ этой прогулки»,—признавался потомъ Г. К. *)

Но все обошлось благополучно. Градовскій осмотрѣлъ все, что было достойно вниманія въ Перѣ и Стамбулѣ, безпрепятственно послалъ оттуда письма и телеграммы и, вернувшись назадъ, шутилъ, что онъ «безъ боя занялъ Царьградъ».

«Зимняя кампанія, — признается въ своихъ «воспоминаніяхъ» Г. К.,—была очень тяжела. Пришлось бросить фургонъ и всѣ вещи. Отъ Дуная до Санъ-Стефано проѣхалъ верхомъ, имѣя только то, что можно захватить на сѣдлѣ. Грязь по колѣно лошади...»

Попутно Градовскій коснулся и матеріальнаго положенія своего, какъ военнаго корреспондента.

«Въ Малой Азіи,—писалъ онъ,—я получалъ отъ «Голоса» 300 рублей въ мѣсяцъ и построчную плату, кажется, 8 копѣекъ. Это было крайне мало. Въ Болгаріи я получалъ потомъ по 1.000 рублей въ мѣсяцъ и 1.000 рублей подъемныхъ, да и этого едва хватало, если считать расходы на содержаніе семьи, оставшейся въ Петербургѣ. Во время войны у меня было 5 лошадей, которыя всѣ погибли или были украдены (двѣ—въ Малой Азіи и одна съ сѣдломъ—въ Болгаріи)».

Какія отношенія установились у Градовскаго, какъ военнаго корреспондента, на Дунайскомъ театрѣ войны съ войсками и начальствующими лицами, прямыхъ указаній въ его корреспонденціяхъ нѣтъ. Повидимому, онѣ были таковы же, какъ и въ Малой Азіи: съ высшими и низшими слоями арміи—хорошія, съ среднимъ слоемъ—плохія. Въ своихъ «воспоминаніяхъ» Градовскій мнѣ писалъ, что главнокомандующій Дунайской арміей, великій князь Николай Николаевичъ относился къ нему «очень добродушно и просто». Военный министръ Д. А. Милютинъ, отъѣзжая изъ арміи вмѣстѣ съ Государемъ въ Петербургъ, далъ Градовскому случай «еще разъ убѣдиться въ необычайной своей добротѣ и любезности», вызвавшись передать письмо семьѣ и корреспонденцію—въ «Голосъ», что и было исполнено министромъ въ самый день возвращенія его въ столицу. Отношенія же съ «штабными» и «генералитетомъ» ярко охарактеризованы Градовскимъ въ фельетонѣ «Духовная пища на генеральскомъ обѣдѣ», напечатанномъ впервые въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1878 г. и вошедшемъ затѣмъ въ сборникъ «Итоги». Тамъ Г. К. ясно и опредѣленно вы-

*) См. «Итоги», стр. 396—397.

сказалъ свой взглядъ на роль и задачи военнаго корреспондента.

Хозяинъ обѣда, «славный гостепріимный старикъ», откровенно признался своему гостю, что не любитъ корреспондентовъ.

— Видите ли,—говорилъ онъ «корреспонденту»,—мы васъ тутъ принимаемъ, мы тутъ въ военной семьѣ, у насъ все нараспашку... Мало ли чего не скажешь въ своей семьѣ...

Вотъ, что возразилъ ему на это «корреспондентъ»:

— У корреспондентовъ есть сердце, есть душа, онѣ не менѣе русскія, чѣмъ и у военныхъ... Семейныхъ дѣлъ ни одинъ, уважающій себя, корреспондентъ не станетъ выносить наружу, онѣ его не интересуютъ. Корреспондента можетъ и должно занимать только то, что составляетъ общественный интересъ, на что онъ обязанъ обращать вниманіе общества, государства, правительства... Идеалъ военнаго корреспондента дать публикѣ возможность жить всецѣло съ арміей, радоваться ея радостями, горевать ея горемъ, поддерживать ея единеніе, тотъ духъ, который долженъ господствовать и въ народѣ, создающемъ армію, и въ арміи, вышедшей изъ народа...

На помощь генералу, начавшему уже было соглашаться съ «корреспондентомъ», пришелъ «полковникъ со значкомъ», который ссылками на Седанъ и Макъ-Магона (1870 г.), Садову и Штейнмеца (1866 г.) сталъ доказывать, что «исключительныя обстоятельства военнаго времени и необходимость сохраненія въ тайнѣ военныхъ плановъ требуютъ особой строгости въ отношеніи печати».

Въ отвѣтъ на это «корреспондентъ» развилъ полковнику болѣе широкіе взгляды на причины паденія имперіи Наполеона III-го и изгнанія Австріи изъ германскаго союза.

— Ихъ судьбу рѣшили не газетное извѣстіе, не лондонская телеграмма, — говорилъ онъ. — Не такими ничтожными явленіями обусловливается паденіе однихъ и возвеличеніе другихъ народовъ, не отъ нихъ зависитъ исходъ войнъ. Ходъ человѣческихъ дѣлъ зиждется не на подобныхъ случайностяхъ, а на болѣе глубокихъ и важныхъ причинахъ.

Корреспонденціи изъ Болгаріи не были собраны и изданы Г. К. отдѣльною книгою, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть.

IV.

Возвращаясь изъ Болгаріи по заключеніи Санъ-Стефанскаго мира, Градовскій встрѣтился въ Москвѣ съ Н. Н. Страховымъ.

Извѣстный критикъ и философъ былъ разочарованъ исходомъ войны.

— Но какъ же Константинополь?—спрашивалъ онъ Градовскаго.—Хотя бы вошли, хотя бы временно заняли его!.. Все-таки нѣкоторое удовлетвореніе.

— Мнѣ кажется, оно не въ характерѣ русскаго народа,—возразилъ Градовскій.—Воевать такъ воевать, миръ такъ миръ... Для чего напрасно унижать и раздражать врага...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Г. К. не могъ не признать, что «проклятый вопросъ о проливахъ и Константинополѣ» остался нерѣшеннымъ.

— Отдать Константинополь болгарамъ, — говорилъ онъ Страхову,—незаслуженно, возвратить его грекамъ невыгодно, сдѣлать вольнымъ, нейтральнымъ городомъ опасно и тревожно; оставлять въ турецкихъ рукахъ опять-таки не безопасно для общаго спокойствія и мира. Хочется вѣрить, что когда-нибудь сила вещей возьметъ верхъ, и что мирно, съ общаго согласія, ключи отъ нашего дома очутятся въ нашихъ рукахъ и сбудется легенда объ обращеніи софійской мечети въ православный храмъ, на этотъ разъ и навсегда русскій *).

Къ этому «проклятому вопросу» Градовскій впослѣдствіи неоднократно возвращался. Онъ писалъ о немъ въ 1896 г., наканунѣ греко-турецкой войны, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ 1902 году въ статьѣ «Византійское наслѣдіе», включенной имъ самимъ въ сборникъ «Итоги», и вообще всегда, когда разговоръ касался вопросовъ внѣшней политики. Но онъ желалъ разрѣшенія этого вопроса не изъ политико-романтическихъ побужденій, а изъ сознанія реальной, насущной потребности, чтобы входы и выходы изъ Чернаго моря, этого «русскаго озера», находились въ зависимости отъ согласія или несогласія Россіи **).

И, вѣря въ «силу вещей», Г. К. былъ всегда противъ всякой политической авантюры, которая ради Царьграда могла бы вовлечь насъ въ войну.

Доказывая въ статьѣ «Византійское наслѣдіе», почему мы не взяли и не могли взять въ 1878 году Константинополь, Градовскій прямо писалъ, что «Константинополь не стоилъ и не стоитъ подобныхъ жертвъ и опасностей... Россія жила, развивалась и стала европейской могущественной державой помимо Константинополя».

---

*) См. «Итоги», стр. 399.

**) См. «Биржевыя Вѣдомости» 1896 г., 2-е изд., №№ 321 и 337.

Вообще въ области вопросовъ внутренней и внѣшней политики Г. К. былъ человѣкомъ трезваго ума и практически осуществимыхъ стремленій. Легенды не имѣли надъ нимъ власти, «имена» не гипнотизировали его, массовыя увлеченія его не захватывали. Этими свойствами натуры Г. К. и объясняется его отрицательное отношеніе къ военнымъ героямъ того времени—Скобелеву и Черняеву.

Противъ перваго направлена его брошюра «М. Д. Скобелевъ. Этюдъ по характеристикѣ нашего времени и его героевъ», составленная Градовскимъ еще при жизни «Бѣлаго генерала», но выпущенная въ свѣтъ лишь послѣ его смерти, въ 1884 г. По собственнымъ словамъ Градовскаго, брошюра эта была написана имъ «ради противодѣйствія культу войны, которымъ пропитано было тогда большинство печати». Она была задумана Градовскимъ еще въ январѣ 1882 года, вскорѣ послѣ рѣчи, произнесенной Скобелевымъ на обѣдѣ, данномъ въ честь покорителя Ахалъ-Теке. Парижская рѣчь Скобелева въ томъ же году еще болѣе убѣдила Градовскаго, что Скобелевъ «искатель приключеній», и что политическая дѣятельность Скобелева «грозитъ Россіи однимъ изъ величайшихъ бѣдствій»,—новою войною. Между тѣмъ, всегдашнимъ убѣжденіемъ Градовскаго было, что «всѣ помыслы и заботы Россіи необходимѣе всего сосредоточить на возрожденіи и оживленіи своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, для возмѣщенія тѣхъ бѣдъ и потерь, которыя нанесены ей войнами, внутренними неурядицами и застоемъ».

Чтобы ослабить впечатлѣніе воинственныхъ рѣчей Скобелева и поколебать въ русскомъ обществѣ авторитетъ послѣдняго, Градовскій и произвелъ анализъ боевыхъ заслугъ «легендарнаго генерала» и зрѣлости его политическаго мышленія. Это была смѣлая, скажу—даже дерзкая для своего времени, попытка и, понятно, успѣха не имѣла. «Тѣ періодическія изданія, которыя могли дать мѣсто объективной статьѣ о Скобелевѣ,—пишетъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ Г. К.,—и съ редакціями которыхъ велись на этотъ счетъ переговоры, приходили при одной мысли объ этомъ въ трепетъ»...

Этюдъ появился въ печати отдѣльною брошюрою въ 1884 г., т. е. черезъ два года послѣ смерти Скобелева, когда въ немъ практической надобности уже не было.

Не будемъ здѣсь входить въ его оцѣнку. Для насъ онъ интересенъ, какъ показатель самостоятельности мысли Градовскаго, независимости его сужденій, способности не поклоняться

«кумирамъ толпы» и гражданскаго мужества возставать противъ нихъ.

Противъ Черняева Градовскій напечаталъ рядъ статей въ «Голосѣ», предсказывая неудачу его «затѣи» въ Сербіи и роковыя для Россіи послѣдствія ея. Въ 1908 г., почуявъ возрожденіе у насъ славянофильскаго движенія на почвѣ государственнаго переворота въ Турціи, Градовскій напечаталъ въ «Вѣстникѣ Знанія» статью «Архистратигъ славянской рати», въ которой далъ крайне отрицательную характеристику Черняева, какъ бы желая этимъ вызвать въ русскомъ обществѣ скептическое отношеніе ко всякому, кто вознамѣрился бы продолжать нынѣ «Черняевское дѣло».

И въ покорителѣ Ташкента Градовскій также видѣлъ лишь авантюриста, но еще болѣе несимпатичнаго ему своими ретроградными взглядами, своею борьбою противъ «великихъ реформъ» на страницахъ «Русскаго Міра».

Страстныя и не во всемъ справедливыя нападки Градовскаго на Черняева приводили его, конечно, и здѣсь въ столкновеніе съ общественнымъ мнѣніемъ. Защищаясь, Градовскій переводилъ споръ на почву общихъ идей и тутъ оказывался болѣе правымъ. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ споръ Г. К. съ своимъ однофамильцемъ и сотоварищемъ по работѣ въ «Голосѣ» профессоромъ А. Д. Градовскимъ о правѣ современниковъ судить своихъ дѣятелей.

А. Д. Градовскій полагалъ и даже печатно утверждалъ, что право это принадлежитъ лишь исторіи. Г. К. Градовскому это «ограниченіе» казалось «страннымъ», особенно для публициста. «Безъ сомнѣнія,—возражалъ онъ,—окончательный судъ принадлежитъ исторіи, но и исторія захочетъ знать и неизбѣжно спроситъ современниковъ, какъ они относились къ тѣмъ или другимъ дѣятелямъ, вопросамъ и событіямъ» *).

Съ утвержденія этого права современниковъ и начинается извѣстный фельетонъ Г. К. въ «Голосѣ», отъ 18 марта 1878 г.— «Итоги войны 1877—78 г.г.» **).

Содержаніе его гораздо шире названія. Въ немъ Г. К. подвелъ итоги всѣмъ великимъ реформамъ царствованія императора Александра II, преломившимся сквозь призму русской дѣйствительности; широкими, смѣлыми и яркими мазками нарисовалъ ея картину и изъ нея вывелъ событія и исходъ «освободительной войны». Приговоръ всей этой сложной и запу-

*) См. «Итоги», стр. 336.
**) Перепечатанъ въ «Итогахъ», стр. 170—185.

танной дѣйствительности вылился у Градовскаго въ трехъ словахъ: «Армія выручила Россію».

Такъ какъ армія, комплектуемая по всеобщей воинской повинности, это — народъ, самоотверженно исполнившій въ 1877—78 г.г. свой долгъ передъ отечествомъ, то въ этой формулѣ приговора скрывалось евангельское назиданіе Россіи: «иди и больше не грѣши».

Именно къ этому выводу и приходитъ Градовскій въ заключительныхъ строкахъ своего фельетона:

— Къ чему же мы, наконецъ, пришли послѣ цѣлаго ряда тяжкихъ жертвъ, страданій и героическихъ подвиговъ: лучше ли мы теперь стали? Добились ли мы того счастья, которое, казалось бы, заслужили? Прояснилась ли погода? Исчезли ли тучи съ нашего неба? Отвѣтъ, повидимому, не труденъ. Мы пришли къ той дорогѣ, съ которой всѣ добрые и лучшіе люди, всѣ вѣрящіе въ будущее родины совѣтуютъ никогда не сворачивать. Этотъ путь—внутреннее наше развитіе, честное и безбоязненное сознаніе своихъ ошибокъ и недостатковъ, искреннее стремленіе къ ихъ устраненію не какими-нибудь небывалыми, никѣмъ еще не выраженными способами и «новыми словами», а тѣми, которые свойственны всему человѣчеству. Къ этому человѣчеству мы захотѣли принадлежать съ великой эпохи Петра I; эта испытанная дорога никогда не обманывала насъ... Съ нею, дѣйствительно, не страшны намъ ни англичане, ни австрійцы, ни кто-нибудь другой...

Статья эта произвела сильное впечатлѣніе и въ обществѣ, и въ правящихъ сферахъ. Тогдашній предсѣдатель комитета министровъ, графъ П. А. Валуевъ пригласилъ къ себѣ автора ея и выразилъ ему свое сочувствіе и согласіе съ высказанными въ ней сужденіями.

Такъ прекрасно закончилъ Градовскій свою миссію «военнаго корреспондента». Въ горнилѣ войны онъ провѣрилъ свои принципы и закалилъ свои убѣжденія гражданина и публициста.

V.

Прикованный еще къ одру болѣзни въ дни русско-японской войны, Г. К., повидимому, горячо переживалъ ея событія и живо откликался на все самое важное и трагическое въ ней.

Прежде всего его взволновалъ, конечно, вопросъ о гласности въ этой войнѣ. Для него, публициста, хотя и умирающаго, для него, бывшаго военнаго корреспондента, это былъ

кровный, существеннѣйшій вопросъ. Прочитавъ въ газетахъ сообщеніе правительства, что всѣ достовѣрныя свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ будутъ немедленно дѣлаться достояніемъ русскаго народа, а съ другой стороны, что «Русскій Инвалидъ» высказываетъ опасеніе, какъ бы печать не «разболтала» военныхъ тайнъ, Градовскій сейчасъ же берется за перо и дрожащею рукою пишетъ для «Новаго Времени» статью — «Война и печать». Онъ привѣтствуетъ правительственное сообщеніе, видя въ немъ «опору для всей печати», и обращаясь къ оффиціозной военной газетѣ, говоритъ:

— Предоставимъ ухищренія, лживыя реляціи, самохвальство и самообманы нашимъ врагамъ; русскій народъ жаждетъ и достоинъ одной правды, хотя бы она иной разъ и не приносила радостныхъ вѣстей о побѣдахъ. Неудачи возбуждаютъ общія усилія, готовность все отдать, всѣмъ пожертвовать «на алтарь Отечества *).

Трогательна въ умиравшемъ публицистѣ-гражданинѣ эта неизмѣнная его вѣра въ свой народъ и въ силу печати.

Неустанный и пламенный борецъ за свободу печати, Градовскій являлъ собою примѣръ не только щепетильно честнаго, но и осторожнаго обращенія съ печатнымъ словомъ.

Надѣленный отъ природы сильнымъ темпераментомъ, Градовскій, какъ публицистъ, обладалъ, однако, удивительною способностью сохранять трезвость ума въ самые сложные и острые моменты политическихъ переживаній русскаго общества. Онъ давалъ своему темпераменту волю, кипѣлъ и волновался, иногда чрезмѣрно, лишь въ кругу друзей, въ устной бесѣдѣ, но съ перомъ въ рукѣ, это былъ выдержанный, корректный человѣкъ, дѣйствовавшій на своихъ читателей не пафосомъ чувствъ, а логикой ума... Въ своихъ статьяхъ онъ чуждъ былъ всякихъ «эффектовъ» и «сильныхъ выраженій»; ихъ сила была въ силѣ и искренности убѣжденія автора, въ точности факта, въ важности идеи, въ глубинѣ анализа и въ искусствѣ отбрасыванія ихъ на экранъ то современной, то исторической жизни общества, народа, государства.

Всѣ эти качества Градовскаго, какъ публициста, ярко сказались въ его корреспонденціяхъ съ войны.

Любя армію, военную исторію, военное дѣло, онъ не былъ шовинистомъ въ дни мира и не сталъ имъ на войнѣ.

«Военныя силы,—писалъ онъ въ одной статьѣ,—опасно растрачивать на призрачныя цѣли; ихъ слѣдуетъ беречь на слу-

*) См. «Новое Время», 29 февраля 1904 г., № 10053.

чай самообороны и на коренное и рѣшительное избавленіе отъ бѣдствій вооруженнаго мира».*).

Попавъ на войну, Градовскій не поддался очарованію «любимцевъ славы»—героевъ войны, не поэтизировалъ войны, но и не преувеличивалъ ея «ужасовъ»...

Передъ лицомъ Лорисъ-Меликова, Скобелева, Гурко, на поляхъ Зивина, Плевны и Филиппополя, въ госпиталяхъ Александрополя онъ не забывалъ, что онъ публицистъ, первая обязанность котораго передъ отечествомъ — «съ печатнымъ словомъ обращаться честно». И оттого языкъ его корреспонденцій такой дѣловой, серьезный и потому убѣдительный.

«Слава военнымъ подвигамъ и героямъ,—писалъ Градовскій въ 1902 году, заканчивая этими словами одну изъ своихъ статей-воспоминаній объ «освободительной войнѣ,—но еще болѣе славы устроителямъ хорошей, здоровой и правильно развивающейся мирной жизни на благо народа, всѣхъ и каждаго» **).

Онъ вѣрилъ, что это достигается путемъ гласности, чрезъ свободную печать. И служенію этой идеѣ онъ отдавалъ себя въ дни мира и въ дни войны. Въ осуществленіи ея онъ видѣлъ залогъ и военныхъ успѣховъ, и хорошей, здоровой мирной жизни.

Вл. Апушкинъ.

---

*) См. «Итоги», стр. 422.
**) См. тамъ же, стр. 381.

ПУБЛИЦИСТЪ-ДРАМАТУРГЪ.

Зимой 1897 года я познакомился съ Г. К. Градовскимъ въ Литературномъ клубѣ, гдѣ въ то время по субботамъ устраивались ужины для артистовъ и литераторовъ.

Григорій Константиновичъ пріѣхалъ въ клубъ съ А. П. Коломнинымъ, изъ Малаго театра, послѣ пятаго, шестого представленія его пьесы «Во имя любви». Онъ былъ, видимо, въ приподнятомъ настроеніи, крайне оживленъ, веселъ и говорливъ.

Первый-же вопросъ, который онъ мнѣ задалъ, послѣ обычныхъ привѣтствій,—«видѣлъ-ли я его пьесу?»

Занятый службой въ Александринскомъ театрѣ, гдѣ я долженъ былъ присутствовать каждый вечеръ, я не удосужился посмотрѣть его драмы, въ чемъ чистосердечно покаялся Григорію Константиновичу. Онъ горячо упрекнулъ меня, сказавъ, что я, какъ режиссеръ и драматургъ, нравственно обязанъ, интересоваться выдающимися явленіями театральной жизни. Сѣвши со мной рядомъ за столомъ, Градовскій весь ужинъ проговорилъ объ идеѣ и содержаніи своей драмы.

По его словамъ, въ пьесѣ «Во имя любви» имъ былъ разрѣшенъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественной жизни,—вопросъ объ отношеніяхъ супруговъ, о свободѣ любви, о положеніи женщины въ семьѣ. Ему одному удалось разрубить тотъ Гордіевъ узелъ, надъ которымъ трудились такъ много психологовъ, романистовъ и драматурговъ...

Я, молча, покорно слушалъ Градовскаго.

— Вы не думайте, что я преувеличиваю значеніе моей пьесы... Я это все провѣряю на публикѣ... Публика слушаетъ мою пьесу съ напряженнымъ вниманіемъ, затаивъ дыханіе... И послѣ акта неистово вызываетъ автора... Женщины въ восторгѣ отъ пьесы... Меня забросали письмами...—нервно, торопливо, съ его типичными придыханіями, говорилъ Градовскій.

Будучи режиссеромъ, имѣя постоянно дѣло съ авторами,

я привыкъ къ тому, что они часто преувеличиваютъ художественное и моральное значеніе своихъ трудовъ, но, признаюсь, мнѣніе Г. К. Градовскаго о своей пьесѣ и ея общественномъ значеніи показалось мнѣ выходящимъ изъ рамокъ нормальнаго.

Послѣ ужина я подошелъ къ А. П. Коломнину, передалъ ему мой разговоръ съ Градовскимъ и спросилъ его мнѣніе о пьесѣ.

— Пьеса, какъ пьеса, ничего особеннаго... но, видимо, успѣхъ перваго представленія ошеломилъ Градовскаго... Я не узнаю его... Онъ ни о чемъ не можетъ говорить, кромѣ своей пьесы... Онъ умный, талантливый человѣкъ, становится смѣшонъ... Я боюсь за его психику...

Послѣ этого вечера я не встрѣчалъ больше Г. К. Градовскаго до 1908 года. До меня доходили слухи, что, вскорѣ послѣ моей встрѣчи съ нимъ на ужинѣ въ Литературномъ клубѣ, Градовскій безнадежно заболѣлъ и помѣщенъ въ психіатрическую лѣчебницу.

Истомленный неустанной, многолѣтней журнальной работой и ужасомъ русской дѣйствительности, которую Градовскій переживалъ болѣзненно глубоко и нервно, онъ не въ состояніи былъ перенести острыхъ впечатлѣній и сильныхъ волненій, всегда сопряженныхъ съ постановкой пьесы на сценѣ. Переутомленный мозгъ его не вынесъ радости успѣха... Постановка драмы была послѣднимъ толчкомъ, приведшимъ Градовскаго въ лечебницу душевно больныхъ.

Пьеса «Во имя любви», пройдя шесть-семь разъ, сошла съ репертуара и затѣмъ не возобновлялась. Такъ мнѣ и не удалось видѣть ее на сценѣ.

Въ октябрѣ 1907-го года, я неожиданно получилъ письмо отъ Градовскаго изъ Кіева. Не смотря на то, что доктора признали его болѣзнь неизлѣчимой, Григорій Константиновичъ выздоровѣлъ какимъ-то чудомъ, вопреки мнѣнію докторовъ, и первымъ дѣломъ вспомнилъ о своихъ пьесахъ. Позволяю себѣ привести здѣсь его письмо цѣликомъ:

Многоуважаемый Евтихій Павловичъ. Недѣли двѣ назадъ, я писалъ М. А. Суворину (за отсутствіемъ А. С.) и просилъ его внести куда слѣдуетъ вопросъ, возбуждавшійся еще въ прошломъ году, о постановкѣ хотя-бы одной изъ моихъ пьесъ въ Маломъ театрѣ. Брошюра, гдѣ онѣ были напечатаны, была послана Вамъ еще въ январѣ. Я просилъ Суворина сына переслать мое письмо, въ случаѣ надобности, отцу и, во всякомъ случаѣ, отвѣтить: да или нѣтъ, не подвергая меня бюрократической волокитѣ, отрицаемой въ правительственныхъ сферахъ, но заведенной теперь даже въ театрахъ и редакціяхъ. Оффиціальныя сферы, по крайней мѣрѣ, отвѣчаютъ, а иные редакторы и общественные дѣятели не соблюдаютъ даже простой вѣжливости. До сихъ поръ не имѣю я никакого отвѣта и отъ молодого Суворина. Рѣшаюсь, поэтому, обезпокоить Васъ, какъ члена

Литерат. Художественнаго Общества, члена театральной дирекціи и главнаго режиссера, въ особенности-же, какъ литератора.

Малый театръ носитъ имя Литературно-Художественнаго Общества, въ которомъ, какъ Вамъ извѣстно, я принималъ горячее участіе и былъ директоромъ. Мнѣ кажется, каждый литераторъ имѣетъ право разсчитывать, чтобъ театральная дирекція этого Общества не обращалась въ семейное, частное предпріятіе и не ставила-бы коммерческихъ, капризныхъ или полицейскихъ препонъ между публикой и авторами, которые могутъ сами за себя отвѣчать, давно избавившись отъ опеки застывшихъ педагоговъ или бездарныхъ и пристрастныхъ рецензентовъ.

Вотъ почему я надѣюсь, что Дирекція Малаго театра, уклонившаяся отъ прямого отвѣта въ прошлый сезонъ, поставитъ ту или другую изъ моихъ пьесъ въ нынѣшнюю осень или зиму.

Добавочные мотивы:

1) Пьеса «Во имя любви» шла только на сценѣ Малаго театра въ 1897 году и снята съ репертуара при возраставшихъ сборахъ, единственно вслѣдствіе каприза Яворской, не захотѣвшей допустить дебюта въ ней (пьесѣ) новой драматической актрисы, имя которой не помню. (Васъ тогда не было). Въ драмѣ этой трактуется далеко не рѣшенный, вѣчно новый «женскій вопросъ» и затронуты брачныя отношенія. Попутно установленъ совершенно оправдавшійся теперь взглядъ на манджурскія приключенія и участниковъ ихъ. Не было женщины, которая читала-бы мою пьесу и не одобрила-бы выведенныхъ въ ней типовъ. Конечно, это честныя женщины, а не «веселыя вдовы» или полудѣвы, которыхъ выводятъ теперь на русскую сцену, вмѣстѣ съ еврейскими блудницами и «богоборствомъ» содержателей домовъ терпимости.

Въ настоящее время пьеса вновь пересмотрѣна и разрѣшена цензурой съ варіантами.

Даже до этого доведенъ нынѣшній театръ.

2) Пьеса «Старый либералъ»—нигдѣ еще не шла. Предполагалъ поставить ее на сценѣ Александр. театра единственно ради В. П. Далматова. Въ ней впервые выведенъ положительный типъ литератора и изображена частица тѣхъ страданій, которыя мы вынесли и выносимъ, добиваясь свободы отъ цензурнаго и иного произвола. Неужели Литературно-Художественный театръ ознакомитъ меня, въ концѣ жизни, и съ своимъ антрепренерскимъ или партійнымъ произволомъ? Почти во всѣхъ петербургскихъ газетахъ и въ спеціально театральныхъ изданіяхъ (въ томъ числѣ въ двухъ кіевскихъ) были даны очень удовлетворительные отзывы. Кромѣ того, я получилъ по ея поводу около 20-ти привѣтственныхъ писемъ—между прочимъ, отъ К. К. Арсеньева. А. Ф. Кони, С. Н. Шубинскаго, кн. Е. Н. Трубецкаго, покойнаго В. А. Гольцова, Южина (Кн. Сумбатова), ред. «Русской Старины» и др. Далматовъ и Гнѣдичъ ее одобрили и желали поставить. П. И. Вейнбергъ извинился, что болѣзнь помѣшала ему содѣйствовать ея постановкѣ. Теперь прошу Вашего рѣшенія, по возможности, скораго, чтобъ не лишить меня возможности обратиться къ другимъ театрамъ, что для меня, во всякомъ случаѣ, будетъ прискорбно, а Литературно-Художественному Обществу едва-ли прибавитъ достоинства.

Если моя брошюра у Васъ затерялась, то могу выслать, сколько угодно, экземпляровъ; да и въ Петербургѣ можно получить ее моимъ именемъ въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» или въ «Союзѣ» (Ямская, 1).

Оправившись какимъ-то чудомъ отъ 10-тилѣтней болѣзни, въ концѣ октября надѣюсь быть въ Петербургѣ и видѣться съ Вами; но будьте добры, если возможно, извѣстите о положеніи «сего дѣла» теперь. Прилагаю марку.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и совершенной преданности

Григорій Градовскій.

Вскорѣ по полученіи письма Г. К. Градовскаго, я прочиталъ его пьесы и предложилъ Дирекціи возобновить драму «Во имя любви». А. С. Суворинъ запротестовалъ, находя

пьесу мало интересной и плохо сдѣланной въ сценическомъ отношеніи. Говорилъ я съ Далматовымъ о постановкѣ «Стараго либерала», но онъ, видимо, уклонялся отъ исполненія роли Строгина, ссылаясь на массу работы и недостатокъ времени для изученія роли.

Пришлось отвѣтить Григорію Константиновичу отказомъ, выраженнымъ въ крайне деликатной формѣ.

Содержаніе драмы «Во имя любви» заключается въ слѣдующемъ:—Молодая, интеллигентная дама, Елена Николаевна, жена виднаго чиновника, ожидаетъ пріѣзда своего супруга, Н. А. Уклонскаго, пробывшаго въ командировкѣ, въ Манджуріи, около трехъ лѣтъ. Она весьма взволнована предстоящей встрѣчей и вопросомъ о томъ, какимъ человѣкомъ вернется мужъ послѣ долгой разлуки?

— Я не знаю, — говоритъ Елена Николаевна матери, — возвратился-ли тотъ, кого я любила, обожала?... Онъ самъ, можетъ быть, измѣнился... Боюсь, что не узнаю его, а онъ не узнаетъ меня...

Пріѣзжаетъ мужъ. Происходитъ трогательная сцена свиданія супруговъ... Другъ Уклонскаго, Алимовъ, радостно восклицаетъ:—«Я горю нетерпѣніемъ крикнуть «горько» и выпить за здоровье молодыхъ... Сегодня все равно, что вторую свадьбу вашу справляемъ»... Всѣ уходятъ завтракать и на этомъ кончается первый актъ драмы.

Второе дѣйствіе происходитъ въ «комфортабельной квартирѣ» пріятельницы Елены Николаевны, Л. А. Пронской. У нея званный вечеръ. Среди гостей сплетникъ, Крутиковъ, передаетъ случай изъ Петербургской жизни. — Какой-то коммерціи совѣтникъ найденъ былъ въ номерѣ гостиницы съ перерѣзаннымъ горломъ; подъ именемъ его жены съ нимъ въ номерѣ была незнакомка, а рядомъ въ номерѣ той-же гостиницы, въ это-же время, была законная супруга коммерціи совѣтника. Началось слѣдствіе. Извѣстный докторъ Нельскій далъ яко-бы недобросовѣстное заключеніе, что убійства не было, а что совѣтникъ покончилъ съ собой въ припадкѣ душевной болѣзни. Присутствующая при этомъ разсказѣ, Елена Николаевна горячо протестуетъ, защищая Нельскаго. Является Нельскій. Между нимъ и Еленой Николаевной происходитъ сцена, дающая поводъ думать, что докторъ и Елена Николаевна симпатизируютъ другъ другу. Лидія Пронская знакомитъ Уклонскаго съ докторомъ Нельскимъ. Уклонскій горячо благодаритъ доктора за то, что въ его отсутствіе докторъ не только лечилъ его жену, но и былъ ея другомъ. Нель-

скій холодно принимаетъ благодарность Уклонскаго и, видимо, недовольный, уходитъ. Вслѣдъ за нимъ уѣзжаетъ взволнованная Елена Николаевна, предоставляя своему мужу «наслаждаться игрой въ карты».

Третье дѣйствіе въ гостиной Уклонскаго. Лидія Пронская уговариваетъ Елену Николаевну принять участіе въ благотворительномъ вечерѣ. Кромѣ развлеченія и помощи бѣднякамъ,—говоритъ Лидія,—участіе въ благотворительномъ базарѣ Елены можетъ оказать большую пользу Уклонскому, укрѣпивъ необходимыя для него связи въ высшемъ обществѣ. Елена на отрѣзъ отказываетеся. Уклонскій на минуту забѣгаетъ въ гостиную, благодаритъ Пронскую за ея «попытку уговорить Елену быть на благотворительномъ базарѣ», сообщаетъ женѣ, что у него обѣдаетъ сотрудникъ газеты, и уходитъ.

Алимовъ, горячо сочувствуя Еленѣ Николаевнѣ, безпокоится объ ея угнетенномъ душевномъ состояніи и, подозрѣвая, что она груститъ потому, что Нельскій не бываетъ у нихъ въ домѣ,—приглашаетъ Нельскаго пріѣхать къ Уклонскимъ, на правахъ доктора. Пріѣзжаетъ Нельскій и объясняется въ любви Еленѣ. Та ему сочувствуетъ, говоритъ, что она знаетъ, «что такъ не можетъ продолжаться, но пока она не свободна, не должна его слушать... Мы останемся друзьями»...

Третій актъ оканчивается сценой между Уклонскимъ и его женой.

Уклонскій упрекаетъ Елену въ томъ, что она не входитъ въ его интересы, не помогаетъ ему въ дѣлахъ. Дома нервничаетъ, отстраняется отъ него, запирается въ своей комнатѣ, не умѣетъ вести себя въ обществѣ, компрометируетъ его имя, защищая доктора Нельскаго... Уклонскій грубо напоминаетъ Еленѣ, что онъ ея мужъ, что она не должна забывать, чье имя она носитъ... Елена бросаетъ ему въ лицо, что его имя тяготитъ ее... упрекаетъ его въ эгоизмѣ, въ томъ, что онъ «властный хозяинъ», относящійся къ ней, какъ къ рабѣ.—«Возьмите ваше имя, мнѣ не надо его!...»—бросаетъ Елена въ лицо мужу.

Этой бурной семейной сценой кончается третій актъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи Уклонскій бесѣдуетъ съ Алимовымъ о своей ссорѣ съ женой. «Елена неузнаваема,—говоритъ онъ,—очевидно въ мое отсутствіе, было какое-то постороннее вліяніе на Елену; она стала совсѣмъ другая». Алимовъ объясняетъ перемѣну въ Еленѣ тѣмъ, что та духовно развилась, выросла, «хочетъ быть человѣкомъ, а не рабой; защищаетъ свою личность»... Алимовъ горячо упрекаетъ Уклонскаго въ

эгоизмѣ, порицаетъ его дѣятельность, направленную на стяжанія, чуждую общественности, преслѣдующую исключительно личныя, корыстныя цѣли. Алимовъ уходитъ, но разговоръ на эту же тему продолжается между Уклонскимъ и Еленой.

«— Ты не сочувствуешь моимъ дѣламъ, моей карьерѣ?..— спрашиваетъ жену Уклонскій.—Чему же ты сочувствуешь, если позволено спросить?

— Всякой дѣятельности, не пропитанной исключительно личными, себялюбивыми цѣлями...—отвѣчаетъ Елена.

Уклонскій иронически относится къ словамъ жены, называетъ ихъ пустыми фразами и, въ концѣ концовъ, требуетъ, чтобы Елена сдѣлала визитъ Панифидиной, которая нужна ему для устройства дѣлъ, и приказываетъ горничной не принимать доктора Нельскаго.

Въ сценѣ съ Лидіей Пронской Елена высказываетъ свой взглядъ на любовныя отношенія Лидіи, полный строгой нравственности, морали, и удивляется легкомыслію Лидіи, просто смотрящей на отношенія женщинъ къ мужчинамъ. Пріѣзжаетъ Нельскій. Онъ умоляетъ Елену взять разводъ и выйти за него замужъ. Елена проситъ его не спѣшить съ этимъ, дать ей время все обдумать, переѣхать къ своей матери и только тогда рѣшить этотъ вопросъ. Нельскій упрекаетъ Елену въ холодности, въ недостаткѣ любви къ нему. На это Елена говоритъ, что «она любитъ его больше жизни»...

Неожиданно является Уклонскій и застаетъ Елену въ объятіяхъ Нельскаго. Онъ иронизируетъ надъ влюбленными, оскорбляя ихъ жестокими упреками. Нельскій хочетъ увести Елену, но Уклонскій выхватываетъ револьверъ и убиваетъ Нельскаго. Вбѣгаетъ Алимовъ и горничная. Елена объясняетъ имъ, что Нельскій нечаянно застрѣлилъ себя, показывая, по ея просьбѣ, какъ заряжается револьверъ. При этомъ она демонстрируетъ, какъ произошло все это, и застрѣливается сама.

Алимовъ не вѣритъ словамъ Елены, но говоритъ, что онъ свято исполнитъ ея волю. Бросая взглядъ на умершихъ Нельскаго и Елену, онъ произноситъ:—«Ромео и Юлія... Повторяется вѣчная исторія любви»...

Содержаніе пьесы «Во имя любви» нельзя признать оригинальнымъ. На тему семейныхъ неурядицъ, вызванныхъ несходствомъ характеровъ, различіемъ взглядовъ супруговъ, эгоизмомъ мужчинъ и тяготѣніемъ женщинъ къ людямъ съ широкими, общественными идеалами, написано много романовъ, повѣстей и драмъ.

Героиня драмы Елена, разочаровавшаяся въ своемъ мужѣ-

дѣльцѣ и полюбившая доктора Нельскаго, не является исключительной личностью, не выдѣляется ни умомъ, ни характеромъ изъ обширной галлереи русскихъ женщинъ, ранѣе ея появлявшихся въ нашей беллетристикѣ.

Во время трехлѣтняго отсутствія мужа, Елена постоянно встрѣчалась съ докторомъ Нельскимъ. Онъ, очевидно, оказывалъ большое вліяніе на ея развитіе въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Елена не только привязалась къ нему, какъ къ другу, она полюбила его. Пріѣздъ мужа волнуетъ Елену не волненіемъ страсти къ долгожданному, любимому человѣку, а боязнью, что Уклонскій окажется совершенно чужимъ для нея. Она не сознаетъ еще, что ея сердце принадлежитъ Нельскому, она боится признаться въ этомъ даже самой себѣ. Елену выдаетъ вспышка негодованія, когда сплетникъ Крутиковъ разсказываетъ въ обществѣ о яко-бы неблаговидномъ поступкѣ доктора Нельскаго. Въ этой сценѣ уже ясно обнаруживается скрытое чувство любви къ доктору, зародившееся въ сердцѣ Елены. Первое дѣйствіе драмы уже застаетъ Елену влюбленной въ Нельскаго. Развитіе чувства любви Елены и Нельскаго, борьба съ самой собой, съ чувствомъ долга передъ мужемъ, страданія Нельскаго, все, что составляетъ интересъ развертывающейся драмы, все это произошло гдѣ-то за кулисами, еще до начала пьесы. Если бы вернувшійся изъ Манджуріи Уклонскій былъ идеальнымъ человѣкомъ, все равно разрывъ между нимъ и Еленой былъ бы неизбѣженъ. Мужъ для Елены сталъ уже чужимъ человѣкомъ. Она въ его отсутствіе полюбила Нельскаго. Эгоизмъ, натура дѣльца, преслѣдованіе Уклонскимъ узкихъ, личныхъ интересовъ не играютъ почти никакой роли въ дѣлѣ охлажденія Елены къ мужу: на этой почвѣ у нея не можетъ быть душевной драмы. Драматическая коллизія была бы возможна въ томъ случаѣ, если бы Уклонскій былъ честнымъ, хорошимъ человѣкомъ, искренно, горячо любящимъ Елену. Разрывъ съ такимъ человѣкомъ несомнѣнно вызвалъ бы въ душѣ чистой Елены много горькихъ чувствъ и глубокихъ страданій.

И Уклонскій, весьма мало понимающій и любящій жену, не имѣетъ глубокихъ причинъ для сердечныхъ страданій. Всецѣло занятый обдѣлываніемъ своихъ темныхъ, денежныхъ дѣлъ, онъ мало удѣляетъ времени нѣжнымъ, супружескимъ чувствамъ. Онъ смотритъ на жену, какъ на красивую, умную женщину, которая можетъ помочь ему устроить его дѣлишки и только. Ни одна сцена не показываетъ проявленія у Уклонскаго сердечной привязанности, любви къ Еленѣ, какъ женщинѣ.

Въ драмѣ «Во имя любви» нѣтъ развитія именно чувства любви ни у Елены къ Нельскому, ни у Нельскаго къ ней. Все произошло до начала пьесы. Въ самой драмѣ нѣтъ ни борьбы чувствъ, ни угрызеній совѣсти, ни страданій любви и ревности. Все сводится къ тому, что два чужихъ другъ другу человѣка, связанные узами законнаго брака, не умѣютъ честно, полюбовно разойтись. Убійство Уклонскимъ Нельскаго не имѣетъ за собой никакихъ основаній. Оно не вытекаетъ психологически изъ обстоятельствъ драмы, а является случайнымъ, совершеннымъ подъ вліяніемъ аффекта, также, какъ и самоубійство Елены.

Трагическій конецъ драмы не разрѣшаетъ вопроса о семейныхъ драмахъ. И невольно наводитъ на мысль:—не написана ли драма для того, чтобы дать возможность автору высказать рядъ гуманныхъ мыслей о женскомъ вопросѣ, о положеніи женщины въ семьѣ и въ обществѣ, о свободѣ любви и узахъ законнаго брака, вложивъ горячія реплики въ уста своей героини Елены.

Пьесѣ «Старый либералъ» Г. К. Градовскій, въ брошюрѣ «Двѣ драмы», предпосылаетъ слѣдующее предисловіе:

«Драма «Старый либералъ» написана въ сентябрѣ 1906 г., подъ вліяніемъ давняго сознанія, что на нашей сценѣ до сихъ поръ отсутствовалъ положительный типъ русскаго писателя. По этому поводу авторъ писалъ одному изъ старѣйшихъ петербургскихъ литераторовъ:

«Въ первый разъ выводится на сцену русскій писатель положительнаго типа, первый разъ вся пьеса посвящается литературной средѣ и защитѣ либеральныхъ идей.

Въ собирательномъ обликѣ и чертахъ героя пьесы,—70-ти лѣтняго писателя, многіе узнаютъ свои завѣтныя мысли, свои чувства, свои невзгоды и страданія, прошлыя и нынѣшнія. Въ общемъ, это давно желанный, вполнѣ заслуженный гимнъ русскому писателю и нашей литературѣ. Починъ сдѣланъ. За первой пьесой послѣдуютъ болѣе сильныя, болѣе умѣлыхъ драматурговъ, бытовыя и историческія, изъ той же обширной, но такъ долго запретной сферы. Радищевъ, Пушкинъ. Герценъ, Чаадаевъ и т. д. Какія богатства для драмы. А между тѣмъ, «по независящимъ обстоятельствамъ» представителямъ печати отводилось лишь второстепенное мѣсто на задворкахъ драматургіи.

Авторъ будетъ счастливъ, если артисты, которымъ выпадетъ на долю воспроизвести на сценѣ «Стараго либерала», проникнутся изложеннымъ сознаніемъ и помогутъ задачамъ пьесы

своимъ талантомъ. Вопреки нынѣшнимъ заблужденіямъ, всегда было и будетъ истиной, что благотворное вліяніе и развитіе театра зависитъ отъ свободнаго творчества писателей и актеровъ, отъ процвѣтанія литературы и искусства».

Содержаніе драмы «Старый либералъ» заключается въ слѣдующемъ: — Пріятельница литератора Строгина, Марія Константиновна Киленко, устраиваетъ юбилей стараго либерала, Петра Адреевича Строгина. Къ нему на квартиру пріѣзжаютъ поздравить: Серафимскій, другъ Строгина, археографъ, наборщики типографіи, дочь Строгина,—актриса, художники, депутатки отъ женскаго общества. Всѣ эти лица говорятъ ему привѣтственныя рѣчи, читаютъ адреса, отдавая дань его честному образу мыслей, его неустанной борьбѣ за свѣтлые идеалы, за проповѣдь въ печати свободы, правды и просвѣщенія. Строгинъ, растроганный привѣтствіями, отвѣчаетъ, что «онъ награжденъ свыше заслугъ», и провозглашаетъ «ура» «за процвѣтаніе нашей дорогой, великой литературы, за свободу мысли и слова». Приносятъ на подносѣ «кучу телеграммъ». Серафимскій читаетъ ихъ юбиляру, подъ горячія рукоплесканія присутствующихъ при торжествѣ.

Во второмъ дѣйствіи дочь Строгина объявляетъ отцу, что у нея есть женихъ, нѣкій Славутинскій, замѣшанный въ политическое дѣло. Его преслѣдуютъ, не даютъ жить въ Петербургѣ, а потому она проситъ отца, до поры до времени, скрыть его у себя въ квартирѣ. Строгинъ, конечно, охотно исполняетъ просьбу дочери. Затѣмъ приходитъ сынъ Строгина, чиновникъ, и приводитъ съ собой «сотрудника освѣдомленной газеты» Картавова. Сотрудникъ предлагетъ Строгину принять участіе въ освѣдомленной газетѣ, соблазняя его крупнымъ гонораромъ. Возмущенный Строгинъ выгоняетъ Картавова и говоритъ Марьѣ Константиновнѣ: — «Въ рептилію вздумали меня обратить... Увѣнчать хотѣли мое 50-ти лѣтіе, да еще при посредствѣ сына... Мнѣ дурно, мой другъ»...

Третій актъ происходитъ въ гостиной Гриницкой, «молодой писательницы, дочери извѣстнаго литератора». Туда является Клавдія, дочь Строгина, и съ волненіемъ разсказываетъ о своихъ неудачахъ въ хлопотахъ за Славутинскаго. Пріѣхавшій къ Гриницкой Серафимскій, также ходатайствующій за Славутинскаго, передаетъ, что въ Департаментѣ никакого дѣла о немъ нѣтъ. Тогда Клавдія открываетъ, что она подъ именемъ Славутинскаго ввела къ отцу сына идейнаго врага Строгина,— Владиміра Ивановича Билевича, который «уже давно не пишетъ въ реакціонной газетѣ своего отца и пишетъ даже въ

радикальныхъ изданіяхъ». Въ концѣ акта является, измученный хлопотами за Славутинскаго, Строгинъ и тоже сообщаетъ, что никакого Славутинскаго никто ни въ чемъ не обвиняетъ. Клавдія открываетъ тогда отцу правду и псевдонимъ Славутинскаго и проситъ у него прощенія за ложь. Строгинъ прощаетъ Клавдію, говоря:—«отъ всего сердца прощаю и впередъ знаю, что моя Клавдія никогда никого не обидитъ, и тѣмъ болѣе отца»...

Въ четвертомъ актѣ Строгинъ бесѣдуетъ на принципіальныя темы съ своимъ сыномъ и жалуется на сердце. Ему докладываютъ, что газета, въ которой онъ пишетъ, не вышла. Вслѣдъ за этимъ являются наборщики, во главѣ съ метранпажемъ Михельзономъ. Между Строгинымъ и наборщиками происходитъ бурная сцена, въ которой Строгинъ порицаетъ наборщиковъ за то, что они сдѣлали забастовку и прекратили выходъ газеты. Прочтя нотацію наборщикамъ, Строгинъ идетъ отдохнуть. Клавдія сообщаетъ Билевичу, что она распутала дѣло, выхлопотала ему возможность на два года уѣхать за границу, куда она поѣдетъ съ нимъ, «попробовать себя во всемірномъ репертуарѣ». На улицѣ начинается стрѣльба. Горничная Настя сообщаетъ, что въ ихъ домѣ грабятъ лавку. Строгинъ выбѣгаетъ на балконъ увѣщевать толпу, но у него дѣлается разрывъ сердца, и онъ умираетъ, говоря:—«Я люблю слово... Великій даръ Божій... Если это смерть, то лучше скорѣе, чѣмъ мучиться съ микробами и микстурами. Лучше умереть за свободу и даже отъ свободы... (пауза) (потомъ немного приподымаетъ голову, оглядываетъ всѣхъ). Простите, милые... (вглядывается вдаль) А вотъ она, лучезарная, вся въ сіяніи, въ бѣлоснѣжныхъ цвѣтахъ .. Пальмовая вѣтвь въ рукѣ... Приди, желанная!..» (приподымается и разомъ, безсильно опускается на спинку кресла).

Если пьесу «Во имя любви» съ натяжкой еще можно назвать драмой, то «Старый либералъ» никакъ не отвѣчаетъ этому названію, ни по содержанію, весьма наивному, ни по построенію. Это картинки, сценки, искусственно связанныя между собой. Содержаніе пьесы, ея интрига, такъ невѣроятны, бѣлыя нитки такъ ясно видны, что едва ли найдется зритель или читатель, который бы повѣрилъ автору. Лицо «Стараго либерала» Строгина, любовно написанное авторомъ, такъ безукоризненно благородно, надѣлено такой уймой добродѣтелей, что теряетъ правдоподобность. Съ идейной стороны, Строгинъ—либералъ чистой воды. Все то, что онъ высказываетъ по разнымъ поводамъ въ пьесѣ, дышитъ искренностью, умомъ

и благородствомъ. Негодованіе на «сотрудника освѣдомленной газеты», желающаго купить его сотрудничество въ рептильномъ органѣ, выливается въ такой искренней, горячей рѣчи, какъ и его обращеніе къ наборщикамъ, что эти монологи нельзя читать безъ волненія.

На реплику Картавова:—«ничего нѣтъ предосудительнаго, если прогрессивная политика даннаго времени совпадаетъ со взглядами изданія»...—негодующій Строгинъ отвѣчаетъ:—«Въ совпаденіи взглядовъ ничего предосудительнаго нѣтъ, конечно: но скверно, когда взгляды изданія создаются субсидіями, или другими выгодами, основанными на прислужничествѣ. Такой газетѣ никто не вѣритъ... На ней и на участникахъ ея позорная надпись... «А на лбу роковыя слова: продается съ публичнаго торга». Если торгъ происходитъ не гласно, это не измѣняетъ дѣла. Хорошая политика не нуждается въ подкупныхъ услугахъ... У рептильныхъ органовъ писателей талантливыхъ никогда не будетъ, потому что талантливый публицистъ теряетъ искру Божію, измѣняя свободѣ и независимости; онъ разучивается мыслить и писать; въ немъ угасаетъ священный огонь и вмѣсто прежняго вдохновеннаго, могучаго, озареннаго свѣтомъ правды слова, раздается жалкій лепетъ, слышится шипъ пресмыкающейся гадины»...

Сцена съ наборщиками даетъ возможность автору, устами Строгина, высказать свой взглядъ на забастовку типографскихъ рабочихъ. Принявъ отъ наборщика оттискъ статьи, Строгинъ говоритъ:—«Вотъ видите, вы прекратили работу, и мой трудъ уничтожили... Мнѣ надо было, чтобы статья эта появилась сегодня, чтобы ее прочли до обсужденія очень важнаго вопроса, а ваше насиліе уничтожило эту возможность... На дняхъ вы подавали мнѣ адресъ и признали, что мои мнѣнія и взгляды, мои умственные труды были полезны... За что же вы гоните меня, обрекаете на молчаніе, лишаете заработка?... И самый послѣдній изъ людей имѣетъ право на трудъ и свободное слово, а вы, вотъ, стараго писателя обидѣли».

Эта сцена съ наборщиками—крикъ больного сердца стараго либерала. Она написана кровью и нервами изстрадавшагося за русскую литературу ревностнаго работника печати Григорія Константиновича.

Цензура вычеркнула изъ этой сцены фразу:—«Мы разорялись и вы испытывали тысячи невзгодъ, когда газеты пріостанавливались по суду или безъ суда»...

Осуждая цензуру, стѣсняющую свободное слово, Г. К. Градовскій больше, чѣмъ кто-нибудь, испытывалъ на себѣ самомъ

ея жестокіе бичи. Въ его драмахъ цензура немилосердно вычеркивала все, что мало-мальски намекало на правду, не нравящуюся начальству. Привожу здѣсь нѣсколько примѣровъ цензурныхъ сокращеній изъ сохранившагося у меня цензурнаго экземпляра «Двухъ драмъ» Г. К. Градовскаго. Особенно много цензурныхъ помарокъ въ «Старомъ либералѣ».

Строгину сообщаютъ, что начальство не разрѣшило засѣданія, на которомъ онъ долженъ былъ читать рефератъ «объ общинѣ и вліяніи ея на развитіе личности».

«Не разрѣшили... Ужасно рѣжетъ это ухо свободнаго человѣка»... зачеркнуто.

Говоря о губернаторахъ, Строгинъ роняетъ фразу: «Вѣроятнѣй всего, что больше было плохихъ, чѣмъ хорошихъ»...— зачеркнуто.

Зачеркнуты фразы:—«его выслали изъ Москвы» (конецъ 3-го явленія, стр. 34). «Но это было въ то время, когда правительство шло во главѣ преобразованій, впитывало въ свои ряды все просвѣщенное, талантливое, воодушевленное общимъ благомъ, духомъ свободы и прогресса»... и т. д.

Мнѣ пришлось бы безъ конца выписывать цензурныя помарки, но я думаю, что и этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы показать читателю, какъ строга была цензура къ бѣдному «старому либералу».

Можно представить себѣ, какъ невыносимо страдалъ нервный, горячій по натурѣ Григорій Константиновичъ, получивъ изъ цензуры изуродованные экземпляры своихъ пьесъ. Онъ такъ дорожилъ ими.

Если пьесы Григорія Константиновича грѣшатъ противъ архитектоники, если онѣ не сценичны, если дѣйствующія лица у него обрисованы углемъ, лишены красокъ, не ярки и малохарактерны, если сюжеты разработаны наивно, то мысли, высказываемыя въ пьесахъ, благородны, свѣтлы и умны. Онѣ обличаютъ въ Г. К. Градовскомъ человѣка, искренно вѣрующаго въ торжество правды и свободы, беззавѣтно и глубоко любящаго родную литературу, страдающаго за ея притѣсненія и цѣлью жизни своей поставившаго безкорыстное служеніе ея интересамъ...

Въ своихъ драмахъ Г. К. Градовскій является больше талантливымъ, честнымъ, горячимъ журналистомъ, чѣмъ художникомъ-драматургомъ.

Евт. Карповъ.

Г. К. ГРАДОВСКІЙ и СЪѢЗДЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Одною изъ коренныхъ особенностей характера Г. К. Градовскаго является его неизмѣнное тяготѣніе къ общественности, которое глубокою чертою проходитъ чрезъ всю его писательскую дѣятельность. Съ незаурядною энергіей стремился онъ къ упроченію общественныхъ идеаловъ въ литературной средѣ, къ возбужденію въ широкихъ общественныхъ кругахъ болѣе сознательнаго отношенія къ роли и значенію печати въ вопросахъ общекультурнаго развитія, къ практическому осуществленію задачъ объединенія писателей въ интересахъ улучшенія ихъ правового положенія, созданія условій для свободнаго обсужденія профессіональныхъ нуждъ и вопросовъ, связанныхъ съ ихъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Въ исторіи литературно-общественнаго движенія въ Россіи имя Г. К. Градовскаго, какъ дѣятеля въ этой области, по справедливости, должно занять соотвѣтствующее мѣсто, тѣмъ болѣе, что стремленія и усилія талантливаго писателя-публициста не остались безрезультатными и, можетъ быть, результаты получались бы и болѣе значительные, если бы не тяжелый недугъ, прервавшій дѣятельность Г. К. почти на цѣлый десятокъ лѣтъ. Но и того, что достигнуто и осуществилось, достаточно, чтобы люди, дорожащіе интересами общественнаго развитія, и въ особенности дѣятели печати и литературы, для которыхъ Г. К. сдѣлалъ особенно много полезнаго, сохранили о немъ благодарную память.

Изъ практическихъ результатовъ литературно-общественной дѣятельности Г. К. Градовскаго прежде всего слѣдуетъ упомянуть о Кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, которая обязана своимъ существованіемъ главнѣйшимъ образомъ его усиліямъ, заботливости и организаторскому таланту. Въ исторіи исполнившагося двадцатипятилѣтія существованія этой главнѣйшей въ Россіи по числу объединенныхъ въ ней литературныхъ и научныхъ силъ организаціи труды и заслуги

Г. К. Градовскаго предъ дѣятелями печати, безъ сомнѣнія, найдутъ себѣ достаточно полное изображеніе и признаніе.

Другіе практическіе результаты получились отъ труда и усилій Г. К. Градовскаго въ области болѣе широкихъ интересовъ писательской среды, въ области объединенія литераторовъ путемъ всероссійскихъ съѣздовъ.

Необходимость съѣздовъ давно сознавалась писателями, но начало публичному обсужденію вопроса о первомъ съѣздѣ и мѣръ къ его осуществленію положено лишь въ 1899 году на собраніяхъ бывшаго «Союза писателей», который послѣ недолгаго существованія былъ закрытъ правительствомъ. Моментъ для возбужденія этого вопроса былъ самый подходящій—подготовка страны къ празднованію столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина. Въ періодъ этой подготовки и самаго празднованія Г. К. Градовскій былъ уже тяжко боленъ и не могъ принять участія въ трудахъ по организаціи торжества. Но замѣчательно, что, находясь въ томъ же болѣзненномъ состояніи въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ, онъ воспользовался первыми моментами нѣкотораго облегченія своихъ страданій, чтобы принять хотя бы заочно, путемъ письменныхъ сношеній, нѣкоторое участіе въ другомъ актѣ большого общественнаго значенія—въ подготовкѣ къ празднованію двухсотлѣтія русской повременной печати. Въ письмахъ на имя предсѣдателя Правленія Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ Я. Н. Колубовскаго, относящихся къ осени 1902 года, онъ, по поводу неимѣнія средствъ на устройство юбилея печати, горячо предлагаетъ «обратиться непосредственно къ читателямъ и подписчикамъ съ приглашеніемъ приложить посильную лепту... Вѣдь 200 лѣтъ труда и терзаній русскаго писателя чего-нибудь да стоятъ и заслуживаютъ сочувствія и поддержки читателя». Въ письмѣ по поводу предположеній объ учрежденіи фонда для обезпеченія престарѣлыхъ и больныхъ писателей Г. К. пишетъ, что «еще живъ...», привѣтствуетъ возникшую мысль, но высказывается противъ «обособленія» предполагаемаго учрежденія, противъ «нашей русской розни, забвенія нравственнаго и экономическаго правила, что въ единеніи сила»... Дѣлая свои предложенія, Г. К. въ концѣ письма говоритъ, что набрасываетъ ихъ «наскоро», въ тяжеломъ положеніи».

Какъ извѣстно, на упомянутыхъ собраніяхъ «Союза писателей» были утверждены выработанные особой комиссіей проекты положенія и программы перваго всероссійскаго

съѣзда русскихъ писателей, проектированнаго въ память А. С. Пушкина, и представлены на утвержденіе правительства, но утвержденія не удостоились, какъ не удостоилось потомъ уваженія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ и вторичное ходатайство союза о созывѣ съѣзда, а пока союзъ собирался привести въ исполненіе свое постановленіе объ обжалованіи этого отказа министра въ сенатъ—послѣдовало распоряженіе правительства 12 марта 1901 года о закрытіи самого союза.

Но была и еще попытка союза, имѣвшая цѣлью «объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ» и предпринятая въ періодъ между двумя отказами правительства въ разрѣшеніи созвать съѣздъ писателей. Рѣшено было «организовать нѣчто въ родѣ съѣзда», въ видѣ устройства такихъ общихъ собраній союза, въ которыхъ приняло бы участіе возможно большее число представителей провинціи и на которыхъ подлежали бы обсужденію вопросы общаго характера, тѣсно связанные съ положеніемъ, нуждами и цѣлями русской печати, а не только провинціальной, и не обсуждались и не рѣшались бы текущія дѣла союза. Попытка осуществилась одинъ разъ. 10 ноября 1900 г. состоялось первое намѣченное засѣданіе, но «цѣлый рядъ докладовъ былъ изъятъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ изъ программы собранія, и этимъ изложенная попытка и кончилась». Весь практическій результатъ ея свелся къ тому, что немногимъ собравшимся провинціальнымъ писателямъ была дана первая возможность «обмолвиться хотя нѣсколькими словами о нуждахъ провинціальной печати и ея дѣятелей».

Печальный, почти безрезультатный конецъ первыхъ шаговъ по пути къ созданію писательскихъ организацій общественнаго характера сопровождался длиннымъ періодомъ застоя въ движеніи вопроса о созывѣ съѣзда писателей. Новымъ толчкомъ въ дѣлѣ послужило опять обстоятельство чрезвычайной важности—подготовка къ чествованію восьмидесятилѣтія Л. Н. Толстого. Въ Петербургѣ образовался «комитетъ почина». Къ этому времени страшная болѣзнь послѣ почти десятилѣтняго терзанія выпустила изъ своихъ когтей Г. К. Градовскаго, который какъ бы возсталъ изъ небытія, снова появился на дорогой для него аренѣ общественнаго служенія и на собраніи представителей столичной и провинціальной печати былъ выбранъ въ члены временнаго бюро по созыву перваго всероссійскаго съѣзда писателей.

На этотъ разъ представленіе временнаго бюро увѣнчалось

успѣхомъ, и оно получило согласіе правительства на созывъ съѣзда. Но отказъ Л. Н. Толстого отъ предложеннаго ему чествованія нѣсколько затормозилъ дѣло, вызвавъ прекращеніе существованія «комитета почина». Однако, находившіеся въ Петербургѣ представители печати все-таки рѣшили созвать съѣздъ, «чтобы условиться и сообща рѣшить, какъ отнестись къ 80-лѣтней годовщинѣ писателя». Рѣшено было созвать первый всероссійскій съѣздъ повременной печати для обсужденія слѣдующихъ главныхъ вопросовъ: 1) какъ самой печати наиболѣе достойно почтить день 80-лѣтія Л. Н. Толстого? 2) какая задача лежитъ на русской печати въ смыслѣ указанія наилучшихъ способовъ повсемѣстнаго ознаменованія этого радостнаго для Россіи дня безъ нарушенія воли великаго писателя? 3) на какія цѣли могъ бы быть предназначенъ сборъ пожертвованій въ фондъ имени Л. Н. Толстого, который надлежало бы открыть въ ближайшемъ будущемъ всѣмъ органамъ русской печати и завѣдываніе которымъ могло бы быть сосредоточено въ имѣющемъ образоваться литературномъ обществѣ имени Л. Н. Толстого?

Обращеніе объ этомъ къ редакціямъ періодическихъ изданій, академіи наукъ и всѣмъ литературнымъ учрежденіямъ, съ просьбою прислать на съѣздъ одного или нѣсколькихъ представителей, было подписано въ числѣ прочихъ членовъ бюро и Г. К. Градовскимъ.

Созванный временнымъ бюро съѣздъ состоялся въ С.-Петербургѣ 22—25 мая 1908 г.; желаніе участвовать въ немъ выразило свыше ста изданій, столичныхъ и провинціальныхъ. Почетными предсѣдателями были избраны: К. К. Арсеньевъ, А. Ѳ. Кони и В. Г. Короленко, предсѣдателями для всѣхъ общихъ засѣданій—М. М. Ковалевскій, П. Н. Милюковъ и М. М. Федоровъ. Генеральнымъ секретаремъ избранъ безъ баллотировки, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ всѣхъ присутствовавшихъ, Г. К. Градовскій. На съѣздѣ, кромѣ вопроса о чествованіи Л. Н. Толстого, разсмотрѣнъ цѣлый рядъ профессіональныхъ и организаціонныхъ вопросовъ. Для выполненія постановленій съѣзда избранъ постоянный комитетъ изъ 12 лицъ и въ числѣ ихъ—Г. К. Градовскій. Постановлено учредить литературный судъ чести въ составѣ семи лицъ, въ числѣ которыхъ были К. К. Арсеньевъ, В. Г. Короленко, С. А. Муромцевъ, Н. Ѳ. Анненскій, Г. К. Градовскій, С. А. Венгеровъ и Н. А. Морозовъ.

Въ концѣ съѣзда единодушно приняты два пожеланія: а) чтобы Россія получила, наконецъ, въ дѣйствительности свободу мысли и слова, обезпеченную печати манифестомъ

17 октября 1905 года, и русскіе читатели имѣли равное съ иностранными право пользоваться всѣми безъ изъятія произведеніями Льва Толстого и б) чтобы осуществилось человѣколюбивое ученіе нашего геніальнаго, чтимаго во всемъ мірѣ писателя и прекратились удручающіе насъ ужасы смертныхъ казней. Для приведенія въ исполненіе постановленій съѣзда и для созыва слѣдующихъ съѣздовъ былъ избранъ постоянный комитетъ.

Такъ закончилась увѣнчавшаяся своего рода побѣдой борьба прогрессивныхъ представителей литературно-общественнаго движенія съ властными препятствіями для развитія этого движенія.

Въ виду этого результата можно было надѣяться, что времена невзгодъ и преслѣдованій для прогрессивной русской печати, если не прошли совсѣмъ, то хотя смягчились въ извѣстной степени, и вольная мысль, надъ которой «Богу неугодны насиліе и гнетъ», восторжествуетъ, наконецъ, надъ игомъ безправія, и свободное слово могучей волной пройдетъ и разольется по необозримымъ пространствамъ родной земли.

Таковы могли быть—и у многихъ несомнѣнно появились—надежды на будущее.

Практика дѣла, однако, не вполнѣ оправдала эти надежды.

Избраннымъ на первомъ съѣздѣ комитетомъ, предсѣдателемъ котораго состоялъ Г. К. Градовскій, черезъ два года былъ созванъ второй всероссійскій съѣздъ писателей, но разрѣшеніе созыва съѣзда правительственной властью послѣдовало лишь при условіи исключенія изъ программы съѣзда пункта о правовомъ положеніи печати. Была отрѣзана наиболѣе важная часть цѣлаго, безъ которой съѣздъ утрачивалъ значительную долю своего общественнаго значенія.

Тѣмъ не менѣе, съѣздъ состоялся, но лишь послѣ того, какъ организаціонному комитету съѣзда, во главѣ котораго стоялъ Г. К. Градовскій, удалось преодолѣть огромныя трудности, созданныя для его осуществленія, главнымъ образомъ, исключеніемъ изъ программы основного вопроса «о правовомъ положеніи печати». Это изъятіе произвело расколъ въ литературной средѣ, раздѣливъ ее на сторонниковъ и противниковъ участія въ съѣздѣ. Къ лагерю противниковъ принадлежали такія вліятельныя и распространенныя прогрессивныя изданія столицъ, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русское Богатство», «Рѣчь», «Русскія Вѣдомости», и такія видныя литературныя организаціи.

какъ Литературный Фондъ и Московское общество дѣятелей періодической печати. Въ глазахъ противниковъ съѣзда урѣзка программы въ важнѣйшей ея части (кромѣ вопроса о правовомъ положеніи печати, исключенъ также пунктъ о драматической цензурѣ) настолько обезцѣнивала значеніе съѣзда, что на него не стоило идти. Поднявшійся по этому поводу принципіальный споръ, принявшій страстный характеръ, осложнился побочными элементами. Заговорили, что съѣздъ является «провокаціей». «Все, что выскажутъ участники съѣзда, будетъ кѣмъ-то записано и гдѣ-то учтено». «Это ловушка!.. Мы соберемся, а насъ разгонятъ», раздавались голоса. Стали распространяться слухи, будто крайнія лѣвыя группы, поддерживающія съѣздъ, идутъ туда съ цѣлями, чуждыми литературѣ, стремятся къ демонстраціи, намѣрены «взорвать» съѣздъ. Напрасно Г. К. Градовскій взывалъ къ представителямъ оппозиціи, спрашивая, почему пункты о правовомъ положеніи, если бы они формально остались въ программѣ, могли бы спасти съѣздъ отъ неожиданностей, случайныхъ зигзаговъ русской жизни,—отвѣта на это не послѣдовало, и противники съѣзда не сошли съ занятой ими позиціи.

Положеніе организаціоннаго комитета при этихъ условіяхъ являлось крайне затруднительнымъ и опаснымъ, и нужны были незаурядныя энергія и преданность дѣлу главнаго представителя комитета Г. К. Градовскаго, чтобы комитетъ могъ преодолѣть всѣ эти затрудненія и выйти побѣдителемъ изъ упорной, страстной и сложной борьбы.

Въ виду серьезной опасности для возможности осуществленія съѣзда, комитетъ рѣшилъ, независимо отъ газетной борьбы, произвести своего рода плебисцитъ — поименный предварительный опросъ редакцій и отдѣльныхъ писателей. Время, однако, не позволило использовать этотъ способъ, и комитетъ долженъ былъ ограничиться воззваніемъ въ газетахъ. Большой надежды на успѣхъ этого обращенія не могло быть, но оно являлось единственно возможнымъ средствомъ поставить вопросъ на общественную арену и получить правильное основаніе для выхода изъ создавшагося положенія.

Опытъ оказался удачнымъ. На обращеніе комитета сочувственно откликнулось настолько значительное число редакцій, учрежденій и отдѣльныхъ писателей, что дальнѣйшимъ сомнѣніямъ и неувѣренности не оставалось болѣе мѣста, и комитетъ рѣшилъ созвать съѣздъ въ концѣ апрѣля 1910 года.

Въ успѣхѣ съѣзда можно было быть увѣреннымъ ранѣе

полученія окончательныхъ результатовъ воззванія, потому что уже вскорѣ послѣ напечатанія въ газетахъ воззванія комитета, въ мартѣ 1910 года, число участниковъ съѣзда опредѣлилось въ количествѣ свыше 150, тогда какъ на первомъ съѣздѣ 1908 г. было всего съ небольшимъ 100 лицъ. Въ дальнѣйшемъ оказалось, что полное число участниковъ съѣзда опредѣлилось въ 317 человѣкъ.

Получивъ увѣренность, что съѣздъ можетъ состояться и при урѣзанной программѣ, Г. К. Градовскій, въ качествѣ предсѣдателя и уполномоченнаго комитета, заявилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что исключеніе изъ программы съѣзда пункта о правовомъ положеніи печати встрѣчено общимъ сожалѣніемъ, но участники съѣзда выражаютъ увѣренность, что это исключеніе не помѣшаетъ выясненію юридическихъ и правовыхъ условій печати при дѣловомъ обсужденіи всѣхъ остальныхъ вопросовъ программы съѣзда. На это заявленіе Г. К. Градовскій на слѣдующій же день, 19 марта, получилъ увѣдомленіе изъ министерства о неимѣніи препятствій къ созыву всероссійскаго съѣзда писателей на 22—29 апрѣля 1910 года.

Такимъ образомъ, Г. К. Градовскому удалось по существу отстоять для съѣзда право касаться и вопроса, формально исключеннаго изъ программы. Благодаря этому, казалось бы, расчищался путь ко вступленію въ «члены съѣзда» представителей оппозиціи, но такого вступленія не послѣдовало.

Съѣздъ, собравшійся въ небываломъ до того количествѣ представителей различныхъ общественныхъ теченій и политическихъ воззрѣній, бодро приступилъ къ выполненію лежащихъ передъ нимъ задачъ. Настроеніе поддерживалось особенно тѣмъ, что во главѣ дѣла стоялъ испытанный руководитель и боецъ, пользовавшійся общимъ довѣріемъ собравшихся. Всѣмъ было памятно недавнее выступленіе его на первомъ съѣздѣ, гдѣ онъ со свойственной ему энергіей и горячностью бичевалъ безправные порядки, угнетающіе печать, причиняющіе неисчислимыя страданія ея представителямъ и подвергающіе ихъ всѣмъ случайностямъ матеріальной необезпеченности. Только «застарѣлой ненавистью къ литературѣ и печати, раскрывающей очи народныя, пробуждающей людей отъ умственной спячки, обличающей зло, сѣющей «разумное, доброе, вѣчное», могъ объяснить онъ эти жестокіе порядки. «Государство, общество, народъ, — говорилъ онъ,—близко заинтересованы въ томъ, чтобы литература и печать стояли на высотѣ своего великаго призванія, и чтобъ представители ум-

ственнаго труда были дѣйствительно независимы и свободны». «Необходимо постоянно, неустанно разъяснять это, ради развитія и процвѣтанія литературы и печати, надо, чтобъ сами писатели не утрачивали вѣры въ з и ж д и т е л ь н у ю с и л у и д е й, мысленной работы».

«Великій стыдъ,—заканчиваетъ Г. К. свое обращеніе, — особенно для читателей, если они не уважаютъ своей литературы и не сознаютъ, что на нихъ лежитъ о б я з а т е л ь н ы й д о л г ъ позаботиться о свободѣ печати, о правильной постановкѣ литературнаго труда, о томъ, чтобы труженики печати были обезпечены въ старости или въ случаѣ инвалидности».

Такою же воодушевленностью и силой дышало и обращеніе Г. К. Градовскаго къ составу II съѣзда передъ его открытіемъ.

«Сегодня,—обращается онъ къ собравшимся, — осуществляется многолѣтнее желаніе, многолѣтняя потребность представителей русской литературы и печати. Сегодня мы могли бы повторить радостное восклицаніе знаменитаго драматурга нашего на московскомъ обѣдѣ 1880 года по поводу открытія памятника Пушкину:

— Нынче на нашей улицѣ праздникъ, господа!

Но... «къ сожалѣнію, мы не можемъ повторить этого восклицанія.

Не можемъ повторить потому, что въ самыя мрачныя времена реакціи, удручавшей Россію въ прошломъ вѣкѣ, русская литература и журналистика не находились въ болѣе тяжеломъ положеніи, нежели теперь.

Если общее положеніе литературы и печати неудовлетворительно, то это вѣрнѣйшій признакъ, что и общее положеніе страны ненормально...

Такое событіе, какъ съѣздъ русскихъ писателей, слѣдуетъ отнести къ числу отраднѣйшихъ признаковъ нашего возрожденія; но нельзя того же сказать о необходимости испрашивать разрѣшенія даже на столь полезное и необходимое проявленіе умственной дѣятельности и общественной жизненности.

Еще прискорбнѣе отсутствіе этого сознанія не только во вліятельныхъ сферахъ русскаго общества, но даже въ извѣстной части литературной среды.

Иные отрицаютъ даже самую мысль о возможности объединенія писателей и представителей этой среды во имя такихъ общихъ всѣмъ имъ интересовъ, какъ свобода мысли и слова,

законность и правосудіе, матеріальное обезпеченіе, борьба съ разнузданностью и продажностью.

Мы привѣтствуемъ, поэтому, ту часть просвѣщеннаго общества, которая любила и любитъ русскую литературу и благодаримъ присутствующихъ здѣсь представителей этого общества, почтившихъ открытіе нашего съѣзда своимъ вниманіемъ. Они понимаютъ, что русская литература призвана «сѣять разумное, доброе, вѣчное», что человѣколюбіе и милосердіе, правда-истина и правда-справедливость—основныя, неотъемлемыя достоинства идеальной русской печати и русской публицистики.

Этому честному, свѣтлому знамени послѣдуетъ и нашъ первый литературно-профессіональный съѣздъ».

При наличности очерченныхъ условій, съѣздъ имѣлъ достаточныя основанія не смущаться отсутствіемъ въ его составѣ представителей нѣкоторой, хотя бы и вліятельной части печати и литературы. Бодрость духа и вѣра въ плодотворность работы съѣзда находили точку опоры еще и въ обиліи внесенныхъ на съѣздъ докладовъ, посвященныхъ нуждамъ и потребностямъ печати и литературы. Постановка, разработка и освѣщеніе разныхъ сторонъ этого общаго вопроса представлены въ докладахъ многихъ авторовъ, причемъ нѣкоторые изъ авторовъ выступали съ нѣсколькими докладами. Впереди и здѣсь стоялъ неутомимый Г. К. Градовскій, внесшій пять докладовъ по основнымъ и другимъ весьма существеннымъ вопросамъ: объ организаціи съѣздовъ писателей, взаимодѣйствіи литературныхъ учрежденій, судѣ чести, отвѣтственности сотрудниковъ періодическихъ изданій, матеріальномъ обезпеченіи писателей. Важные вопросы трактовались въ докладахъ другихъ авторовъ: о матеріальной взаимопомощи среди писателей (Я. Н. Колубовскаго), о профессіональномъ органѣ печати для писателей (Д. А. Линева), объ отношеніяхъ между издателями и сотрудниками періодическихъ изданій (Л. З. Слонимскаго), о современныхъ журналахъ и ихъ сотрудникахъ (Е. В. Аничкова), о положеніи земской печати (П. К. Соколова), «къ статистикѣ печати» (Н. И. Іорданскаго), объ авторскомъ правѣ (В. В. Водовозова) и др. Всего было заслушано на съѣздѣ 29 докладовъ, изъ нихъ два, связанные съ именемъ Л. Н. Толстого: «о задачахъ Толстовскаго общества» (М. А. Стаховича) и «будущій домъ-музей Толстого и русскіе писатели» (В. Я. Муринова). Кромѣ того, три доклада не прочитаны, по болѣзни авторовъ и недостатку времени. По докла-

дамъ и въ связи съ ними вынесено 134 резолюціи, изъ коихъ въ одной постановлено назвать III-ій Всероссійскій съѣздъ — съѣздомъ имени В. Г. Бѣлинскаго и въ трехъ выражены (въ Комиссіи пяти, по докладу Я. Н. Колубовскаго) рекомендаціи членамъ съѣзда и другимъ писателямъ, вступать членами въ Кассу взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ и писателямъ, работающимъ на такихъ центрахъ, какъ Харьковъ, Казань, Тифлисъ, Саратовъ, Томскъ—учреждать отдѣленія Кассы и пожеланія, чтобы писатели приняли болѣе дѣятельное участіе въ усиленіи пенсіоннаго фонда Кассы и чтобы Касса распространила матеріальную взаимопомощь на всѣ возможные случаи въ жизни писателей, требующіе матеріальной поддержки. По одному изъ докладовъ Г. К. Градовскаго, относительно той же Кассы, постановлено: предложить литераторамъ вступать въ члены Кассы и издателямъ—отчислять ежегодно, по своему усмотрѣнію, опредѣленную обязательную сумму въ пользу Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Главными работами съѣзда въ смыслѣ наиболѣе широкаго общественнаго значенія являются: положеніе о съѣздахъ писателей, уставъ всероссійскаго общества писателей и положеніе о судѣ чести. Въ основу перваго и третьяго вопроса легли доклады Г. К. Градовскаго (о судѣ чести былъ также докладъ покойнаго Е. Г. Шольпа).

Общее заключеніе, которое можно сдѣлать о характерѣ и результатахъ работъ съѣзда, превосходно выражено въ рѣчи Г. К. Градовскаго передъ закрытіемъ съѣзда. Приводимъ эту рѣчь полностью:

«Сегодня заключительное собраніе съѣзда писателей.

Заключительное, но не п о с л ѣ д н е е. Мы имѣемъ полное право это сказать. Дѣло литературныхъ съѣздовъ мы упрочили вдвойнѣ. Мы наглядно доказали, что съѣздъ писателей необходимъ не только для разбросанной и разъединенной литературной среды, но государству, обществу, народу въ такой же мѣрѣ, въ какой необходимы человѣку и человѣчеству знанія, свобода мысли и слова, свобода обсужденія и широкая гласность. Мы твердо держали свѣтлое знамя русской литературы и публицистики и ни на минуту не измѣняли лучшимъ традиціямъ нашихъ знаменитыхъ предшественниковъ, незабвенныхъ умственныхъ вождей русскаго народа.

Правда и истина взяли верхъ. Польза и необходимость съѣздовъ писателей признана теперь всѣми сколько-нибудь безпристрастными людьми и газетами. Удовлетвореніе этой

важной потребности мы упрочили навсегда, выработавъ положеніе о съѣздахъ писателей. Положеніе это будетъ той правовой почвой, на которой получится возможность созыва будущихъ съѣздовъ.

Я не сомнѣваюсь, что «положеніе о съѣздахъ писателей» не встрѣтитъ препятствій. Моя увѣренность основана на тѣхъ же данныхъ, въ силу которыхъ я и печатно, и устно заявлялъ, что со стороны правительства не будетъ препятствій къ обсужденію правовыхъ вопросовъ, лежавшихъ въ основѣ каждаго вопроса нашей программы. Ни одинъ изъ докладовъ, свободно выработанныхъ нами, не былъ изъятъ изъ гласнаго и свободнаго обсужденія съѣзда. Всѣ толки и слухи о томъ, будто съѣздъ не болѣе, какъ «ловушка» или «провокація», оказались неосновательными.

Точно также дѣйствительность опровергла утвержденія, будто съѣздъ будетъ сорванъ одной изъ политическихъ партій.

Господа! Знаменитый сатирикъ нашъ считалъ, что высшее изъ званій—есть писатель.

Мы желали и желаемъ, чтобъ это помнилъ и свято соблюдалъ каждый изъ работниковъ печати. Отнынѣ, я убѣжденъ,— будутъ уважать и званіе члена съѣзда писателей.

Въ 1908 году я былъ почтенъ избраніемъ въ два организованныя тогда и преемственно связанныя съ нынѣшнимъ съѣздомъ учрежденія: въ Организаціонный Комитетъ и Судъ чести. Вся политика моя и устойчивость въ созывѣ съѣзда основаны были на неуклонномъ сознаніи, что оказанное мнѣ довѣріе я обязанъ оправдать.

Въ настоящее время я бы желалъ отдыха и предоставленія другимъ полной возможности потрудиться для дорогого мнѣ и всѣмъ намъ дѣла, съ болѣе молодыми и неутомленными силами».

Прекрасное заключеніе о работахъ съѣзда сдѣлано въ свое время однимъ изъ лицъ, принимавшихъ въ немъ близкое участіе.

Отмѣтивъ крайнюю исключительность въ смыслѣ неблагопріятности и высокую степень трудности условій, при которыхъ состоялся съѣздъ, авторъ выражаетъ удивленіе по поводу трудоспособности съѣзда и продуктивности его работъ. Съѣздъ не только выполнилъ все намѣченное, но и сдѣлалъ гораздо больше. Второй всероссійскій съѣздъ, по заключенію автора, былъ съѣздомъ объединенія писателей и организаціи ихъ силъ. Это было учредительное собраніе всероссійскаго союза писателей. Ни одно изъ пророчествъ бойко-

тистовъ не оправдалось. Съѣздъ вполнѣ удался. При всей своей дѣловитости съѣздъ ни на мгновеніе не забывалъ принципіальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ профессіональными интересами печати. Громко и смѣло звучала рѣчь Г. К. Градовскаго по поводу безправнаго положенія печати. Съѣздъ не остановился на организаціонной работѣ и попробовалъ заглянуть въ даль. Онъ намѣтилъ рядъ задачъ для слѣдующихъ съѣздовъ и забросилъ въ общественное сознаніе и въ профессіональную писательскую среду рядъ мыслей, положеній и предположеній.

Если бы правительство задержало съ утвержденіемъ намѣченныхъ формъ объединенія—все равно: онѣ намѣчены, разработаны и въ первую же благопріятную минуту войдутъ въ жизнь.

Идейное содержаніе работъ съѣзда чрезвычайно богато. Непримиримые бойкотисты, если они бойкотировали съѣздъ по принципіальнымъ мотивамъ, могли бы убѣдиться въ ошибочности своей упрямо-непримиримой позиціи. Но пока,—увы,—этого еще не случилось. Напротивъ, сдѣлано послѣднее усиліе дискредитировать съѣздъ именемъ Л. Н. Толстого; но и эта попытка втянуть въ скандалъ дорогое для всѣхъ насъ имя великаго писателя потерпѣла крушеніе. Авторитетныя разъясненія М. А. Стаховича и Г. К. Градовскаго и послѣднее заключительное слово въ этомъ грустномъ недоразумѣніи, сказанное комитетомъ съѣздовъ, исчерпало вопросъ и дало послѣдній отпоръ послѣдней напраслинѣ на съѣздъ *).

Относительно указаннаго эпизода, связаннаго съ именемъ Л. Н. Толстого, необходимо сказать особо нѣсколько словъ.

Дѣло касается письма Л. Н. Толстого къ Г. К. Градовскому по поводу второго съѣзда писателей. Письмо это было прочитано на съѣздѣ (М. А. Стаховичемъ) н е п о л н о с т ь ю, и изъ-за этого загорѣлся сыръ-боръ. Походъ начался на страницахъ «Рѣчи» и «Утра Россіи», но локализировался на столбцахъ первой. По адресу Г. К. Градовскаго было направлено обвиненіе въ сокрытіи существенной части письма Льва Николаевича. Основаніемъ для этого послужило письмо В. Г. Черткова. Комитетъ всероссійскихъ съѣздовъ счелъ себя обязаннымъ отозваться на возникшую по этому случаю полемику и опубликовалъ заявленіе, въ которомъ констатировалъ и удостовѣрилъ, что обвиненіе по обслѣдованію оказалось несоотвѣтствующимъ

*) «Вѣстникъ второго всероссійскаго съѣзда писателей», № 10, стр. 74—76, статья К. Ар.: «Итоги съѣзда».

дѣйствительности и лишеннымъ всякаго основанія. (Письмо Л. Н. Толстого, о которомъ идетъ рѣчь, полностью напечатано въ настоящемъ изданіи).

Разсмотрѣнный эпизодъ, несомнѣнно, имѣетъ связь, вообще, съ бойкотомъ съѣзда представителями части печати, и финалъ его, дѣйствительно, явился послѣднимъ ударомъ печально протекавшему и безрезультатно закончившемуся бойкоту.

На имени Г. К. Градовскаго волна этого мутнаго движенія не могла оставить и не оставила никакого слѣда.

Заслуги Г. К. Градовскаго въ качествѣ организатора второго и главнаго участника обоихъ съѣздовъ передъ русскими писателями велики, и исторія общественной культуры Россіи отведетъ этому выдающемуся дѣятелю на поприщѣ литературно-общественнаго служенія подобающее почетное мѣсто, а писатели сдѣлаютъ полезные для себя выводы изъ этой достойной высокаго уваженія дѣятельности.

В. Кузнецовъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ЯСНУЮ ПОЛЯНУ *).

I.

Совершенно неожиданно, въ первыхъ числахъ октября, мною было получено радушное приглашеніе побывать въ Ясной Полянѣ.

Понятно, съ какой радостью, въ назначенный день и часъ, я воспользовался этимъ приглашеніемъ. Въ моемъ возрастѣ и при сомнительномъ состояніи здоровья такія посѣщенія не откладываются. Чтобы уяснить, въ какомъ приподнятомъ настроеніи я предпринялъ эту поѣздку, достаточно указать, что мнѣ предстояло въ первый разъ видѣть «великаго писателя земли русской»...

Кому извѣстно, въ какой мѣрѣ я любилъ сызмала и люблю нашу литературу,—это лучшее выраженіе генія и достоинства русскаго народа,—тому естественно спросить: чѣмъ же объяснить столь запоздалое свиданіе при той общедоступности, на которую давно обреченъ Левъ Николаевичъ Толстой?

Затрудняюсь отвѣтить на этотъ вопросъ. Многихъ государственныхъ людей, военныхъ и гражданскихъ, умныхъ и бездарныхъ, благожелательныхъ и вредныхъ, приходилось мнѣ встрѣчать въ моей жизни; нѣтъ, кажется, сколько-нибудь извѣстныхъ писателей или ученыхъ второй половины минувшаго вѣка, съ которыми я не былъ бы знакомъ; но до октября текущаго года мнѣ не удавалось видѣть, хотя бы издали, Льва Николаевича Толстого. Однажды, казалось, представлялся удобный случай. Это было въ началѣ 1895 года, во время подачи извѣстнаго «прошенія писателей» о свободѣ мысли и печати. Я

*) Своей поѣздкѣ въ Ясную Поляну Г. К. Градовскій посвятилъ нѣсколько очерковъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» за 1909 г. Здѣсь мы даемъ статью покойнаго публициста въ значительно дополненной и исправленной имъ самимъ редакціи.

Ред.

ѣздилъ въ Москву и собиралъ дополнительныя подписи къ этому прошенію отъ московскихъ прогрессивныхъ писателей. Былъ поводъ побывать у автора «Войны и мира». Въ литературныхъ «воспоминаніяхъ» моихъ объ этомъ записано: «Мнѣ сказали, что Левъ Николаевичъ противъ всякихъ просьбъ и обращеній къ правительству; но, можетъ быть, его и удастся уговорить ради общаго дѣла. Не знаю, чѣмъ кончились эти уговоры и даже были ли они, но подписи знаменитаго нашего писателя нѣтъ у «петиціи» о подчиненіи печати лишь закону и суду. Извѣстно, что Л. Н. Толстой судиться не любитъ и просить о «судебныхъ скорпіонахъ», очень вѣроятно, не пожелалъ». А черезъ 1½ года послѣ этого случая я заболѣлъ и въ теченіе десяти лѣтъ находился безнадежно въ царствѣ мертвыхъ.

Какъ бы то ни было, поѣздка въ Ясную Поляну явилась для меня однимъ изъ счастливѣйшихъ событій моей возродившейся жизни. Я совершалъ литературное паломничество.

Девятичасовой скорый поѣздъ Николаевской желѣзной дороги былъ биткомъ набитъ «октябристами», когда я выѣхалъ въ Ясную Поляну. Это было 3-е октября, болѣе напоминавшее 3-е іюня, нежели радостный день 17-го октября 1905 года. Въ одномъ купэ со мною сидѣли, а потомъ и лежали, три «октябриста». Они же занимали почти всѣ остальныя мѣста двухъ вагоновъ. Передавали, что въ поѣздѣ находится и вождь ихъ А. И. Гучковъ. Настроеніе ѣхавшихъ далеко не соотвѣтствовало «правящей партіи» и предстоявшему съѣзду.

Въ коридорѣ я встрѣтился со старымъ знакомымъ, членомъ Г. Думы, тоже октябристомъ и тоже ѣхавшимъ на московскій съѣздъ. Онъ затащилъ въ свое купэ, и разговоръ зашелъ о печати. Я воспользовался случаемъ, чтобы упрекнуть 3-ю Г. Думу современнымъ положеніемъ нашихъ «свободъ». Не только ничего до сихъ поръ не сдѣлано для осуществленія обѣщаній, торжественно возвѣщенныхъ 17-го октября и подкрѣпленныхъ «основными законами», но никогда мысль русскаго народа и гласность не находились въ худшихъ, въ болѣе шаткихъ и произвольныхъ условіяхъ.

Одинъ изъ октябристовъ счелъ умѣстнымъ кольнуть меня въ самое чуткое мѣсто.

— Вотъ вы говорите о значеніи печати да о великихъ заслугахъ литературы... А въ чьихъ рукахъ находится печать, если даже не считать враждебныхъ, инородческихъ?.. Что же касается до литературы, то иныя произведенія стыдно въ руки взять, нельзя женщинамъ и дѣтямъ дать... И даже,—позволяю

себѣ откровенно заявить,—самъ вашъ Толстой въ нашемъ Бузулукскомъ уѣздѣ принесъ много вреда во время голода, буквально развратилъ крестьянъ своими пособіями, даровой кормежкой...

«Бузулукскими» доводами, конечно, трудно было обезоружить и даже удивить стараго публициста. Чуть не полстолѣтія слышалъ я подобныя рѣчи отъ крѣпостниковъ, отъ бюрократовъ и реакціонеровъ, въ родѣ Побѣдоносцева, отъ всѣхъ взяточниковъ и заинтересованныхъ въ прикрытіи злоупотребленій и «неправды черной». Я напомнилъ господамъ октябристамъ, что при задавленной мысли и безгласности мы тридцать лѣтъ, въ цѣлое царствованіе, служили игралищемъ совершенно чуждой внѣшней политики и безсознательно дошли до крымскаго погрома, утраты флота, уступки территоріи, воображая себя, въ оффиціальныхъ сферахъ, на высотѣ полнаго благополучія и военной мощи. При подобныхъ же условіяхъ, полвѣка спустя, мы втянулись и въ дальне-восточныя приключенія.

— Взываю къ вашей любви къ отечеству,—закончилъ я свои уговоры.—Постыдно, что русской литературѣ и печати приходится завидовать даже Болгаріи, Сербіи или Румыніи. Такое положеніе не только позорно, но и крайне опасно. Всѣ недостатки печати нарождаются и множатся въ неволѣ, во времена реакціи, а при свободѣ и свѣтѣ исчезаютъ или перерабатываются въ ней самой, безъ помощи «судебныхъ скорпіоновъ».

Азбучныя истины, давно усвоенныя всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ, едва ли оказались убѣдительными для многихъ случайныхъ слушателей.

Поѣздъ подходилъ къ Москвѣ. Мы распрощались, и на разставаніи я съ удовольствіемъ узналъ, что одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ оказался вліятельнѣйшимъ и наиболѣе дѣятельнымъ членомъ Государственной Думы изъ партіи октябристовъ.

Въ Москвѣ до отхода курскаго поѣзда, оставалось три часа. Я воспользовался этими часами, чтобъ прокатиться по древней столицѣ.

Болѣе 12 лѣтъ не бывалъ я въ Москвѣ. Разомъ бросалось въ глаза, какъ она перестроилась, прикрасилась. Есть и «декадентскіе» уродливые дома; но многія громадныя зданія привлекаютъ своей внѣшностью, явственно, внушительно говорятъ о богатствѣ, о торговой силѣ, зажиточности, купечествѣ «сердца Россіи». Къ сожалѣнію, общее впечатлѣніе много портится безобразными вывѣсками, среди которыхъ прячутся часто

даже своеобразные московскіе храмы, какъ исчезли съ главныхъ улицъ и прежніе «особнячки».

Мой возница очень охотно называлъ нежданно появлявшіяся среди новыхъ домовъ древнія церкви и кривые переулки и повезъ черезъ Китай-городъ на Красную площадь и въ Кремль.

Безъ сомнѣнія, я вспомнилъ: «кто, гордецъ, не сниметъ шапки у святыхъ Кремля воротъ». Съ давно неиспытаннымъ теплымъ чувствомъ исполнилъ я этотъ вѣковой обрядъ, установленный неписаннымъ народнымъ закономъ, нѣмымъ повелѣніемъ, вразумительно говорящимъ, что имѣются высшія начала, для всѣхъ и каждаго обязательныя, что нигдѣ не существуетъ и не можетъ существовать «неограниченности и неограничимости». И мнѣ радостно и пріятно было снять шапку совмѣстно съ извозчикомъ, съ простымъ рабочимъ и ремесленникомъ, съ какимъ-то чиновнымъ лицомъ, проѣзжавшимъ въ богатой коляскѣ, и съ проходившимъ офицеромъ, со всѣми, кто очутился въ эту минуту подъ древними сводами. Пріятно было со всѣмъ народомъ еще разъ, сознательно, добровольно исполнить и еще разъ подкрѣпить старый-престарый обычай нашихъ предковъ. Съ такимъ же чувствомъ толпился я и въ Иверской часовнѣ, уступая дорогу городовому, который на колѣняхъ благоговѣйно прикладывался къ чудотворной иконѣ. Тутъ въявь ощущалось равенство, и оно никого не обижало.

Около полудня я былъ уже опять на московско-курскомъ вокзалѣ, гдѣ происходили такіе сердечные проводы Л. Н. Толстого, и поѣздъ быстро помчалъ меня къ Тулѣ и къ станціи Щекино, отъ которой всего семь верстъ до Ясной Поляны.

II.

Первая остановка послѣ Тулы и есть та станція Щекино, на которой мнѣ надо было выйти, вмѣсто болѣе извѣстной всему грамотному люду Засѣки. На платформѣ толпилось много народа, которому, какъ всегда кажется, на маленькихъ станціяхъ нѣтъ другого дѣла, кромѣ тщательнаго осмотра одиноко высадившагося проѣзжаго, обреченнаго доставлять подобныя развлеченія. Два или три носильщика и столько же подводчиковъ бросились ко мнѣ и къ моимъ вещамъ; но другіе люди со значками охладили это усердіе и быстро провели меня черезъ грязноватую и темную комнату на подъѣздную сторону, гдѣ около крыльца поджидалъ гостепріимно высланный за мною экипажъ.

Мнѣ чувствовалось, что обаяніе имени Толстого окружило меня уже на этой станціи, какъ сказывалось оно и ранѣе, на всемъ пути, едва кондукторъ или кто-либо изъ пассажировъ по билету или изъ разспросовъ, узнавалъ что передъ нимъ человѣкъ, ѣдущій къ великому писателю.

Черезъ минуту пара сильныхъ, рослыхъ, вороныхъ быстро несла меня по шоссе, параллельно желѣзной дорогѣ. Не успѣлъ я одуматься и выкурить послѣднюю сигару (я зналъ, что съ этимъ зельемъ надо разстаться), какъ мы свернули влѣво, на мягкій проселокъ. Небо было менѣе звѣздное. Сердце трепетало все сильнѣе и сильнѣе, точно въ молодые, далекіе годы, когда послѣ долгой разлуки ожидаешь встрѣчи съ родными, въ родномъ гнѣздѣ. Но мимолетно примѣшивалось и тревожное чувство, какъ бы не сдѣлать какой-либо неловкости, не причинить малѣйшаго безпокойства. Я давалъ себѣ слово не разспрашивать, ничему не мѣшать, не разыгрывать гостя, который притязаетъ, чтобы его «занимали», такъ или иначе съ нимъ «возились». Мнѣ хотѣлось все мое нетерпѣніе, всю мою жажду видѣть Толстого, всю мою любознательность обуздать безграничнымъ почтеніемъ къ «великому писателю земли русской»; утишить, ограничить непрерывнымъ сознаніемъ, что болѣе, нежели когда-либо, надо оберегать его здоровье, что каждая отнятая у него минута невознаградимая, непростительная утрата для литературы, для всего человѣчества. Всѣ тѣ нравственныя и умственныя богатства, которыя я ожидалъ получить въ Ясной Полянѣ, я обрекалъ на волю случая, предоставлялъ усмотрѣнію самихъ хозяевъ, такъ радушно меня пригласившихъ.

Незамѣтно въѣхали мы въ большое село. По обѣимъ сторонамъ довольно широкой улицы тянулись разной величины домики, изрядной высоты и размѣровъ, иные подъ желѣзными крышами; всѣ съ ярко свѣтящимися, большими окнами въ три стекла.

— Что это за село?—спросилъ я кучера, молодого, привѣтливаго парня.

— А это и есть Ясная Поляна.

— Такъ мы уже пріѣхали?

— Такъ точно, усадьба за селомъ.

Мнѣ казалось, что Ясная Поляна болѣе походитъ на пригородъ или зажиточное мѣстечко, нежели на обычную деревню, съ подгнившими и почернѣлыми избами. Кучеръ былъ изъ Ясной Поляны.

За селомъ, при спускѣ подъ гору, густая стѣна высокихъ деревьевъ застлала небосклонъ, стало темнѣе. Я успѣлъ, однако,

разглядѣть двѣ башенки, хорошо знакомыя по фотографіямъ, какъ бы сторожившія въѣздъ въ сторону усадьбы. Проѣхали плотину, съ прудомъ налѣво, и по длинной, прикрытой древесными вѣтвями, аллеѣ подъѣхали къ дому, тоже всѣмъ извѣстному. Я узналъ его, съ двумя этажами, съ балконами и галлереями, съ площадками и газонами, точно много лѣтъ и сто разъ бывалъ здѣсь.

III.

Едва успѣлъ я снять пальто въ передней, какъ на лѣстницѣ показалась видная, быстрая въ движеніяхъ, не молодая, но далеко еще не старая дама, съ привѣтливой улыбкой, съ протянутой рукой. Меня встрѣтила графиня Софья Андреевна Толстая.

Нѣсколько словъ, звуковъ ея голоса было достаточно, чтобы утихли всѣ мои тревоги и исчезла щекотливость перваго знакомства. Привычная, врожденная свѣтскость и искренность С. А. произвели обычное чарующее впечатлѣніе.

— Можетъ быть, вамъ угодно пройти въ свою комнату, а Левъ Николаевичъ ждетъ васъ наверху... Обѣдъ готовъ,—добавила графиня, когда я, по старинѣ, поцѣловалъ ей руку и поблагодарилъ за ея письмо, за приглашеніе, за встрѣчу.

Наскоро переодѣвшись, я поднялся наверхъ и вошелъ въ большую залу, гдѣ былъ накрытъ столъ. Прямо противъ двери, справа отъ Софьи Андреевны, сидѣлъ Левъ Николаевичъ Толстой. Я быстро подошелъ. Онъ всталъ и, протягивая руку, сказалъ нѣсколько словъ, за точность которыхъ не поручусь, но смыслъ ихъ былъ тотъ, что онъ радъ познакомиться; но опасается, что мои ожиданія чрезмѣрны и не оправдаются.

Мнѣ казалось, что Левъ Николаевичъ боится, какъ бы я его не замучилъ разспросами. Я отвѣтилъ, что счастливъ уже однимъ видомъ его, осуществленіемъ давней моей мечты.

Мое мѣсто было съ противоположной стороны, противъ хозяина и возлѣ хозяйки Ясной Поляны. Съ этой минуты завязался оживленный, непринужденный разговоръ, какъ будто всѣ мы были давно знакомы. Графиня представила меня дочери Александрѣ Львовнѣ, подругѣ ея и доктору Маковецкому.

Если меня спросятъ, какія кушанья подавались, какіе напитки были предложены и, вообще, станутъ допрашивать о чемъ-либо вещественномъ и домашнемъ, въ родѣ сервировки или скатерти, о чемъ такъ много мѣста отводятъ въ иныхъ «литературныхъ» воспоминаніяхъ, особенно женскихъ,—то я заранѣе отказываюсь отвѣчать. Все было прекрасно, все отвѣ-

чало самымъ придирчивымъ требованіямъ, давно всѣмъ извѣстнымъ нравамъ и взглядамъ нашего геніальнаго писателя и «учителя жизни».

На сколько позволяло приличіе, я не спускалъ глазъ съ Льва Николаевича. Онъ былъ въ зимней, черной блузѣ, съ чернымъ, кожанымъ поясомъ, въ обычныхъ простыхъ сапогахъ съ виднѣвшимися голенищами. По внѣшности, это было единственное лицо, не отвѣчавшее обстановкѣ. Это была большая зала, съ окнами съ двухъ сторонъ, съ громадными портретами лучшихъ живописцевъ, современными и старыми, извѣстными по выставкамъ, съ роялемъ, множествомъ книгъ на столахъ, не успѣвшихъ еще упрятаться въ библіотечные шкафы, и съ двумя амфиладами комнатъ, параллельно идущими изъ этой залы въ глубинѣ помѣстительнаго каменнаго дома, гдѣ гости и родные могутъ безъ стѣсненія жить по недѣлямъ и мѣсяцамъ, а хозяева не мѣнять своихъ привычекъ и занятій. Но можно ли остановиться на внѣшности, на одеждѣ Льва Николаевача, когда слышишь его голосъ, привѣтливый, мягкій, иногда съ легкимъ отзвукомъ юмора, или даже шутки, или когда находишься подъ притягательной силой его добрыхъ, блестящихъ еще глазъ, въ которыхъ такъ и свѣтятся правда, прямота, сердечность. Подъ такимъ чарующимъ вліяніемъ не только нельзя удивляться, какимъ образомъ очутился въ барской обстановкѣ этотъ опростѣлый старый мужичокъ, но ищешь и оглядываешься, гдѣ размѣстились музы и всѣ эмблемы славы, генія, мудрости.

Вопреки опасеніямъ, вызваннымъ извѣстіями объ обморочныхъ припадкахъ, вслѣдствіе московскихъ проводовъ, Левъ Николаевичъ выглядѣлъ бодро, а скорая походка его нисколько не говорила объ усталости. Несмотря на возникшія было и проникшія въ газеты тревожныя извѣстія, мною вынесены очень утѣшительныя впечатлѣнія о его здоровьѣ.

Надо замѣтить, что по поводу московскихъ событій въ Ясной Полянѣ проявляется нѣкоторое различіе въ оцѣнкѣ. Графиня Софья Андреевна видитъ въ нихъ подтвержденіе тѣхъ опасеній, съ которыми она противилась предположенной было поѣздкѣ Льва Николаевича въ Стокгольмъ на международный съѣздъ мира. Неизбѣжныя на съѣздѣ и на пріемахъ волненія и въ особенности морской переѣздъ могли бы крайне пагубно отразиться на здоровьѣ Льва Николаевича. Софья Андреевна была очень довольна, что стокгольмскій съѣздъ не состоялся; но московскія нежданныя манифестаціи въ честь Льва Николаевича доставили самое отрадное впечатлѣніе, были самымъ свѣтлымъ явленіемъ, теплымъ, радостнымъ лучемъ среди

суровой обыденности и тѣхъ непріятностей, которыя чинились въ послѣдніе годы «великому писателю земли русской». Выражаю, однако, и такое мнѣніе, что даже ласка увлекающейся, восторженной толпы представлялась крайне грознымъ явленіемъ, что были минуты, когда казалось—эта ласка раздавитъ въ своихъ объятіяхъ любимаго писателя, что не удастся его провести сквозь тысячи народа, волны котораго безсознательно набѣгали на самихъ себя, на передніе ряды, не зная, что дѣлалось впереди. Какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ, все обошлось благополучно, и раздавшійся въ Москвѣ «гласъ народа» оставилъ въ Ясной Полянѣ глубокое и прекраснѣйшее впечатлѣніе.

IV.

Левъ Николаевичъ много разспрашивалъ меня о М. М. Стасюлевичѣ, по поводу недавняго его чествованія, и вспоминалъ, какъ М. М. писалъ ему, однажды, въ видѣ шутливаго упрека, что Л. Н. все-де «гарцуетъ на конѣ» въ деревнѣ. Толстой, повидимому, не зналъ, что М. М. Стасюлевичъ на два года старше его и родился тоже 28 августа. Съ особымъ участіемъ справлялся Левъ Николаевичъ и объ участи А. М. Хирьякова и съ грустью удостовѣрился, что ему не миновать годового заключенія за какія-то вины «по дѣламъ печати».

— Вотъ вы всю жизнь сражались съ цензурой,—обратился ко мнѣ Левъ Николаевичъ:—какъ же вамъ удалось избѣгнуть этой участи?

— Право не знаю,—отвѣтилъ я.—Можетъ быть, потому, что я юристъ. Отъ административныхъ и цензурныхъ репрессій натерпѣлся много въ области мысли и слова, но не лично. Я никогда не безпокоилъ суды, и меня никто не тянулъ туда, ни власти, ни частные люди. А въ настоящее время, можетъ быть, меня считаютъ слишкомъ старымъ и безвреднымъ. Случалось, однако, что за мои статьи налагались штрафы тѣми людьми, которые были въ кадетской курточкѣ или въ гимназическомъ мундирчикѣ, когда я писалъ о томъ же, что имъ представляется теперь опаснымъ или вредоноснымъ.

Заинтересовался Левъ Николаевичъ и основанной мною Кассой взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, по поводу ея временнаго закрытія, на основаніи ложныхъ свѣдѣній о ней; мнѣ довольно трудно было въ краткихъ словахъ изложить ея основанія, которыя съ перваго взгляда всегда представляются не ясными и довольно сложными. Но всего внимательнѣе отнесся Левъ Николаевичъ къ моей долговременной болѣзни

и нежданному выздоровленію. Когда я сказалъ, что не могъ отличить дѣйствительно происходившаго отъ болѣзненной грезы, отъ тяжелаго, страдальческаго сна, Левъ Николаевичъ подтвердилъ, что нѣчто подобное испытывалъ и онъ самъ.

— А что же врачи?—спросилъ онъ.

— Въ послѣднія шесть лѣтъ я вовсе не лѣчился, а когда въ Кіевѣ лѣчили мою больную душу, то я допекалъ самозванныхъ и очерствѣлыхъ въ своемъ ремеслѣ практикантовъ, съ сонмомъ грубыхъ и невѣжественныхъ слушателей,—разспросами: не могутъ ли они указать, гдѣ находится душа, и если она не въ пяткахъ, то какъ они, позитивисты, берутся врачевать то, чего не видятъ, о чемъ имѣютъ самыя смутныя понятія. Я только и сталъ оправляться, когда вырвался изъ частной доходной лѣчебницы,—прибавилъ я.

Левъ Николаевичъ, повидимому, очень остался доволенъ моимъ разсказомъ и выводами. Онъ сочувственно поддакивалъ, когда я старался передать, какія невыносимыя, тягостныя сомнѣнія испытывалъ я, опасаясь, что разучился писать, что забылъ все, что зналъ и читалъ, что навсегда зарытъ живымъ въ могилу, обреченъ быть безполезной, невыносимой тяготой для людей, для земной жизни, не свершивъ въ ней ничего, достойнаго доброй памяти.

Графиня Софья Андреевна, присутствовавшая при этой бесѣдѣ, заявила, что Льву Николаевичу иногда приходила тревожная мысль о психической болѣзни, и она давала ему обѣщанія ни подъ какимъ предлогомъ не отдавать его въ больницу или на произволъ врачей.

Но само собою разумѣется, что есть врачи и врачи, сами болѣющіе отъ невозможности помочь всѣмъ и каждому.

Есть и болѣзни, въ которыхъ опытная медицинская наука и хирургическое искусство дѣлаютъ чудеса, сравнительно съ прежнимъ знахарствомъ. Благополучный исходъ многихъ недуговъ и постоянное, дружеское присутствіе врача въ Ясной Полянѣ служатъ явнымъ тому доказательствомъ.

Справедливо лишь, что за каждымъ завоеваніемъ науки открываются еще новыя области незнанія. Все еще остается истиной, что «на свѣтѣ есть много такого, что и не снилось мудрецамъ».

V.

Ясно-полянскій залъ напомнилъ мнѣ чрезвычайно уютную и привлекательную комнату въ дачной мѣстности около Петербурга, гдѣ могли собираться всѣ члены семьи и гости, не мѣшая

другъ другу и занимаясь каждый своимъ дѣломъ, для бесѣды, для чтенія и музыки.

Особенно уютнымъ мѣстомъ въ этомъ залѣ является тотъ уголъ, гдѣ находится большой круглый столъ, на которомъ по вечерамъ горитъ высокая лампа съ большимъ абажуромъ.

«За круглымъ столомъ» мы и бесѣдовали послѣ обѣда. Вѣроятно, многіе изъ посѣтителей Ясной Поляны знаютъ этотъ столъ и навсегда сохранятъ въ памяти все, что тутъ говорилось или читалось.

Послѣ приведенной уже мною бесѣды Левъ Николаевичъ, повидимому, нѣсколько утомился; онъ ушелъ въ свой кабинетъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы освѣдомиться у графини Софьи Андреевны, какъ она относится къ описаніямъ или отчетамъ о пребываніи въ Ясной Полянѣ?

Мое положеніе было и щекотливое, и отвѣтственное. Я не желалъ быть какимъ-то соглядатаемъ, чинить своего рода сыскъ или развѣдку, чтобы потомъ доставить «любопытный матеріалъ» для газетъ и ихъ читателей, не справляясь съ желаніями радушно принявшихъ меня хозяевъ. Но, съ другой стороны, на мнѣ, какъ на писателѣ, лежала обязанность подѣлиться съ безчисленными почитателями Толстого моими впечатлѣніями, всѣмъ тѣмъ, что во мнѣ самомъ, въ моемъ умѣ и сердцѣ, прибыло во время моего свиданія съ величайшимъ современнымъ человѣкомъ. Хотя послѣ многочисленныхъ жизнеописаній и той богатой, обширной литературы, которая существуетъ на всѣхъ языкахъ о Толстомъ и образовалась при участіи самыхъ замѣчательныхъ людей, очень трудно сказать что-нибудь новое, неизвѣстное, но все же, можетъ быть, и запоздалое слово пригодится. Малѣйшая черта, или подробность, относящаяся къ такой личности, имѣетъ извѣстную цѣнность. Меня станутъ спрашивать, и я долженъ буду отвѣчать.

Графиня Софья Андреевна, быстро и не задумываясь, освободила меня отъ всѣхъ сомнѣній.

— О, вѣдь мы живемъ, какъ въ фонарѣ. Чего только о насъ не пишутъ и не говорятъ! Мы давно привыкли и къ критикѣ, и къ правдѣ, и даже къ самымъ враждебнымъ, злобнымъ и выдуманнымъ сообщеніямъ, толкамъ, пересудамъ. А вѣдь, вы н а ш ъ, — добавила Софья Андреевна, — не правда ли, вы н а ш ъ?

Конечно, этотъ очаровательный отвѣтъ, дружески, довѣрчиво звучавшій, превысилъ всѣ мои ожиданія. Я всегда былъ и х ъ, вмѣстѣ со всѣми истинными представителями русской и всеобщей литературы, съ тѣхъ поръ, какъ еще въ молодости

читалъ и потомъ много разъ перечитывалъ любимѣйшія произведенія величайшаго художника слова и психолога, умѣющаго такъ просто писать и такъ глубоко захватывать самыя сложныя явленія и личной, и общей, русской, и общечеловѣческой жизни; Толстой пишетъ просто, но всегда знаетъ, для чего работаетъ его перо. Оно всегда служило и служитъ высокой, идеальной цѣли.

Будучи государственникомъ и не принадлежа къ «толстовцамъ», я вполнѣ понимаю и сознаю, что такой писатель, геніальный и правдивый мыслитель, такой добросовѣстный изслѣдователь, вѣчно учащійся, неустанный искатель истины,—не можетъ быть безстрастнымъ зрителемъ и участникомъ существующихъ соціальныхъ и политическихъ неправдъ. Нѣтъ такой страны, гдѣ бы царило полное довольство и не было бѣдствій, которыя по злой иронiи именуются «существующимъ порядкомъ» и охраняются весьма часто еще болѣе несправедливыми, неразборчивыми средствами. Легко понять, почему Толстой «не можетъ молчать». Сколько-нибудь безпристрастные люди не могутъ не почитать его, какъ самаго талантливаго, самаго отзывчиваго, пламеннаго, любвеобильнаго, благожелательнѣйшаго писателя. Иной, не Толстой, давно успокоился бы и почилъ на лаврахъ всемірной славы; но нашъ Толстой, не погибнувъ преждевременно, какъ Пушкинъ,—доживъ до нашихъ дней, не можетъ успокоиться. Онъ мыслитъ и будетъ мыслить. Помимо такихъ умственныхъ вождей человѣчество не двигалось бы къ лучшему и одичало бы въ страшной анархіи и звѣрствѣ, въ противорѣчіе съ зиждительной вѣрой, что человѣкъ созданъ «по образу и подобію Божію».

Я чистосердечно, убѣжденно подтвердилъ Софьѣ Андреевнѣ:

— Да, я в а ш ъ!..

VI.

Упреждая мое любопытство, Софья Андреевна показала мнѣ альбомъ, гдѣ собираются и наклеиваются газетныя статьи и иллюстраціи, имѣющія какое-либо отношеніе къ Толстому. Все это предназначается для музея, гдѣ хранятся рукописи, письма и тому подобные матеріалы «толстовской литературы». Попадаютъ сюда даже корректуры иныхъ непоявившихся почему-либо въ печати,—легко догадаться почему,—статей о Толстомъ. Будущіе историки литературы и современной жизни не разъ возблагодарятъ за подобныя собранія. На основаніи

ихъ могутъ быть сдѣланы цѣлыя «открытія» и станетъ яснымъ многое изъ того, что затемнено теперь ложью, боязнью, иной разъ злобой или враждою, а чаще всего закоренѣлымъ ослѣпленіемъ и застарѣлымъ неуваженіемъ къ родной литературѣ.

Не менѣе пріятную узналъ я новость (по крайней мѣрѣ, для меня она новость). Сама графиня Софья Андреевна ведетъ свой дневникъ и пишетъ «воспоминанія». Этотъ драгоцѣнный матеріалъ, имѣющій и самостоятельное значеніе, явится важнѣйшимъ дополненіемъ къ жизнеописанію великаго писателя. Готово уже четыре тома. Софья Андреевна обѣщала ознакомить меня когда-нибудь хотя съ нѣкоторыми выдержками изъ своихъ записокъ. Само собою разумѣется, что обнародованіе ихъ предназначено для будущаго времени, когда наша современность обратится, можетъ быть, въ далекое прошлое.

Надо полагать, что всѣ просвѣщенные люди порадуются этому извѣстію и отдадутъ должную справедливость вѣрной спутницѣ Льва Николаевича Толстого, такъ бережно, неустанно охраняющей жизнь и здоровье «великаго писателя земли русской». Это далеко не обычное явленіе. Вспомнимъ, какія «спутницы» были даже у такихъ геніевъ, какъ Петръ Великій и его не менѣе великій пѣснопѣвецъ, и какъ несчастны были въ любви или въ семейной жизни Тургеневъ, Гейне, Лассаль и многія другія знаменитости. Ксантиппа встрѣчается чаще, нежели Бавкида.

Графиня Софья Андреевна вѣдаетъ всѣ хозяйственныя и матеріальныя заботы и попеченія. Основная цѣль ихъ сводится къ тому, чтобы избавить Льва Николаевича отъ всѣхъ житейскихъ мелочей, предоставить ему полную свободу творчества, умственной дѣятельности, въ томъ религіозномъ и отчасти аскетическомъ направленіи, которое знаменуетъ годы, посвященные «ученію о жизни».

Софья Андреевна занята теперь еще однимъ весьма важнымъ дѣломъ. Она предприняла новое, исправленное изданіе полнаго собранія художественныхъ сочиненій Льва Николаевича, которыя не отданы были въ общее пользованіе. Въ новомъ изданіи всѣ произведенія будутъ свѣрены съ рукописями. Извѣстно, что при господствѣ цензуры приходилось дѣлать много уступокъ этому коренному врагу литературы и мучителю писателей. Этотъ неумолимый и вѣчно заблуждающійся врагъ, создающій Булгариныхъ и Меньшиковыхъ и налагавшій руку на все живое, идеальное и талантливое, причинялъ тягчайшее «горе отъ ума»,—лишалъ насъ несмѣтныхъ умственныхъ и художественныхъ богатствъ. Вмѣшивались и издатели, воображая себя лучшими судьями, нежели авторы, то подъ давленіемъ

страха за свое «предпріятіе», то подъ вліяніемъ узкой нетерпимости и кружковщины. Чѣмъ скорѣе появится новое, полное, провѣренное и исправленное изданіе беллетристическихъ сочиненій Толстого, тѣмъ лучше. Левъ Николаевичъ и слышать не хочетъ о личномъ своемъ содѣйствіи новому изданію. Онъ отрекся отъ беллетристики и, какъ говорятъ, недоволенъ, когда упоминаютъ при немъ даже о «Войнѣ и мирѣ», хотя типы этого геніальнаго романа до сихъ поръ живы; я самъ зналъ, встрѣчалъ ихъ въ «освободительную войну».

При своемъ нынѣшнемъ настроеніи Левъ Николаевичъ, пожалуй, сталъ бы передѣлывать свои старыя произведенія. Пришлось бы спасать эти художественныя драгоцѣнности отъ него самого. Софьѣ Андреевнѣ, какъ собственницѣ ихъ, помогаетъ въ предпринятой ею трудной и отвѣтственной работѣ старшій сынъ, постоянно живущій въ Москвѣ.

Кончился первый день моего пребыванія въ Ясной Полянѣ. Прощаясь съ Софьей Андреевной, я справился о мѣстныхъ порядкахъ, о неписанномъ уставѣ этой резиденціи великаго таланта. С. А. ложится поздно, посвящая много часовъ своимъ письменнымъ занятіямъ, перепискѣ. Л. Н. встаетъ въ 8 час. утра и идетъ гулять. Въ это время его избѣгаютъ безпокоить. Онъ любитъ одинокія прогулки, отдается своимъ мыслямъ, что-нибудь обдумываетъ, статью ли или отвѣтъ на какой-нибудь письменный запросъ по важному предмету. Онъ самъ выходитъ въ залъ въ обычные часы къ семьѣ, къ посѣтителямъ, къ завтраку, послѣ полудня, къ обѣду въ 6 часовъ и вечеромъ, и уходитъ къ себѣ, когда устаетъ или желаетъ работать. Попрежнему Левъ Николаевичъ часто ѣздитъ верхомъ и особенно подвиженъ и общителенъ въ ясные, хорошіе дни. По дорогамъ ѣздить не любитъ.

Лѣтомъ или осенью какая-нибудь вѣтвь задѣнетъ или заросшій травою пень попадетъ подъ ногу лошади, а зимой подвернется занесенная снѣгомъ канава или невидимая яма. Кто любитъ верховую ѣзду, кому случалось пускать во всю мочь коня на охотѣ или на войнѣ, тотъ пойметъ, почему Левъ Николаевичъ избѣгаетъ скучныхъ, проторенныхъ, заѣзженныхъ дорогъ и предпочитаетъ ѣзду напрямикъ, по невидимымъ дорожкамъ, среди невѣдомыхъ полей, гдѣ ближе къ природѣ, къ лѣсной чащѣ, къ нетронутой первобытности.

Въ такой лихой ѣздѣ сказывается прежняя молодая удаль и, можетъ быть, отыскивается аналогія съ необычайной прямотой,

мужествомъ и силой воли, благодаря которымъ великій писатель порвалъ съ свѣтскими привычками, «опростился», сблизился съ народомъ и съ истинно-рыцарской доблестью, самоотверженно отстаиваетъ свои страдальчески выработанные взгляды, свои ученія и ведетъ миролюбивую, но неуклонную идейную борьбу со зломъ и неправдой.

VII.

Утромъ 5-го октября солнце сіяло ярко, привѣтливо. Отъ легкаго приморозка не осталось и слѣда; развѣ гдѣ-нибудь въ тѣни подъ сѣдымъ налетомъ ежилась еще потускнѣвшая трава. Тянуло въ паркъ, гдѣ гулялъ уже Левъ Николаевичъ; но я зналъ, что въ это время нельзя его безпокоить.

Привѣтливая прислуга пригласила меня наверхъ, гдѣ ждали меня чай и кофе.

У этихъ напитковъ хозяйничалъ докторъ Маковецкій. Это во многихъ отношеніяхъ замѣчательная личность. Онъ родомъ словакъ, говоритъ свободно по-русски, но съ замѣтнымъ акцентомъ, похожимъ на чешскій выговоръ. Пріѣхалъ онъ изъ Австріи, въ качествѣ поклонника нашего писателя, на нѣсколько дней и живетъ въ Ясной Полянѣ вотъ уже семь лѣтъ, въ качествѣ преданнѣйшаго друга и врача.

Я не видѣлъ никогда болѣе мрачной, молчаливой, опечаленной, точно механической муміи. Еще вчера въ приподнятомъ настроеніи я не выдержалъ и обратился къ нему съ участливымъ вопросомъ:

— Докторъ, что вы все молчите? Вамъ нездоровится?

Онъ былъ блѣдный, съ желтизной, имѣлъ болѣзненный видъ.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчалъ онъ.

Дѣйствительно, «ничего». Я слышалъ потомъ, какъ отъ его шутокъ, вѣроятно, въ резонерскомъ тонѣ, раздавался веселый, звонкій женскій хохотъ, заразительно доносившійся изъ отдаленныхъ комнатъ. За чаемъ онъ мнѣ разсказалъ, что ѣздилъ на родину, въ Австрію, навѣстить больного отца. Этому родителю 86 лѣтъ, и онъ выздоровѣлъ. Если сынъ проживетъ столько же, то за его судьбу нечего безпокоиться.

Вслѣдствіе этой поѣздки докторъ Маковецкій не сопровождалъ Льва Николаевича въ Москву и къ Черткову и не присутствовалъ при тѣхъ болѣзненныхъ обморокахъ, которые такъ всѣхъ встревожили по возвращеніи въ Ясную Поляну. На

разспросы докторъ подтвердилъ мое впечатлѣніе, что въ настоящее время ничего угрожающаго нѣтъ.

Докторъ Маковецкій является наглядным показателемъ той силы притяженія, которой обладалъ Толстой и вся окружающая его среда. Вокругъ него образовалась цѣлая толпа «вѣрныхъ», иногда даже фанатичныхъ поклонниковъ. Инымъ хочется «пострадать за него», другіе надоѣдаютъ, стараются такъ или иначе «использовать» далеко разлетѣвшуюся славу великаго писателя. Докторъ собирался идти въ яснополянскую деревню, гдѣ онъ оказываетъ врачебную помощь. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы упомянуть о тѣхъ неблагопріятныхъ толкахъ и слухахъ, которые ходили въ прошломъ году. Докторъ горячо опровергалъ ихъ, заявляя, что это самая зажиточная деревня во всей окружности. То же говорили мнѣ и другіе, какъ до пріѣзда въ Ясную Поляну, такъ и на обратномъ пути. Никакихъ «курныхъ избъ», никакихъ признаковъ бѣдности и обнищанія я не замѣтилъ. Напротивъ, деревня производила очень хорошее впечатлѣніе.

VIII.

Извѣстнымъ сплетникамъ, презрѣннымъ хамелеонамъ и Собакевичамъ всегда хочется очернить все, что возвышается надъ ними, надъ ихъ похотями и низменными инстинктами.

Ничѣмъ нельзя такъ порадовать ихъ, какъ малѣйшими намеками или подозрѣніями, что и лучшіе люди также ничтожны, порочны и злобны, какъ они сами.

Не стѣснялся же г. Меньшиковъ откликнуться на «полицейское недоразумѣніе», постигшее «Литературный фондъ» и «Кассу взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ», цѣлымъ фельетономъ, гдѣ самое наглое самохвальство безобразно перемѣшано было съ самой скверной ложью, съ подлой, плохо прикрытой цѣлью подорвать, уничтожить эти учрежденія.

Для вожделѣній Булгариныхъ еще недостаточно тѣхъ невзгодъ, которыя угнетаютъ русскую печать и русскихъ писателей.

Похваляясь своимъ безучастіемъ и скупостью въ дѣлѣ пособій обнищалымъ вдовамъ и сиротамъ журналистовъ, г. Меньшиковъ осмѣлился утверждать, что только бездарность и неудачники испытываютъ нужду и требуютъ прилично организованной помощи, въ видѣ пенсій и застрахованія на случай инвалидности и смерти. Самъ г. Меньшиковъ, видите-ли, торговалъ и продавался очень успѣшно, наслаждался счастьемъ и

свободой, когда вся Россія бѣднѣла и доходила до смуты и распада въ длительные, мрачные годы реакціи; самыя богатыя изданія гибли отъ удушья и произвола Побѣдоносцевыхъ; сотни убѣжденныхъ, вѣрныхъ своимъ идеаламъ журналистовъ, писателей и ученыхъ обрекались на безработицу, попадали въ больницы, случалось, даже умирали отъ голода; но г. Меньшиковъ блаженствовалъ, жирѣлъ и наживался. Чего же еще надо Россіи, русской литературѣ?

Страдаютъ, гибнутъ, бѣдствуютъ Достоевскіе. Но это, по утвержденіямъ г. Меньшикова, — исключеніе. Всѣ остальные не болѣе, какъ бездарности, неудачники, не умѣющіе во-время перевернуться, приспособиться къ господствующему теченію, поддакивать всему тому, что неизбѣжно ведетъ къ старому, извѣданному злу. Если они даже погибнутъ, то Булгаринымъ станетъ просторнѣе, очистится болѣе мѣста для «талантливой» мерзости и для грязной наживы продажныхъ перьевъ.

Вотъ съ такими же изысканно-извращенными, растлѣнными чувствами, утративъ стыдъ и совѣсть, всѣ ренегаты прогресса и «коренныхъ реформъ» отпраздновали 80-лѣтнюю годовщину рожденія Толстого. Прилипнувъ къ толпѣ фанатиковъ и заблудшихся черносотенцевъ, они постарались нанести какъ можно болѣе непріятностей и огорченій маститому, величайшему современному писателю. Весь міръ, всѣ народы чествовали Толстого; могли-ли Меньшиковы, рептиліи и вся эта реакціонная тля не поусердствовать, не подслужиться въ противоположномъ направленіи, хорошо оплачиваемомъ и преуспѣвающемъ, къ сожалѣнію, у насъ «наперекоръ стихіямъ», несмотря на самые вразумительные уроки исторіи и печальной дѣйствительности.

При такихъ-то условіяхъ и пущена была въ ходъ сплетня о бѣдственномъ положеніи Ясной Поляны. Правда, перестарались и иные изъ чрезмѣрно «услужливыхъ друзей» своими предложеніями «о выкупѣ» и увѣреніями, будто для этого готовы даже иностранные капиталы.

Г. Меньшиковъ утверждаетъ явную ложь, ругаетъ «жидовъ», а ничего иного не читающіе невѣжды восхищаются: «Ахъ, какъ ловко, какъ остроумно»! Хамелеонъ предлагаетъ самыя варварскія, давно осужденныя или самыя глупыя, никуда негодныя «мѣропріятія», жестокія кары и разлагающія государство націоналистическія преслѣдованія, сочиняетъ общества сыска и доноса, а шатающіеся во всѣ стороны «дѣятели» даже въ своихъ опроверженіяхъ расшаркиваются: очень-де жаль, что при такой талантливости, по дошедшимъ не вполнѣ

точнымъ свѣдѣніямъ, могутъ быть дѣлаемы не вполнѣ правильные выводы...

Давно извѣстно, что «всякій глупецъ находитъ еще большихъ глупцовъ, которые имъ восхищаются». Однако же, тысячную статью въ «Новомъ Времени» пришлось отпраздновать лишь самому г. Меньшикову. Это было знаменательное, единогласно выраженное почтеніе. Кромѣ самого г. Меньшикова, никто не поздравилъ болтливаго хамелеона.

Извѣстно, что г. Меньшиковъ долго притворялся пламеннымъ приверженцемъ Толстого, своего рода апостоломъ «толстовства». Даже свои «письма къ ближнимъ» онъ сталъ печатать въ ореолѣ христіанскихъ идей Толстого. Теперь г. Меньшиковъ, пользуясь свободной и обширной аудиторіей, предоставленной ему услужливой на всѣ лады газетой, сбросилъ свою овечью шкуру и предсталъ во всей наготѣ своего безстыдства, звѣрства и коренного невѣжества. Онъ воспѣваетъ крѣпостничество, подслуживается къ богатымъ, сильнымъ и властнымъ и считаетъ «ближними» только искателей нечистоплотной наживы и Собакевичей, родственныхъ ему по духу. Сколько-нибудь основательнаго образованія г. Меньшиковъ не получилъ, изъ подсовываемыхъ ему книжекъ и «записокъ» черпаетъ свою мудрость безъ всякаго разбора и съ безцеремонностью Ноздрева и хлестаковской лживостью. При необычайной безсердечности г. Меньшиковъ «собственнымъ умомъ» дошелъ лишь до навязыванія Россіи всякихъ жестокостей, до приглашеній подражать варварствамъ Абдулъ-Гамида. Онъ восторженно восхвалялъ и рекомендовалъ мудрость и успѣхи стараго турецкаго режима чуть не наканунѣ того дня, когда режимъ этотъ позорно рухнулъ. Неудавшееся пророчество тупоумнаго прислужника деспотизма и диктатуръ ни мало не смутило ни совѣтчика, ни тѣхъ глупцовъ, которыхъ онъ поучаетъ. Онъ продолжаетъ раскрывать свою волчью пасть, чтобъ восхвалять жестокости и висѣлицы. Несмотря на безчисленныя казни, преступленія все множатся и все болѣе и болѣе отличаются необычайной дикостью и звѣрствомъ, совершенно подстать нравственному уровню рептилій, а услужливый и вертлявый хамелеонъ приплетаетъ къ этимъ ужасамъ, къ посѣвамъ и плодамъ многолѣтняго зла, имя великаго писателя, самоотверженно, стойко служившаго миру, братской любви, милосердію. По поводу одного варварскаго убійства, лицемѣрно негодующій, подобный же варваръ, растлѣвающій умы и души своихъ читателей, восклицаетъ:

— Когда этихъ господъ полиція, наконецъ, схватитъ, и

законъ (?) пошлетъ на висѣлицу, гр. Л. Н. Толстой закричитъ на весь міръ отъ жалости: не могу молчать, не убій!..

Меньшиковъ, дерзающій подсказывать Толстому!.. Что говорилъ и говоритъ въ подобныхъ случаяхъ великій писатель, извѣстно всему грамотному и сколько-нибудь добросовѣстному міру. И если бы даже г. Меньшиковъ зажарилъ убійцъ на медленномъ огнѣ и скушалъ ихъ публично, въ циркѣ или на рынкѣ, подобно своимъ дикимъ предкамъ, — то не только Толстой, не только истинный христіанинъ, но и каждый добрый и логически мыслящій человѣкъ сказалъ бы: зло зломъ не истребить; избавьте народъ отъ этихъ пагубныхъ зрѣлищъ, уберите подальше эту омерзительную прожорливую гіену, притязающую вразумлять и назидать щегольствомъ въ злобѣ и соперничествомъ съ обезумѣвшими выродками человѣчества, загубленными водкой, невѣжествомъ, бѣдностью, всѣми неправдами болѣзненнаго соціальнаго строя.

Разбойниковъ, случалось, воспѣвали въ легендахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, романахъ и выводили, какъ героевъ, въ операхъ. Стенька Разинъ, Ринальдо-Ринальдини, Фра-Дьяволо извѣстны каждому. Но чтобъ кто нибудь согласился пожать руку палачу, восхвалять самоотверженныя услуги его людскому правосудію, или ловкость, съ которой онъ надѣваетъ петлю и рубитъ головы; чтобъ кто нибудь не отшатнулся въ ужасѣ отъ исполнителя прежнихъ «торговыхъ казней», когда людей засѣкали кнутомъ или забивали палками (шпицрутенами)—этого никогда не было, нигдѣ не видано. Вотъ такая же разница между убійцей-преступникомъ, даже самымъ ужаснымъ, и негодующимъ Меньшиковымъ, лживо и дерзко бросающимся съ звѣрски оскаленной пастью на величайшаго писателя, къ которому онъ притворно прежде прислуживался. Никто и нигдѣ не восхищался и тѣми старухами, которыя подбрасывали дрова въ костры для еретиковъ. Ни Абдулъ-Гамидъ, ни недавній африканскій усмиритель возстанія, ни павшее подъ напоромъ общественнаго мнѣнія испанское «твердое» правительство, разстрѣлявшее Ферреро, — не стяжали и не стяжаютъ почета и славы мудрецовъ, хотя бы тысячи Меньшиковыхъ расшаркивались передъ подобными оберегателями безопасности и представителями законности.

Человѣчество лучше, добрѣе, зорче, нежели это кажется соучастникамъ палачей и нарушителямъ заповѣди: «не убій». Среди литературныхъ учрежденій нѣтъ мѣста Меньшикову, и отъ его руки уже давно отшатываются, какъ и Тургеневъ пре-

зрительно отстранился на Пушкинскомъ праздникѣ 1890 года отъ руки Каткова.

О г. Меньшиковѣ — объ этомъ «ех-толстовцѣ» въ Ясной Полянѣ уже не говорятъ. Отравленный, зараженный воздухъ, однако, долго еще оставляетъ свои слѣды.

IX.

Къ завтраку, послѣ полудня, въ большомъ залѣ опять все ожило. Къ вчерашнему малочисленному обществу прибавился еще одинъ гость. Пріѣхалъ изъ Москвы талантливый піанистъ, профессоръ московской консерваторіи, г. Гольденвейзеръ. Онъ тоже принадлежитъ къ числу почитателей и друзей Л. Н. Толстого и каждое лѣто живетъ на дачѣ вблизи Ясной Поляны. Его принимаютъ, какъ своего, близкаго человѣка.

Левъ Николаевичъ вернулся съ прогулки бодрымъ, съ оживленнымъ цвѣтомъ лица, съ блестящими, сіяющими глазами, какъ сіяло въ тотъ день небо. Никакихъ признаковъ усталости не замѣчалось. Разговоръ завязался около той работы, которая обычно кипитъ въ Ясной Полянѣ.

Каждый день со всѣхъ концовъ свѣта получаются письма и книги, а иной разъ и посылки съ разнаго рода «вещественными знаками невещественныхъ отношеній», — какъ прекрасно выразился Гончаровъ. Писемъ почта приноситъ, среднимъ числомъ, около тридцати въ день. Ихъ надо прочесть, разобрать по сортамъ, отложить требующія отвѣта и выдѣлить въ особенности тѣ, на которыя Левъ Николаевичъ желаетъ отвѣтить лично. Подобная же классификація совершается и съ книгами. Всѣ онѣ записываются, иныя откидываются для просмотра, а остальныя попадаютъ въ многочисленные шкафы, размѣщенные по всему дому.

Двѣ комнаты отведены для писемъ и письменныхъ занятій. Еще недавно въ нихъ работалъ, въ качествѣ секретаря, Н. Н. Гусевъ, а теперь трудятся Александра Львовна и ея подруга. Съ ихъ позволенія я осмотрѣлъ эту литературную лабораторію, предназначенную для облегченія всемірныхъ сношеній «великаго писателя земли русской» и для распространенія его «ученій о жизни». Всѣ стѣны заняты полками, со множествомъ раздѣленій, наполненными пачками уже отработанныхъ писемъ. Текущей, еще незаконченной перепиской завалены столы. Я попросилъ Александру Львовну, усердно, сердечно несущую почетный трудъ при ея геніальномъ отцѣ, и ея подругу показать мнѣ одно письмо (о немъ будетъ еще рѣчь впереди). Мнѣ

немедленно отыскали это письмо съ конвертомъ и вложеннымъ въ него черновымъ отвѣтомъ, написаннымъ собственноручно Львомъ Николаевичемъ.

Письмо было отъ крестьянина и касалось религіозныхъ сомнѣній и вопросовъ. Извѣстно, что почеркъ Льва Николаевича необычайно еще твердъ, крупенъ и разборчивъ; но рукописи его, со множествомъ передѣлокъ и поправокъ, обличая быстрое, вдохновенное творчество, чудесно соединенное съ тщательной, всесторонне обдуманной обработкой, очень часто представляютъ трудно читаемыя (для непривычнаго глаза) гвоздеобразныя письмена. Въ «лабораторіи» онѣ переписываются (въ настоящее время при посредствѣ машины) и отправляются по назначенію въ благообразномъ, четкомъ видѣ, а подлинники, «оригиналы», — какъ говорится на типографскомъ языкѣ, — хранятся. Дальнѣйшій путь этого, ежедневно нарастающаго рукописнаго труда заканчивается теперь въ музеѣ, образовавшемся временно въ Москвѣ, по почину графини Софьи Андреевны Толстой. Впослѣдствіи, надо надѣяться, все это культурное и историко-литературное богатство сдѣлается достояніемъ открытаго въ Петроградѣ общества имени Толстого, когда осуществится положенная въ основу его мысль о сооруженіи спеціальнаго литературнаго дома-музея въ честь великаго писателя.

Изъ яснополянской «литературной лабораторіи», — какъ мною названы эти двѣ комнаты, — я вышелъ съ тѣмъ чувствомъ глубочайшаго уваженія, которое понятно для каждаго просвѣщеннаго человѣка, а тѣмъ болѣе для писателя или историка, и которое возникаетъ всякій разъ при посѣщеніи ученаго или просвѣтительнаго учрежденія. По счастью, въ яснополянскую «лабораторію» еще не заглядывало «недреманное око», въ избыткѣ неудачной подозрительности; но изъ нея вырванъ и увезенъ, невѣдомо «за что и почему», въ такъ называемомъ, «административномъ порядкѣ», — безъ слѣдствія и суда, главный, привычный, крайне необходимый труженикъ.

По моему глубочайшему убѣжденію, «престижъ власти», не говоря уже о конституціи и «правовомъ порядкѣ», — много выигралъ бы, если бы въ Ясную Поляну былъ возвращенъ главный сотрудникъ геніальнаго, во всемъ свѣтѣ чтимаго писателя. Н. Н. Гусевъ обреченъ на бѣдствія и мучительное бездѣйствіе въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ Пермской губерніи; не лучше-ли, не полезнѣе-ли ему трудиться въ Ясной Полянѣ во имя культурной, у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ

высоко цѣнимой цѣли? Рѣшительно не могу примириться съ мыслью, чтобы правительству и государству было достойно и въ какомъ-либо отношеніи выгодно напрасно карать Гусева и огорчать великаго писателя, осложнять труды послѣднихъ годовъ его жизни.

По своей любви къ родинѣ Левъ Николаевичъ не можетъ и не хочетъ покинуть Россію; но нельзя вообразить какое-либо государство, которое отказалось бы отъ чести оказать ему самое широкое гостепріимство.

А у насъ родину-мать превращаютъ въ злую мачеху!

Я спрашивалъ Льва Николаевича, и онъ мнѣ отвѣтилъ коротко и ясно:

— Ни въ какихъ «революціяхъ» Гусевъ не повиненъ. Это ни съ чѣмъ не сообразное подозрѣніе.

Возможно ли не вѣрить свидѣтельству Льва Толстого! Слово его — истина.

Чтобы ярче обрисовать это повѣствованіе, разскажу о фактѣ, какъ нарочно набѣжавшемъ въ Ясную Поляну во время моего пребыванія.

X.

Явился урядникъ — человѣкъ, по всѣмъ отзывамъ, добропорядочный и навыковъ гоголевскихъ Держиморъ не проявляющій.

Онъ предъявилъ, въ видѣ открытаго полицейскаго объявленія, отъ имени крапивенскаго уѣзднаго исправника (Ясная Поляна находится въ Крапивенскомъ уѣздѣ, Тульской губ.) чрезвычайно характерную бумагу. Привожу ее цѣликомъ, во всей ея неприкосновенности, чтобы въ Петроградѣ, изъ столичнаго далека, вѣдали, что дѣлается именемъ правительства и государства, поблизости отъ Москвы, даже относительно лицъ достойныхъ особаго уваженія или хотя бы нѣкоторой осмотрительности.

Прошу не забывать, что бумага эта не выдумка, не сатирическій шаржъ, предназначенный для юмористическаго листка. Привожу ее отъ слова и до слова, съ точностью, приличествующей оффиціальному документу.

Секретно.

М. В. Д.
ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА
г. Тулы.
12 сентября 1909 г.
№ 911.

Тула.

Крапивенскому уѣздному
исправнику

Прошу ваше высокоблагородіе предложить графу Льву Николаевичу Толстому, не пожелаетъ ли его сіятельство уплатить 4 р. 50 коп. за снятіе фотографическихъ карточекъ съ бывшаго секретаря его сіятельства, рязанскаго цехового Николая Николаевича Гусева, иначе означенное количество денегъ будетъ взыскано съ Гусева; при этомъ считаю не лишнимъ присовокупить, что расходъ по фотографированію велъ начальникъ крапивенской уѣздной тюрьмы г-нъ Муромцевъ. О послѣдующемъ пожеланіи его сіятельства не откажите меня увѣдомить.

И. д. полицеймейстера *фонъ-Вернеръ.*

Небольшая бумажка, но какова рисуемая ею бытовая картинка, иллюстрація полицейскихъ «неусыпныхъ трудовъ», государственныхъ, «секретныхъ» дѣлъ и «существующаго незыблемаго строя!..»

«Фотографированіе велъ» и, вѣроятно, не въ первый разъ начальникъ крапивенской тюрьмы г-нъ Муромцевъ; «велъ», надо полагать, не въ качествѣ любителя, а по казенной надобности; а его сіятельству, безъ малѣйшаго законнаго основанія, предлагается уплатить за это тюремное упражненіе неизвѣстно кѣмъ опредѣленное «количество денегъ». Предлагается въ видѣ «пожеланія». Но если 4 руб. 50 коп. разсматриваются, какъ пожертвованіе въ пользу тюремнаго начальства, то почему же не относятся къ его сіятельству непосредственно, въ общепринятой вѣжливой формѣ? Эта вѣжливость соблюдается между г. полицеймейстеромъ г. Тулы и его высокоблагородіемъ крапивенскимъ исправникомъ, узнающимъ «секретно» отъ тульской полиціи о фотографическомъ искусствѣ тюремнаго начальства въ г. Крапивнѣ; но самъ крапивенскій исправникъ не считаетъ для себя умѣстнымъ лично снестись съ графомъ Толстымъ, передаетъ «секретно» бумагу становому приставу съ надписью, и, въ концѣ концовъ, эта «государственная тайна», въ видѣ открытаго полицейскаго объявленія, черезъ урядника, передается въ Ясную Поляну, напрасно безпокоитъ писателя и еще разъ наноситъ ему больной уколъ угрозой взыскать «означенное количество денегъ» съ неимущаго со-

сланнаго, которому назначено на пропитаніе по 6 руб. въ мѣсяцъ.

Неужели у полиціи нѣтъ болѣе важнаго дѣла, какъ затѣвать подобнаго рода «переписку», изводить напрасно казенную бумагу и обременять подчиненныхъ излишнимъ трудомъ? Удивительно ли, что при столь сложной дѣятельности секретное «дѣло», возбужденное въ Тулѣ 12-го сентября, приползло въ Ясную Поляну лишь 4-го октября? Вмѣшательство туда, куда не надо, и запаздываніе тамъ, гдѣ, дѣйствительно, требуются «быстрота и натискъ», представляютъ обычное свойство плохой полиціи.

Но и самая совершенная полиція, не имѣющая ничего общаго съ Азефами или съ извѣстными московскими и кіевскими начальниками «сыскныхъ отдѣленій»,—легко извратитъ свое назначеніе, если въ странѣ, въ теченіе десятковъ лѣтъ, дѣйствіе закона и суда замѣняется «исключительными положеніями». Въ данномъ случаѣ проявляется одно изъ послѣдствій этой «исключительности». Не было законныхъ основаній снимать фотографическія карточки съ г. Гусева, какъ-съ административно-ссыльнаго; совершенно незаконно было держать его въ тюрьмѣ. Уѣзднымъ властямъ, какъ видно, не пришло даже на мысль, что фотографированіе, помимо согласія, является однимъ изъ унизительнѣйшихъ насилій надъ личностью. Произвольное же взысканіе даже малаго «количества денегъ» за такое насиліе представляетъ одно изъ послѣдствій укоренившагося обывательскаго безправія, своего рода глумленіе надъ законопроектомъ объ «обезпеченіи личности» и другими дѣяніями «работоспособной» Государственной Думы.

Левъ Николаевичъ, при моемъ полномъ сочувствіи, отказался исполнить «пожеланіе» тульскаго полицеймейстера, невѣдомо почему заботящагося объ оплатѣ фотографическихъ работъ крапивенскаго тюремнаго начальника. При этомъ выражена была увѣренность, что и Н. Н. Гусевъ избавится отъ сочиненнаго въ Тулѣ налога, какъ не предусмотрѣннаго дѣйствующимъ государственнымъ бюджетомъ. Мнѣ передавали, что Н. Н. Гусевъ намѣренъ отказаться отъ казеннаго пособія въ 6 руб. въ мѣсяцъ; слѣдовательно, и фотографическій расходъ покроется.

Оказывается, что положеніе ссыльныхъ крайне непріятно осложняется именно казеннымъ пайкомъ. Мѣстные крестьяне упрекаютъ ихъ дармоѣдствомъ, хотя оно и вынужденное. Крестьяне никакъ не могутъ осмыслить, что казна платитъ за бездѣйствіе, за ничегонедѣланіе, да еще людямъ, въ чемъ-то

виновнымъ, что-то совершившимъ. Недоумѣваютъ, почему же не выдаются «способія» и безработнымъ туземцамъ и, вообще, вольнымъ людямъ, ни къ какой «неблагонадежности» непричастнымъ. По ходячимъ свѣдѣніямъ, число административно-ссыльныхъ простирается до 100.000 человѣкъ; если на нихъ расходуется лишь по 6 руб. въ мѣсяцъ, то годовой расходъ казны на это дѣло,—весьма сомнительное по пользѣ и, несомнѣнно, противорѣчивое «правому порядку», — простирается до 7.200.000 рублей.

Одна ненормальность порождаетъ другую, за одной ошибкой тянется непрошенно и нежданно другая. Цѣлое литературное учрежденіе было обвинено и закрыто за помощь «политическимъ», впавшимъ въ нужду, безработицу, даже за скромныя пособія ихъ женамъ и дѣтямъ; а сама казна тратитъ значительныя суммы на спасеніе отъ голода административно-ссыльныхъ, оторванныхъ «усмотрѣніями», помимо суда, отъ своего дѣла. Кажется, вполнѣ человѣколюбиво, а мѣстное населеніе вдается въ соблазнъ, требуетъ и себѣ «способія», дарового пайка.

XI

Мною уже переданы подробности о той трудной работѣ, которую доставляютъ письма, во множествѣ получаемыя въ Ясной Полянѣ. Левъ Николаевичъ не безъ юмора, благодушно обрисовалъ мнѣ главнѣйшее содержаніе этихъ писемъ и распредѣлилъ ихъ по отдѣламъ, установилъ классификацію этой переписки.

Мною записана эта «классификація» въ тотъ же день, при помощи Софьи Андреевны, въ такомъ видѣ:

1) Письма п р о с и т е л ь н ы я, распадающіяся на два подотдѣла: а) о деньгахъ и б) о покровительствѣ, пріисканіи мѣстъ и т. п. Это самая значительная категорія.

2) Письма съ р у к о п и с я м и, съ желаніемъ узнать мнѣніе, получить одобреніе, содѣйствіе въ напечатаніи.

3) Письма б р а н н ы я, очень часто съ грубѣйшими ругательствами, безсодержательныя и анонимныя.

4) Письма объ а в т о г р а ф а х ъ, портретахъ, иной разъ съ «хитрецой», чтобъ добиться отвѣта и этимъ путемъ получить болѣе длинный автографъ, нежели обычная подпись или надпись «на память».

5) Письма о с о в ѣ т а х ъ и н а з и д а н і я х ъ въ житейскихъ затрудненіяхъ, брачныхъ дѣлахъ, въ религіозныхъ и

философскихъ вопросахъ и сомнѣніяхъ, въ важнѣйшихъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ столкновеніяхъ.

Наибольшее вниманіе и главнѣйшую, личную работу Льва Николаевича вызываютъ, безъ сомнѣнія, письма послѣдней категоріи... На общіе вопросы онъ отвѣчаетъ печатно, статьями, брошюрами, разсказами. На личные вопросы и сомнѣнія даются письменные отвѣты, большею частью въ переписанномъ видѣ. Особымъ уваженіемъ пользуются письма простыхъ людей, крестьянъ, которыхъ, какъ и дѣтей, Толстой горячо любитъ и цѣнитъ часто гораздо болѣе иныхъ «ученыхъ» за доброту, за здравый смыслъ и неиспорченную душу, воспріимчивую къ «закону Бога».

— Если на конвертѣ надписано: «Толстову», а не Толстому, то я знаю уже, что пишетъ крестьянинъ, что брани тутъ не будетъ, и что надо отвѣтить,—сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ.

Я упомянулъ уже объ одномъ, видѣнномъ мною, «крестьянскомъ» письмѣ. Въ немъ излагаются сомнѣнія, вызванныя понятіями о Богѣ, о существѣ его и будущей жизни, и задается вопросъ, чѣмъ объясняется желаніе смерти не подъ вліяніемъ отчаянія, а въ надеждѣ на лучшее и вѣчное.

Левъ Николаевичъ отвѣтилъ на письмо крестьянина 4-го октября, т. е. въ день моего прибытія въ Ясную Поляну. Мнѣ очень желалось ознакомиться съ этимъ отвѣтомъ. Левъ Николаевичъ исполнилъ мою просьбу и вручилъ мнѣ слѣдующую копію со своего отвѣта:

«Отвѣтомъ на послѣдній вашъ вопросъ думаю, что отвѣчу и на недоумѣнія, которыя высказаны въ началѣ письма. Вы спрашиваете, почему я «жду этого конца съ удовольствіемъ, такъ какъ жизнь моего «я» и должна прекратиться съ этимъ».

Жду съ удовольствіемъ, потому что сущность жизни человѣческой есть сознаніе въ себѣ божественнаго начала, которое въ этой жизни заключено въ предѣлы тѣлесной личности. Самая же жизнь есть постепенное разрушеніе этихъ предѣловъ и увеличиваніе блага освобожденія отъ нихъ, отъ предѣловъ. Освобожденіе же это совершается перенесеніемъ, посредствомъ увеличивающейся любви, сознанія своей жизни изъ личности въ божественное начало своего «я». Смерть же есть полное освобожденіе, и потому въ извѣстномъ возрастѣ и при извѣстномъ душевномъ состояніи она можетъ быть желательной.

Посылаю вамъ книгу «На каждый день», изъ которой вы

ясно поймете мои взгляды, вообще, и о смерти (въ 29 и 30 числахъ)».

Это образецъ той переписки, которую ведетъ Левъ Николаевичъ съ тѣми, кто любитъ и чтитъ его не только, какъ писателя, но и какъ «учителя жизни».

Всѣ остальныя письма, въ своемъ большинствѣ, причиняютъ однѣ непріятности или предназначены для «использованія», такъ или иначе, «великаго писателя ради тѣхъ или иныхъ частныхъ цѣлей и личныхъ выгодъ».

О ругательствахъ нечего и говорить. Въ нихъ отражаются «черносотенныя» отношенія, нетерпимость къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ, вражда не столько религіозная, сколько клерикальная. Если иные «князья церкви» не нашли ничего лучшаго, какъ выказать свое милосердіе и духовную высоту «отлученіемъ» даже тѣхъ, кто чествовалъ Толстого, и во время его болѣзни «молитвословили» о скорѣйшей смерти его; если иные «пастыри» въ храмахъ и проповѣдяхъ прибѣгали къ такимъ оскорбительнымъ и грубымъ выраженіямъ, по поводу которыхъ въ публичныхъ мѣстахъ и на базарахъ составляются «протоколы»,—то что же страннаго, если наименѣе культурные изъ «пасомыхъ» заражаются враждой и злобой. Уголовно-полицейская атмосфера, окружающая до сихъ поръ русскую литературу, несмотря на «новый строй»,—въ свою очередь, не располагаетъ къ соблюденію правилъ вѣжливости, къ установленію свободы совѣсти и мнѣній, къ мирному с о с т я з а н і ю и д е й, взамѣнъ борьбы кулаковъ и насилій.

Просительныя письма о покровительствѣ и пріисканіи мѣста доставляютъ много огорченій въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ самъ находится въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ и никакой властью не располагаетъ. Что можетъ сдѣлать Толстой для другихъ, если у него самого отнимаютъ друзей, и каждый изъ его поклонниковъ и даже читателей навлекаетъ на себя «подозрѣніе въ потрясеніи основъ», рискуя возбудить вниманіе всевозможныхъ «охранъ», судебныхъ и административныхъ «порядковъ» всѣхъ сортовъ, которые такъ удачно расшатали и внѣшнюю, и внутреннюю безопасность Россіи? Никакими матеріальными богатствами, никакими капиталами Толстой не располагаетъ. Ясная Поляна и другія земли (кажется, ихъ уже и нѣтъ) давно уступлены дѣтямъ; всѣ его новѣйшія сочиненія, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, предоставлены въ общее пользованіе; всѣ и каждый печатаютъ или перепечатываютъ ихъ безъ всякаго вознагражденія, а прежнія беллетристическія произведенія, тоже ужъ давно, предоста-

влены женѣ. Нельзя же требовать, чтобы Толстой, въ угоду издателямъ и книгопродавцамъ, и безъ того нажившимся на счетъ писателей, оставилъ свою многочисленную семью, дѣтей и внуковъ безъ куска хлѣба. А этого-то и требуютъ отъ Толстого «просители», несмотря на неоднократныя, печатныя оповѣщенія, что никакихъ богатствъ у него нѣтъ и быть не можетъ.

Мнѣ лично извѣстны случаи, что иные «просители» прибѣгали даже къ угрозамъ и шантажнымъ пріемамъ, в ы м о г а я у Толстого тѣ или иныя суммы, на тѣ или иныя «предпріятія», страдающія однимъ недостаткомъ — б е з д е н е ж ь е м ъ. Много охотниковъ прослыть благодѣтелями на чужой счетъ и заглядывать въ чужіе карманы.

Приведенный отвѣтъ крестьянину ярко обрисовываетъ религіозныя убѣжденія Толстого. Онъ вѣритъ въ загробную жизнь и стремится къ тому, чтобы земная, тѣлесная жизнь подготовляла къ вѣчному, духовному, божественному. Иные «ученые» съ улыбкой пренебреженія относятся къ подобнымъ вѣрованіямъ и стремленіямъ. Но только легкомысліе и невѣжество могутъ приравнивать воззрѣнія Толстого къ «райскимъ яблочкамъ», къ сказочному или миѳическому пониманію тѣлеснаго и божественнаго, временнаго и вѣчнаго. Толстой знаетъ, изучилъ несравненно болѣе, нежели тысячи узкихъ спеціалистовъ, посвящающихъ себя открытію 7.000 видовъ мухъ, не задумываясь даже надъ тѣмъ, что завтра же, по неизвѣданнымъ законамъ природы, могутъ появиться еще 70 тысячъ подобнаго же рода насѣкомыхъ. Нашъ мыслитель очень близокъ къ той же философской точкѣ зрѣнія, которая подвинула Тургенева написать извѣстное «стихотвореніе въ прозѣ», гдѣ творческой міровой силѣ приписывается забота о томъ—не слѣдуетъ ли одарить крыльями какого-нибудь таракана, какъ бы въ приниженіе гордыни, считающей человѣка вѣнцомъ творенія, но такъ часто опускающагося до забвенія всего духовнаго, всего божескаго и превращающагося въ звѣря. Толстой вовсе не отвергаетъ науки, которой самъ учился и учится всю жизнь, безъ всякихъ дипломовъ и себялюбивыхъ цѣлей, ради истины и правды. Но онъ подсмѣивается надъ тѣмъ, что знанія о мухахъ преподносятся людямъ, а нѣтъ сколько-нибудь связнаго, чистаго, безъ примѣси лжи и обмана, помимо самыхъ низменныхъ цѣлей, руководства къ ученію о Богѣ, о «законѣ Бога». По убѣжденію Толстого, законъ Бога во всѣ времена и для всѣхъ людей одинъ и тотъ же, только толкованія и обряды въ разныхъ вѣрахъ бываютъ раз-

личны,—а потому надо держаться того, что одно и то же во всѣхъ вѣрахъ. Одинъ этотъ тезисъ указываетъ, какъ широки и благопріятны для человѣчной жизни «ученія» Толстого. Въ нихъ заключаются всѣ извѣстныя начала о пяти свободахъ и единеніи всѣхъ народовъ.

Талантливѣйшіе естествоиспытатели никогда не мирились съ узкими, черезчуръ уже «тѣлесными» пониманіями жизни и ея цѣлей. Вагнеръ и Бутлеровъ искали сношеній съ «загробнымъ міромъ» въ спиритизмѣ, въ «столешницѣ» и фокусничествѣ разныхъ шарлатановъ. Толстой высмѣялъ ихъ въ «Плодахъ просвѣщенія». Никто не станетъ сомнѣваться въ глубокомъ умѣ такого ученаго, какъ Пироговъ, а записки его свидѣтельствуютъ, что знаменитый хирургъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что со смертью человѣка все кончается. И Толстой не можетъ примириться съ мыслью, что человѣчество и его исторія движутся лишь «экономическими законами», которые, къ тому же, очень еще шатки и сочиняются весьма часто далеко не даровитыми «учеными», запоздало возводящими въ «науку» то, что устанавливается практиками, правителями, промышленниками, торговцами и банкирами. Вопреки классовой борьбѣ или сословной враждѣ, великій писатель «опростился» и протягиваетъ руку каждому рабочему, каждому крестьянину, какъ себѣ равному человѣку. Всякую физическую борьбу легко замѣтить, а идейныя, духовныя бѣды не для каждаго глаза доступны.

XII.

Завтракъ кончался, когда въ залъ вошли два гостя. Это были молодые люди лѣтъ 20-ти, въ крестьянской одеждѣ, чистой, приличной, но босые. Не думаю, чтобы это мнѣ вообразилось, потому что я тогда же сдѣлалъ догадку, что передо мной «толстовцы», никогда раньше невиданные.

Левъ Николаевичъ и Софья Андреевна привѣтствовали молодыхъ людей и усадили за столъ. Вегетаріанскаго кушанья было вдоволь, и необычайные гости усердно принялись завтракать, какъ равные съ равными, съ полнымъ достоинствомъ, какъ люди, привычные къ обществу. Съ такимъ же достоинствомъ, не стѣсняясь, но вѣжливо, они разговаривали. Если бы не одежда, никто не принялъ бы ихъ за крестьянъ или рабочихъ.

Они сидѣли противъ меня, и я съ понятнымъ вниманіемъ оглядывалъ ихъ. Одинъ, поменьше ростомъ, рыжій, съ заросъ-

шимъ рыжими волосами лицомъ, небрежно торчавшими во всѣ стороны, выглядѣлъ невзрачно, угрюмо, сосредоточенно, безъ малѣйшей улыбки; но ничего отталкивающаго не возбуждалъ. Другой молодой человѣкъ представлялъ совершенную противоположность. Рослый, стройный, болѣе моложавый, съ густой щеткой коротко остриженныхъ черныхъ волосъ, съ едва пробивавшимися усиками, загорѣлый, онъ дышалъ здоровьемъ и силой. И онъ держался серьезно, вдумчиво, но часто самая привѣтливая улыбка озаряла его лицо, и тогда весело бѣлѣли два ряда ровныхъ, красивыхъ зубовъ.

— О какомъ же вырожденіи народа толкуютъ, если деревня поставляетъ такихъ молодцовъ, можно было подумать, глядя на этого парня.—Ему гвардію украшать.

Но молодые люди не только не мечтали о подобныхъ украшеніяхъ, но и явились къ Льву Николаевичу за совѣтомъ и нравственной поддержкой. Военная служба считается ими грѣховнымъ дѣломъ, какъ у менонитовъ или духоборовъ и имъ подобныхъ сектантовъ. Это-де — нарушеніе заповѣдей Божіихъ.

Левъ Николаевичъ увелъ ихъ въ свой кабинетъ, а мнѣ въ это время разсказали исторію этихъ молодыхъ людей. Несмотря на молодость, они имѣли уже свою исторію. Оба были въ гимназіи; одинъ, рыжій, дошелъ уже до высшихъ классовъ, но оба бросили ученье, какъ не ту «науку», которая требуется для праведной жизни. Они безупречнаго поведенія, работящіе; не желаютъ отрываться отъ земли, чуждаются городской жизни, фабрики, не пьютъ. Самъ Челышевъ не трезвѣе. Рыжій, бросивъ гимназію, скитался гдѣ-то, оставивъ семью; но потомъ спохватился, что скитаніе его наноситъ огорченіе матери, вернулся, и помогаетъ семьѣ. Припоминая его внѣшность, весь обликъ его, мнѣ кажется, что изъ такихъ людей вырабатывались юродивые или, по меньшей мѣрѣ, дяди Власы; только едва ли они станутъ теперь собирать гроши «на построеніе храмовъ». Ими владѣетъ, повидимому, не столько религіозный, сколько соціалистическій мистицизмъ.

Левъ Николаевичъ уѣхалъ съ г. Гольденвейзеромъ верхомъ, а молодые люди вернулись попрощаться. Я подошелъ къ нимъ; мнѣ стало жаль ихъ, и я участливо спросилъ:

— Неужели вамъ неизвѣстно, что за уклоненіе отъ воинской повинности положено наказаніе?

— Знаемъ; но мы не можемъ.

— Вѣдь, это могутъ счесть за трусость...

— Мы не трусы, не скрываемся, не бѣжимъ, а безъ обмана, прямо заявимъ...

— Но васъ могутъ отдать въ дисциплинарный батальонъ?

— Это ужъ ихъ дѣло, а не наше. Мы не противимся, ничего худого, грѣховнаго не дѣлали и дѣлать не станемъ.

Ни малѣйшей рисовки. Они ушли, и мнѣ все же было ихъ очень жаль.

Неужели для нихъ нельзя придумать ничего лучше дисциплинарнаго батальона? Имѣются, вѣдь, «братья милосердія», санитарныя службы.

Пока Левъ Николаевичъ совершалъ свою верховую прогулку, графиня Софья Андреевна предложила мнѣ осмотрѣть яснополянскую усадьбу и окружающій ее паркъ.

XIII

Погода стояла чудная. Въ паркѣ было тихо и пахло увядшими листьями, обильно засыпавшими длинныя, старыя аллеи. На грядкахъ передъ домомъ виднѣлись еще остатки цвѣтовъ, а на одномъ кустѣ уцѣлѣла роза. Софья Андреевна по поводу этой одинокой, осенней розы продекламировала мнѣ нѣсколько стиховъ,—кажется, изъ Фета,—и пояснила, что она очень заботится о цвѣтахъ потому, что Левъ Николаевичъ очень ихъ любитъ. Меня это нисколько не удивило. Въ какія бы выси ни уносились мысли великаго писателя и «учителя жизни»,—все прекрасное можетъ этому лишь соотвѣтствовать. Въ цвѣтахъ тоже отражается «божественность», какъ во всѣхъ красотахъ природы, какъ въ музыкѣ, живописи, скульптурѣ и вдохновенномъ, талантливомъ, проникнутомъ добромъ словѣ. Толстой все это любитъ, какъ бы онъ иной разъ ни отрекался отъ всего художественнаго.

Рѣдкое мастерство, необычайная художественная сила сказываются во всѣхъ его, самыхъ упрощенныхъ по внѣшности, публицистическихъ произведеніяхъ и подкрѣпляющихъ ихъ разсказахъ. Отъ музыки же онъ и не отрекается,—такъ она ему надобна, такъ совпадаетъ съ его душевными настроеніями. Если Левъ Николаевичъ неодобрительно, иногда даже рѣзко отзывается по поводу иныхъ современныхъ литературныхъ и драматическихъ произведеній, то ихъ уродство, безсодержательность, бездарная погоня за внѣшностью, въ видѣ якобы «новоисканій», а весьма часто грязная пошлость и растлѣнная угодливость, даже продажность, весьма понятно, не могутъ встрѣчать сочувствія во вкусахъ и воззрѣніяхъ великаго писа-

теля. При необычайныхъ богатствахъ писательскаго таланта даже непогрѣшающія противъ истинныхъ задачъ литературы произведенія представляются для Толстого второстепенными, неважными, какъ все, что̀ дается въ обиліи и легко, безъ особаго труда.

По шуршащимъ листьямъ обходили мы длинныя, вѣковыя аллеи, говорившія воображенію о дѣйствующихъ лицахъ «Войны и мира»; вставали тѣни генералъ-аншефа князя Болконскаго и увядавшей около стараго ворчуна нѣжной, доброй княжны Маріи, или слышался влюбленный шопотъ Кити, изъ «Анны Карениной». Обойдя паркъ, подошли мы къ отгороженной части его, гдѣ особнякомъ стоитъ двухъ-этажное каменное зданіе.

— Тутъ помѣщалась яснополянская школа, — сказала Софья Андреевна.

Съ какимъ почтеніемъ я глядѣлъ на это зданіе, вспоминалъ о томъ увлеченіи, съ которымъ Толстой превратился въ сельскаго учителя и издавалъ учебный журналъ «Ясную Поляну». Вспомнилось мнѣ и мое краткое учительство въ воскресныхъ школахъ, едва раздался благовѣстъ о свободѣ русскаго народа 19 февраля 1861 года. Все сколько-нибудь доброе, просвѣщенное сознавало тогда, что недостаточно избавить народъ отъ цѣпей крѣпостничества; необходимо возможно скорѣе освободить его отъ неизбѣжнаго стараго спутника рабства, отъ невѣжества, суевѣрія. Офицеры бросали военную службу, шли въ мировые посредники, слушали лекціи въ университетѣ; ученые, студенты, западники и славянофилы «сороковыхъ годовъ», лучшіе писатели задумывались объ обязанностяхъ высшихъ слоевъ общества передъ народомъ, воскрешали идеалы первыхъ годовъ царствованія Александра I.

Но не успѣли, при дружномъ сотрудничествѣ правительства и общества, выработаться «освободительныя реформы», какъ ледяныя волны старой отсталости, себялюбія и мракобѣсія снова хлынули на Россію и прежде всего, конечно, затопили первыя же попытки къ народному просвѣщенію. Вернулись бюрократическія препоны, опекунскіе тормазы и полицейскіе навыки, тѣ самые, что довели насъ до такого позора, что десятки тысячъ русскихъ воиновъ попали въ плѣнъ въ Японію, и враги стали учить ихъ русской грамотѣ! Возобладали опять «дореформенные» оберъ-прокуроры, оберъ-льстецы, оберъ-гасители и оберъ-хищники, не только разорявшіе Россію матеріально, но подрывавшіе ея умственныя и нравственныя силы. Въ шестидесятыхъ годахъ полицейская подозрительность, за-

крывавшая воскресныя школы и комитеты грамотности, уничтожила и народную школу въ Ясной Полянѣ.

Продолжая прогулку, мы незамѣтно перешли въ лѣсъ, съ красивыми далями, гдѣ громадные вѣтвистые дубы чередуются съ любимыми Толстымъ елями собственнаго насажденія и съ сравнительно недавно взрощенными молодыми лѣсными порослями. Встрѣчавшіеся крестьяне раскланивались, заговаривали съ Софьей Андреевной. Она всѣхъ ихъ знаетъ и называетъ по имени.

— Кому-то все это достанется,—задумчиво сказала она;— но мы трудимся, насаждаемъ, поддерживаемъ, а не разрушаемъ.

И Софья Андреевна подтвердила, что Ясная Поляна нѣсколько лѣтъ уже, со времени смерти младшаго сына (умершаго ребенкомъ), не принадлежитъ ни Льву Николаевичу, ни ей.

На возвратномъ пути, съ другой стороны лѣса, Софья Андреевна указала на едва замѣтную площадку, гдѣ стояла хижина, въ которую уединялся Левъ Николаевичъ для работы, и гдѣ онъ и И. С. Тургеневъ спорили во время его послѣдняго пребыванія въ Ясной Полянѣ. Самъ великій писатель, проложившій дорогу русской литературѣ къ всемірной извѣстности, какъ извѣстно, умолялъ Толстого не бросать художественнаго творчества и первый усвоилъ ему названіе «великаго писателя земли русской».

XIV.

Вернулся Левъ Николаевичъ. Онъ быстро вошелъ въ залу съ рукописью, уже переписанной, и сталъ читать свою новую статью подъ заглавіемъ «Анархизмъ».

Читаетъ, какъ извѣстно, Толстой великолѣпно и безъ очковъ. Я зналъ такихъ превосходныхъ чтецовъ, какъ Григоровичъ, Достоевскій, Алексѣй Потѣхинъ; но Левъ Николаевичъ не уступитъ имъ и въ этомъ дарѣ. Истинное наслажденіе слышать его чтеніе. Но едва онъ началъ, какъ появилась задышка, вѣроятно, отъ недавней верховой ѣзды, и онъ передалъ рукопись г. Гольденвейзеру.

— Читайте,—дружески сказалъ онъ,—и внимательно сталъ прислушиваться, точно собираясь поправлять, дѣлать замѣчанія къ чужому сочиненію, въ первый разъ слышанному.

Я затаилъ дыханіе, не слушалъ, а глоталъ каждое слово, не отрывая глазъ то отъ чтеца, то отъ автора.

Съ первыхъ же строкъ я былъ пораженъ тѣмъ зоркимъ, публицистическимъ глазомъ, которымъ до сихъ поръ Толстой

схватываетъ весьма обычное, повидимому, явленіе или событіе, и изъ него развиваетъ логически такіе выводы, которые проникаютъ въ самую глубину, въ сущность современности, съ ея неизбѣжными послѣдствіями, освѣщающими даже для простыхъ смертныхъ особенно наболѣвшія язвы соціальнаго и политическаго строя.

Попробую ознакомить читателей хотя нѣсколько съ новой статьей Толстого. Въ ней приводятся новые доводы въ пользу всѣмъ извѣстнаго, излюбленнаго предубѣжденія Толстого противъ государственности. На его взглядъ государственность зиждится исключительно на принужденіи.

Для Толстого всѣ формы государственности безразличны: деспотіи, монархіи неограниченныя, монархіи конституціонныя, республики всѣхъ видовъ. Всѣ эти общежитія держатся,—по мнѣнію Толстого,—однимъ принужденіемъ, служатъ меньшинству и порабощенію трудящагося большинства. Въ тѣхъ соціалистическихъ республикахъ, о которыхъ мечтаютъ революціонеры, насилія будетъ еще больше, нежели въ деспотіяхъ, на столько, на сколько и число отдѣльныхъ деспотовъ въ нихъ увеличится; каждый изъ нихъ захочетъ усиливать свое своевластіе и около каждаго наростетъ столько порабощенныхъ, льстецовъ и искателей, сколько бывало и бываетъ у одного, но еще поближе, такъ что и отдаленіе отъ власти или недосмотръ ея, оказывающіеся иной разъ спасительными, станутъ болѣе затруднительными въ «соціалистическомъ раѣ».

Въ этомъ отношеніи доводъ Толстого напоминаетъ анекдотъ, который приходилось слышать въ дореформенныя времена. При Петрѣ Великомъ была-де учреждена должность «фискаловъ», чтобъ они слѣдили за благосостояніемъ народа, за избавленіемъ крестьянъ отъ злоупотребленій. Два мужика, опечаленно сидѣвшіе у сохи, услышали эту благую вѣсть отъ самого царя:

— Не горюйте, мужички, фискалъ заступится за васъ.

Когда царь уѣхалъ, мужики почесали затылокъ, и одинъ изъ нихъ со вздохомъ сказалъ:

— Ну, вставай, Никита, пойдемъ пахать на фискала!

Подобныя-же блага, по мнѣнію Толстого, сулятъ всякія улучшенія «государственности», а соціалистическая республика тѣмъ болѣе.

До сихъ поръ, кажется, я вполнѣ «цензурно», даже при «свободѣ печати», охраняемой «октябристами», передалъ основныя мысли статьи, но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ Толстой съ особенной силой сосредоточиваетъ свои до-

воды на примитивныхъ формахъ государственности, гдѣ несостоятельность ея виднѣе, гдѣ наиболѣе замѣчается хаоса, анархизма, проистекающаго отъ отсталости, отъ болѣе культурныхъ и потому менѣе замѣтныхъ, такъ сказать, обманчивыхъ и необезнадеживающихъ формъ «мнимаго самоуправленія». Выходитъ какъ будто, чѣмъ лучше, тѣмъ хуже. Гдѣ дѣйствуютъ еще Чингисъ-ханы, тамъ печальная истина виднѣе, а она виднѣе и чувствительнѣе потому, что прежде восточные, азіатскіе деспоты имѣли подъ руками самыя простыя орудія, въ родѣ копья или меча; теперь же цивилизація доставляетъ къ ихъ услугамъ всевозможныя усовершенствованія и техническія изобрѣтенія, телеграфы, телефоны, подкупную печать, «ученыя теоріи», гипнотизмъ и даже аэропланы и дирижабли, съ которыхъ надѣются истреблять людей разрывными снарядами. Усовершенствованный Чингисъ-ханъ, конечно, опаснѣе прежняго простака, котораго можно было остановить иной разъ какимъ-нибудь «заговоромъ» или колдовствомъ. Такъ и Собакевичъ,—по словамъ Гоголя,—несравненно опаснѣе, если культъ его разожжетъ «наука». Покажетъ онъ тогда, что такое собакевичева «наука».

Самого Толстого, какъ извѣстно, причисляютъ къ «анархистамъ». Справедливо, что онъ наноситъ сильные идейные удары своей критикой, даже отрицаніемъ существующихъ и даже будущихъ «государственныхъ порядковъ», своей проповѣдью индивидуальнаго совершенствованія. Но какой же анархистъ Толстой, если онъ кротко повинуется всѣмъ властямъ, не противится даже беззаконію и приглашаетъ всѣхъ и каждаго не совершать никакихъ насилій, подъ какими бы то ни было предлогами, и вѣритъ въ возможность осуществленія царства Божія, уговариваетъ, убѣждаетъ людей въ необходимости соблюденія на землѣ вѣчнаго «закона Бога», ради общаго мира и любви.

Потому-то такого «анархиста» не только свободно читаютъ всѣ просвѣщенные народы, но и жаждутъ всюду видѣть, услышать, выказать ему непосредственно, возможно искреннѣе и сердечнѣе, тотъ почетъ, который только изрѣдка, урывками и какъ бы украдкой оказывается ему на родинѣ,—какъ это нежданно произошло недавно въ Москвѣ.

Когда г. Гольденвейзеръ очень удачно закончилъ чтеніе, и Левъ Николаевичъ отдалъ ему эту справедливость, я находился подъ столь сильнымъ впечатлѣніемъ, что не могъ сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія. Но потомъ, черезъ нѣсколько

часовъ, я откровенно сказалъ Льву Николаевичу, что у меня не изсякло убѣжденіе въ необходимости государственности и что его обличенія современныхъ политическихъ и соціальныхъ недостатковъ столь сильны, что оставляютъ все же надежду, что такъ продолжаться не можетъ и въ будущемъ нынѣшнія формы и ихъ содержаніе могутъ быть улучшены общими усиліями всѣхъ народовъ и, безъ сомнѣнія, мирнымъ путемъ, не «бомбами» и не военными дирижаблями. Все-же прибываетъ вѣра, что сила не въ силѣ, а въ крестѣ.

Толстой терпѣливо, снисходительно выслушалъ это мнѣніе.

XV.

Вечеромъ самъ Левъ Николаевичъ прочелъ свой новый разсказъ. Это бесѣда двухъ крестьянъ, написанная чуднымъ, образнымъ народнымъ говоромъ. Старшій, сознательный крестьянинъ наставляетъ меньшаго о томъ, какъ жить по «закону Бога».

Развивается извѣстная тема о преимуществахъ земельнаго труда и вредѣ городской жизни, о томъ, что не только самому надо воздерживаться отъ насилій, но не слѣдуетъ потворствовать имъ хотя бы косвенно, давая средства для нихъ, выдѣлывая орудія зла. По основной задачѣ своей, разсказъ новыми доводами подтверждаетъ, съ неуклонной настойчивостью, много разъ и давно высказанныя Толстымъ мысли о единственно вѣрномъ и нравственномъ способѣ устраненія существующихъ неправдъ и достиженія истинной, необманчивой свободы, лучшей, для всѣхъ благопріятной жизни, въ мирѣ и любви. Еще въ 1895 году Толстой писалъ:

«Средство это, по отношенію къ вопросамъ государственнымъ, правительственнымъ и общественнымъ, состоитъ въ томъ, чтобы, вмѣсто того, чтобы насильственно разрушать существующій строй жизни, или, желая разрушить или измѣнить его, на немъ строить свою жизнь,—средство это состоитъ въ самомъ простомъ пріемѣ, который, казалось бы, первый долженъ-бы прійти въ голову людямъ,—именно въ томъ, чтобъ не участвовать въ томъ насильственномъ строѣ, который мы отрицаемъ и хотимъ измѣнить».

Вотъ это-то «неучаствованіе» развивается и въ новомъ разсказѣ. Ясно, что онъ служитъ положительнымъ дополненіемъ къ отрицательной критикѣ въ статьѣ «Анархизмъ». Очевидно, великаго писателя нашего нельзя смѣши-

вать не только съ насильниками-анархистами, но и со всякаго иного рода разрушителями. Даже идейныя философскія школы пессимизма и отчаянія не подходятъ къ «ученіямъ» Толстого. Онъ хочетъ созидать, а не разрушать, и не сомнѣвается въ возможности, даже въ простотѣ достиженія лучшей жизни, жизни «по закону Бога».

Допустимъ, что это одна изъ «утопій», именно «по отношенію къ вопросамъ государственнымъ, правительственнымъ и общественнымъ», но, вѣдь, это идеалъ, къ которому желательно, во всякомъ случаѣ, простительно стремиться, особенно въ христіанскихъ обществахъ, въ средѣ просвѣщенныхъ народовъ. Для личной же жизни, для каждой индивидуальности, подобныя указанія и назиданія представляютъ особую нравственную цѣнность, спасая отъ отчаянія и распущенности, отъ злобы и вражды, отъ систематическихъ примѣровъ и посѣвовъ жестокости, раздора, распада и возвращенія къ одичалой, разрушительной «войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ».

Но только ослѣпленіе можетъ опасаться подобныхъ «утопій», которыя разсчитаны исключительно на умъ и совѣсть людей и прямо направлены противъ всякаго насилія, произвола, самосуда.

Заключеніе разсказа дышитъ такою кротостью и такимъ спокойствіемъ, что самые перепуганные враги печати и приверженцы мыслебоязни могли бы не тревожиться.

При нашихъ «новыхъ строяхъ» и «конституціяхъ», истолковываемыхъ черносотенцами, и въ то время, когда въ Таврическомъ дворцѣ сами «народные представители» сооружаютъ загородки и китайскія стѣны даже противъ нашей печати, нельзя поручиться, что и этотъ разсказъ Толстого будетъ читаться только за границей, всѣми народами, только не русскимъ. Это называется у насъ особымъ проявленіемъ любви къ отечеству и уваженіемъ къ достоинству Россіи.

Не мѣшаетъ замѣтить, что, при всей своей общечеловѣчности, Толстой въ такой степени органически сросся съ отечествомъ, теоретически отрицаемымъ, такъ горячо любитъ его, что впадаетъ часто въ чисто славянофильскія вѣрованія въ особыя преимущества русскаго народа, почти въ избранность его. Западъ-де черезчуръ ужъ цивилизовался и обуржуазился. Спастись и подать примѣръ спасенія суждено-де русскому народу. Какъ извѣстно, и западникъ Герценъ держался подобнаго-же вѣрованія, опираясь на общину. Даже и Востоку

Толстой отдаетъ иной разъ предпочтеніе,—въ такой мѣрѣ ему отвратителенъ буржуазный западный строй.

Съ разрѣшенія Льва Николаевича, я имѣлъ удовольствіе ознакомиться еще съ однимъ разсказомъ, вполнѣ беллетристическимъ по формѣ. Прочла мнѣ его Софья Андреевна, но я лишенъ возможности сказать хотя-бы одно слово объ этомъ художественномъ сочиненіи. Воспроизведеніе его отложено до того времени, когда Россія и все человѣчество будутъ огорчены невознаградимой утратой...

XVI.

Отчетъ о пребываніи моемъ въ Ясной Полянѣ я старался вести хронологически; но въ иныхъ случаяхъ, ради удобства и связности разсказа, переходилъ къ предметному изложенію, чтобъ каждая глава имѣла извѣстную законченность, и вниманіе не разсѣевалось.

Такимъ путемъ выдѣлилось много мелочей, можетъ быть, и второстепенныхъ, но характерныхъ, о которыхъ приходится говорить въ заключительной главѣ, хотя онѣ имѣли мѣсто, наступали на меня вразбродъ, отрывочно и случайно.

Толстой постоянно углубляется въ самые сложные и вѣчные вопросы жизни, которые называются даже «проклятыми»; онъ является неизмѣннымъ ратоборцемъ, вѣрнымъ рыцаремъ имъ самимъ установленнаго убѣжденія, что «разоблаченная ложь есть столь же важное пріобрѣтеніе для блага человѣчества, какъ и ясно выраженная истина». Этимъ убѣжденіемъ проникнута вся его неустанная работа, ознакомленіе съ новыми книгами и открытіями, переписка, статьи, брошюры, личныя бесѣды. И тѣмъ не менѣе, никто болѣе Толстого не отзывчивъ къ текущей жизни; его она захватываетъ и самыми болѣзненными явленіями, и малѣйшими признаками какого-нибудь улучшенія; даже небольшой лучъ свѣта въ общей или частной жизни привлекаетъ его вниманіе.

При мнѣ полученъ былъ изъ Москвы печатный листокъ, подъ названіемъ «Копѣйка». Извѣстно, что этихъ «Копѣекъ» расплодилось множество. Показывая мнѣ этотъ листокъ, Левъ Николаевичъ выразилъ удивленіе по поводу дешевизны изданія и трудности его веденія. Въ ту же минуту блеснула его мысль: сколько добра можно было бы влить въ народъ путемъ такого дешеваго, распространеннаго изданія!.. Къ сожалѣнію, я не могъ ничего сказать о возможности, при настоящихъ условіяхъ, осуществленія этой мысли. Подобныя изданія задаются далеко не добродѣтельными цѣлями и болѣе всего удѣ-

ляютъ вниманія «сенсаціоннымъ извѣстіямъ», нежели служенію добру и народному благу. Если бы было иначе, все стоящее «на стражѣ» благочинія, предупрежденія и пресѣченія поднялось бы на ноги, соперники и монополисты «патріотизма» забили бы тревогу, нашептали бы, гдѣ слѣдуетъ, появились бы обычныя «препоны», которыми всегда обставляются сколько-нибудь полезныя и особенно просвѣтительныя дѣла.

Зашелъ какъ-то разговоръ о новѣйшихъ успѣхахъ воздухоплаванія. Левъ Николаевичъ желалъ выяснить разницу между аэропланами и дирижаблями.

— А вы полетѣли-бы?—спросилъ онъ меня.

— Полетѣлъ бы.

И я разсказалъ, что давно знакомъ съ генераломъ Кованько и просилъ взять меня еще тогда, когда, кромѣ водородныхъ «пузырей», предоставленныхъ на волю вѣтра, да неудачныхъ «летательныхъ крыльевъ», ничего лучшаго не было. Со словъ г. Кованько, я сообщилъ, что полетъ не сопряженъ съ непріятностями, въ родѣ качки и морской болѣзни, и что получается такое ощущеніе—будто не летишь вверхъ, не подымаешься, а что земля опускается, уходитъ внизъ. Левъ Николаевичъ очень заинтересовался.

— Такъ земля опускается, уходитъ внизъ?—переспросилъ онъ и добавилъ:—это хорошо, это мнѣ пригодится для одного сравненія.

Мнѣ очень желалось узнать, для чего, именно, для какого довода и въ какомъ произведеніи это сравненіе понадобится; но, вѣрный принятому рѣшенію, я не обезпокоилъ Толстого своими разспросами.

Вечеромъ, около «круглаго стола», Левъ Николаевичъ игралъ въ шахматы съ г. Гольденвейзеромъ. На вопросъ—знаю ли я эту умную игру, я отвѣтилъ, что очень ее любилъ, но долженъ былъ бросить. Она меня сильно волновала, и какая-нибудь неудачная партія мерещилась во снѣ. А Толстой играетъ спокойно и послѣ двухъ партій, повидимому, не чувствовалъ ни малѣйшаго утомленія. Удивительныя жизненныя силы!

Но зато невольно подумалъ я о другомъ, о томъ, какъ легко все это тепло, вся правда и добро, накоплявшіяся въ теченіе долгихъ лѣтъ въ этомъ домѣ, получившемъ всемірную извѣстность, могутъ разомъ прерваться въ своемъ первоисточникѣ, и неужели не проявится своевременной заботы, чтобъ оберечь все то, что можно сохранить и увѣковѣчить, сверхъ того, что навсегда останется въ книгахъ и рукописяхъ?

*

И еще разъ съ негодованіемъ вспомнилъ я о томъ вандализмѣ, съ которымъ наша современность создаетъ вокругъ этой скромной резиденціи всемірнаго генія, резиденціи болѣе чтимой и болѣе прославленной, нежели многія столицы многихъ государствъ,—своего рода инквизиціонное, средневѣковое удушье нетерпимости, злобы, грубѣйшей несправедливости и житейской отравы, не щадя ни старости, ни необычайнаго таланта, нарождающагося вѣками, создаетъ и множитъ, не стыдясь, не краснѣя даже передъ человѣчествомъ. Повторяются, въ иныхъ условіяхъ, почти тѣ же отношенія, которыя отравляли жизнь и погубили Пушкина. Были многочисленные поклонники и у геніальнаго поэта; но верховая столичная «чернь», не доросши до пониманія его, не догадываясь, что потомки этихъ жалкихъ судей и оцѣнщиковъ будутъ стоять потомъ у подножія памятника преслѣдуемаго ими человѣка, буквально догрызла, извела его самыми грязными сплетнями, надзорами и обвиненіями. Но въ 1837 году, по крайней мѣрѣ, другой поэтъ заклеймилъ это общество, «къ добру и злу постыдно равнодушное», какъ «свободы, генія и славы палачей».

А какого же клейма достойны нынѣшнія, тоже руководящія, отчасти даже властныя отношенія къ Толстому? Третья Государственная Дума, въ качествѣ «народнаго представительства», не сочла умѣстнымъ даже поздравить въ прошломъ году великаго писателя съ днемъ рожденія, хотя бы телеграммой отъ «президіума»; зато какое разгульное «чествованіе» было устроено во славу и поощреніе газеты «Чего изволите», такъ усердно содѣйствовавшей искорененію живого, независимаго слова въ Россіи, торжеству «мыслебоязни», завѣдомой лжи и «патріотическимъ» приключеніямъ, доведшимъ отечество до внѣшняго безсилія и позора, до внутренняго распада!

И замѣчательно, что вандализмъ этого рода проявляется съ двухъ сторонъ. Толстого одновременно обвиняютъ и въ подстрекательствѣ къ революціи, и въ противодѣйствіи ей. Онъ-де «властей не признаетъ», «порядки» подрываетъ,—которыхъ не было отъ Гостомысла и до Тимашева и которыхъ что-то не прибываетъ и отъ Гучкова. Всѣ эти ужасы съ п р а в о й стороны и предусматриваются строжайшими карами, начиная съ ст. 129-й. А с л ѣ в а грозятъ Толстому за измѣну «освободительному движенію»...

Какъ же это, господа обвинители и судьи, отлучатели и хулители: и въ революціи виноватъ, и за неудачу ея онъ же отвѣтчикъ? Вамъ бы ужъ согласиться какъ-нибудь и общими,

соединенными силами пріуготовить «намыленную веревку», да совмѣстно и подпасть подъ лермонтовское клеймо—«свободы, генія и славы палачей».

XVII.

Во время шахматной игры я пересѣлъ ближе къ Софьѣ Андреевнѣ. Она была занята за тѣмъ-же «круглымъ столомъ» какой-то женской работой и съ обычной своей любезностью завязала одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые переданы уже мною въ особой главѣ.

Чувствуя всю эту простоту, необычайную искренность обращенія, отсутствіе несносной щепетильности, словно самъ воздухъ этого дома былъ насыщенъ п р а в д о й, гдѣ и слуги,—въ подтвержденіе извѣстной поговорки,—держали себя просто и свободно и также привѣтливы, какъ и хозяева, я испытывалъ рѣдкостное удовлетвореніе, какъ будто я не случайный гость, а давно въ числѣ ихъ друзей, и они вѣрятъ мнѣ, а мнѣ нечего безпокоиться — не пора ли удалиться и какъ это устроится. Я пересталъ думать объ отъѣздѣ, угадывая, что это совершится само собою и такъ же хорошо, какъ произошелъ и мой пріѣздъ.

Во время игры Левъ Николаевичъ неожиданно обратился ко мнѣ:

— Мнѣ говорили, что вы привезли мнѣ свои книги. Гдѣ же онѣ?

— Не для васъ, а для яснополянской библіотеки,—отвѣтилъ я.—Для васъ едва ли онѣ представляютъ какой-нибудь интересъ.

Левъ Николаевичъ взялъ мой сборникъ («Итоги») и просмотрѣлъ оглавленіе.

— А, воспоминанія... Я люблю воспоминанія, непремѣнно прочту,—сказалъ онъ.

Когда кончилась шахматная партія, Левъ Николаевичъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ мимо насъ. Вдругъ онъ шутливо, добродушно сталъ упрекать Софью Андреевну и меня, что мы все говоримъ о немъ. Я не выдержалъ, меня потянуло къ нему. Я взялъ его руку и отвѣтилъ на необычайно мило выраженный укоръ:

— Левъ Николаевичъ, извините, но развѣ возможно въ вашемъ присутствіи говорить о комъ-либо, кромѣ васъ?.. Я набираюсь даже смѣлости и рѣшаюсь записаться въ число тѣхъ просителей, которые надоѣдаютъ вамъ просьбами о портретѣ, автографѣ, книжкѣ... Подарите мнѣ все это.

Онъ увелъ меня въ свой кабинетъ и предложилъ выбрать любой изъ послѣднихъ фотографическихъ снимковъ.

— Всѣмъ этимъ въ обиліи снабжаетъ меня Чертковъ.

Я выбралъ кабинетный, наиболѣе большой и удачный грудной снимокъ. На немъ, какъ нарочно, оказалось изреченіе самого Толстого о «Законѣ Бога» и объ одинаковой сущности его во всѣ времена и для всѣхъ людей. Книжку Левъ Николаевичъ самъ выбралъ для меня. Это «На каждый день» (за іюнь), трудъ, который Левъ Николаевичъ считаетъ самымъ важнымъ въ числѣ своихъ произведеній. Вручая ее, онъ мнѣ сказалъ:

— Прошу васъ прочесть это непремѣнно.

Конечно, прочту—и буду справляться съ ея «изреченіями» до конца жизни.

Надписи писалъ Левъ Николаевичъ безъ чернильницы, какимъ-то особымъ перомъ, вынувъ его, кажется, изъ кармана; я слышалъ о такомъ перѣ, но въ первый разъ видѣлъ его. Перо, видно, всегда при немъ. Мирное, небольшое орудіе, а какъ боятся его, когда оно заговоритъ противъ зла.

Въ кабинетъ вошелъ Гольденвейзеръ, и, когда Левъ Николаевичъ выполнилъ мое желаніе, мы обратились къ нему съ просьбой сыграть что-нибудь. Вернулись въ залу, и извѣстный московскій піанистъ сѣлъ за рояль. Раздались чудные, задушевные звуки Шопена. Исполнено было прекрасно, сознательно нѣсколько пьесъ, въ томъ числѣ и Шумана.

Левъ Николаевичъ слушалъ внимательно, задумчиво, не шевелясь. Мнѣ казалось, что на глазахъ его показались слезы. Не могла великая душа не тронуться великой музыкой. Я завидовалъ піанисту.

Когда все смолкло, и Гольденвейзеръ закрылъ рояль, я напомнилъ, что появились новыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Шопена и Жоржъ-Зандъ и о ея вліяніи на его творчество.

Толстой рѣзко, однословно отозвался о писательницѣ, и разговоръ на этомъ оборвался.

Въ назначенное время, кажется, около 11 часовъ вечера, мы сердечно попрощались... Я отъ души благодарилъ Софью Андреевну и поцѣловался съ Львомъ Николаевичемъ. Насъ проводили такъ же радушно, какъ и встрѣчали.

Можетъ быть, читатели найдутъ много длинноть или другіе недостатки въ моемъ разсказѣ; но мнѣ хотѣлось, чтобъ они перенеслись со мною въ Ясную Поляну, чтобъ издали они видѣли то, что я видѣлъ, чтобъ пережили и передумали все, что мною было пережито и передумано въ эти счастливые для меня два дня. Нельзя забывать, что мы отвѣтственны передъ

потомствомъ, передъ человѣчествомъ, если смотрѣли и не видѣли, слышали и не поняли, утративъ навсегда что-либо относящееся къ жизни и дѣятельности «великаго писателя земли русской».

Небо было такое же свѣтлое, усѣянное звѣздами, какъ и при въѣздѣ моемъ въ Ясную Поляну. «Въ небесахъ торжественно и чудно», вспоминались мнѣ слова поэта. И во мнѣ воскресло вдругъ давнее впечатлѣніе, испытанное когда-то при посѣщеніи Пулковской обсерваторіи. Съ таинственной башни, при помощи «звѣздочетовъ», мы неслись въ высь, въ безконечныя, міровыя пространства, а внизу, по затуманенной землѣ, огненной змѣйкой, неслышно пролеталъ желѣзнодорожный поѣздъ. Земля и небо связывались разумомъ человѣчества, алчущаго проникнуть въ тайны мірозданія и не перестающаго вопрошать, что было и что будетъ т а м ъ. Эти же и подобные имъ «вопросы жизни» царятъ въ Ясной Полянѣ, и неудивительно, что они воскресили неземныя настроенія, при взглядѣ на сіявшее небо.

Григорій Градовскій.

29 октября 1909 г.
С. Петербургъ.

Г. К. ГРАДОВСКІЙ И ТОЛСТЫЕ.

(Изъ переписки съ Л. Н. и С. А. Толстыми).

Личное знакомство Г. К. Градовскаго съ нашимъ геніальнымъ писателемъ началось только въ 1909 году, за годъ до кончины Л. Н—ча. Въ концѣ сентября этого года Г. К. получилъ отъ графини С. А. Толстой извѣщеніе, что она и Левъ Николаевичъ желаютъ познакомиться съ нимъ и рады были бы видѣть его въ Ясной Полянѣ. Онъ, разумѣется, поспѣшилъ откликнуться на любезное приглашеніе. Описанію пребыванія Градовскаго въ Ясной Полянѣ посвящена помѣщенная выше статья его. Дополненіемъ къ этому описанію является ниже воспроизводимая нами съ нѣкоторыми купюрами переписка Г. К. съ Толстыми: пришлось отказаться отъ помѣщенія письма Софьи Андреевны, по ея просьбѣ, письма Г. К. и нѣкоторыхъ неудобныхъ мѣстъ, гдѣ рѣчь идетъ о здравствующихъ понынѣ дѣятеляхъ и окружавшихъ Л. Н. лицахъ.

На просьбу редакціи настоящаго сборника дополнить, и съ своей стороны, изложенное въ статьѣ о поѣздкѣ Г. К. Градовскаго въ Ясную Поляну и въ перепискѣ съ нимъ своими личными воспоминаніями о Г. К. и отзывами Л. Н. изъ его «Дневника», буде таковые имѣются, графиня С. А. Толстая дала такой отвѣтъ въ письмахъ, адресованныхъ одному изъ редакторовъ—А. Е. Кауфману:

«Сомнѣваюсь, что въ дневникахъ Льва Николаевича и моихъ найдется что-либо о Градовскомъ... Левъ Николаевичъ въ послѣдніе годы своей жизни писалъ не о событіяхъ и личностяхъ, а больше писалъ свои мысли. Кромѣ того, у меня хранятся дневники до 1900 года, а послѣдніе дневники у моей дочери Александры... Наше знакомство и переписка (съ Г. К.) были очень кратковременны, но я сохранила въ своей памяти уваженіе и благодарность покойному за его доброе ко мнѣ отношеніе. Разговоровъ съ Л. Н. и со мною я не записывала, а о пребываніи Г. К. въ Ясной Полянѣ онъ самъ писалъ лучше всякаго другого лица»...

Переписка Градовскаго съ Толстыми не лишена значительнаго историко-литературнаго интереса. Она рисуетъ намъ и личность писателя-публициста, и то высокое уваженіе, съ какимъ Г. К. относился къ геніальному художнику-моралисту и его неизмѣнной спутницѣ и «ангелу-хранителю» Софьѣ Андреевнѣ. Никому не должны показаться странными изысканная вѣжливость и выраженія глубокаго уваженія и преданности къ графинѣ С. А. со стороны старато—мы бы ска-

зали—нѣсколько старомоднаго джентльмена-писателя, воспитаннаго въ средѣ, гдѣ рыцарское отношеніе къ женщинѣ считалось признакомъ хорошаго тона.

Всѣхъ писемъ Г. К. Градовскаго къ С. А. Толстой семнадцать, и хранятся они въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, откуда истребованы были графинею. Открывается переписка письмомъ Г. К. Градовскаго отъ 22 сентября 1909 г.

22 сентября 1909 г. Спб.

Милостивая Государыня графиня Софья Андреевна. Не рѣшаясь лично безпокоить глубокоуважаемаго Льва Николаевича, позволяю себѣ препроводить къ Вамъ прилагаемый оттискъ изъ журнала «Міръ», гдѣ помѣщена моя статья, касающаяся, между прочимъ, Льва Николаевича и его преслѣдователей.

Можетъ быть, Вамъ и Вашему знаменитому супругу пріятно будетъ узнать, что не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, какъ и далеко за предѣлами Россіи, у него имѣются милліоны почитателей, страдающіе по поводу тѣхъ постыдныхъ преслѣдованій, которымъ подвергаются его друзья.

Я былъ умиленъ до слезъ всѣмъ, что происходило въ Москвѣ при Вашемъ пріѣздѣ туда и при проводахъ въ Ясную Поляну.

Будучи «государственникомъ», я всю свою жизнь проповѣдывалъ «миръ и любовь» и отстаивалъ, по мѣрѣ силъ, свободу совѣсти и мысли, а въ теченіе десятилѣтней тяжкой болѣзни каждый день ожидалъ смерти. Нежданное выздоровленіе дало мнѣ возможность принять участіе въ прошлогоднемъ съѣздѣ писателей, а затѣмъ и въ Обществѣ имени Льва Николаевича. Упоминаю объ этомъ лишь для того, чтобы пояснить и оправдать свою смѣлость обращенія къ Вамъ. Никогда не имѣлъ счастья видѣть «великаго писателя Русской земли»...—Примите увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и искренней преданности.

Григорій Градовскій.

Ясная Поляна, 27 сентября, 1909 г.

Многоуважаемый Григорій Константиновичъ. Вчера утромъ была получена Ваша прекрасная статья, и мы всѣ, включая Льва Николаевича, тотчасъ же прочли ее вслухъ. Левъ Николаевичъ былъ очень тронутъ Вашимъ отношеніемъ къ нему и просилъ передать Вамъ свою благодарность за Ваше сочувствіе ему и сожалѣніе, что никогда не пришлось встрѣтиться съ Вами. Какъ радостно поражаетъ тотъ контрастъ отношеній такихъ людей какъ Вы, милой молодежи, провожавшей насъ въ Москвѣ, и другихъ, съ грубымъ отношеніемъ правительства! Когда читаешь такія статьи, какъ Ваша, то удивляешься, неужели люди не умѣютъ понять, что хорошо, что умно, правильно и справедливо? Какъ не прислушиваться къ словамъ учителей, какъ Вы, какъ не видѣть настоящаго пути? Позоръ въ исторіи готовятъ себѣ въ настоящее время представители власти, и жаль, что при такихъ условіяхъ живетъ теперешняя молодежь. Проводы Льва Николаевича, столь неожиданные и такъ глубоко его тронувшіе, блеснули свѣтлой точкой въ нашей жизни, именно, потому что, кто любитъ его, тотъ еще живъ, а любовь показали многіе, цѣлая большая толпа, и такъ несомнѣнно и радостно.

Если бы Вамъ, многоуважаемый Григорій Константиновичъ, когда-нибудь возможно было посѣтить насъ въ Ясной Полянѣ, то мы, конечно, были бы очень счастливы принять Васъ. Благодарю Васъ за письмо и статью и прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и преданности.

Софія Толстая.

---

30 сентября 1909 г. Спб.

Милостивая Государыня графиня Софья Андреевна. Какъ очарованъ, какъ тронутъ я Вашимъ добрымъ и такимъ быстрымъ чуднымъ отвѣтомъ на мое письмо и статью! Много разъ, бывая въ Москвѣ, я рвался мысленно къ Вамъ, горѣлъ желаніемъ представиться Льву Николаевичу; но присущая мнѣ скромность и боязнь причинить малѣйшее безпокойство,—въ рядахъ и безъ того уже надоѣдливыхъ поклонниковъ и несносныхъ разспрощиковъ,—пересилили это стремленіе. Все ждалъ удобнаго случая,—а тамъ настала десятилѣтняя болѣзнь, помутившая разумъ... Богу угодно было вернуть мнѣ сознаніе и здоровье въ 1907 г. Едва я могъ возобновить чтеніе, я набросился на старыхъ, любимыхъ писателей, неизмѣнныхъ друзей, наставниковъ. Многихъ я зналъ наизусть, но перечитывалъ съ новымъ, неизсякаемымъ наслажденіемъ. Конечно, «Война и Миръ»,—послѣ Евангелія,—была первой моей старой и всегда новой книгой.

Моя мысль и душа никогда не переставали *общаться* съ Вами,—невѣдомо для Васъ. Радовался росту славы и величія Льва Николаевича и возмущался, негодовалъ напору злобы и невѣжества, страдалъ отъ преградъ въ борьбѣ съ этимъ зломъ, понимая, какія несчастья приноситъ оно всему народу и молодому поколѣнію. Друзья мои, зная мои чувства,—поднесли мнѣ большую литографію Льва Николаевича (едва я вернулся въ Петербургъ), а Левъ Берн. Бертенсонъ, еще въ Кіевѣ, прислалъ мнѣ фотографическую карточку, снятую въ Крыму. Она и теперь у меня на столѣ, когда я пишу эти строки.

И, вдругъ, нежданно, я дождался великой чести, Вашего приглашенія въ Ясную Поляну!.. Не знаю, какъ и благодарить Васъ, Ангела-Хранителя нашего дорогого человѣка и геніальнаго писателя! Я всегда чтилъ Васъ и молилъ Бога о Вашемъ здоровьи... Россія должна земно поклониться Вамъ за сохраненіе жизни и здоровья Льва Николаевича. Какъ же мнѣ выразить, что я чувствую, по полученіи Вашего лестнаго, драгоцѣннаго, собственноручнаго письма!.. Я боюсь откладывать, я тороплюсь воспользоваться давно жданной, желанной возможностью представиться Льву Николаевичу, видѣть и слышать его, познакомиться съ Вами и близкими Вамъ,—высокочтимая Софья Андреевна!..

Вы простите мнѣ эту спѣшность. Я въ такомъ возрастѣ, что отсрочки рискованы, а въ данномъ случаѣ—непростительны. Убѣдительнѣйше молю возможно скорѣе, хотя бы по телеграфу даже,—назначить мнѣ *день и часъ*, когда бы я могъ прибыть въ Ясную Поляну, безъ малѣйшихъ стѣсненій для Васъ, не тревожа Льва Николаевича? У Пархоменки (И. К.) разспрошу, какъ удобнѣе проѣхать.—Примите мое глубочайшее почтеніе и выраженіе давней, горячей, сердечной преданности. Вѣрю, что и Вы, и Левъ Николаевичъ разомъ увидите, что я не льстецъ. Стремлюсь къ счастливѣйшему дню моей жизни.

Григорій Градовскій.

---

8 октября 1909 г. Спб.

Глубокоуважаемая графиня Софья Андреевна. Я еще поглощенъ нравственнымъ и умственнымъ богатствомъ, вынесеннымъ изъ кратковременнаго пребыванія въ Ясной Полянѣ. Отъ множества впечатлѣній и отъ дороги чувствую нѣкоторую усталость. Тѣмъ не менѣе, первое мое побужденіе — выразить Вамъ сердечнѣйшую благодарность за доставленное мнѣ счастье и за причисленіе къ *«нашимъ»*, т. е. къ наиболѣе преданнымъ и любящимъ Льва Николаевича и Васъ, какъ спутницу и хранительницу его жизни и здоровья. По обѣщанію, посылаю подъ бандеролью № 40 жур. *«Огонекъ»*, гдѣ помѣщены фотографіи о пребываніи въ Москвѣ, кажется, не имѣющіяся у Васъ, и № 262, отъ 24 сентября, *«Рѣчи»*, со статьей Пругавина.

Теперь я озабоченъ желаніемъ отдать отчетъ о моихъ впечатлѣніяхъ и сомнѣваюсь—удастся ли мнѣ эта довольно трудная задача, трудная потому, что нелегко говорить о геніальномъ писателѣ послѣ того, что давно сказано о немъ

на всѣхъ языкахъ и самыми знаменитыми людьми. Мнѣ же хочется написать такую статью, лучше которой я никогда не писалъ. Призываю Божье благословеніе.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», отъ имени Бирюкова, были сообщены тревожныя извѣстія о состояніи здоровья Льва Николаевича. Не знаю, надо ли это? А я уѣхалъ съ утѣшительной надеждой.—Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь душевно преданный

Григорій Градовскій.

---

17 октября 1909 г. Спб.

Глубокоуважаемая Софья Андреевна. Я уѣхалъ изъ Ясной Поляны, очарованный Вашимъ пріемомъ, всѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ. Ваши дорогія письма укрѣпили, до высшей степени, эти впечатлѣнія и чувства. Если я былъ *Вашъ* даже тогда, когда Вы и не подозрѣвали о моемъ существованіи, то теперь я *Вашъ* всей моей душой и помысломъ.

Меня очень безпокоитъ, что Левъ Николаевичъ такъ переутомляется и это отражается и на всѣхъ близкихъ къ нему.

Мною уже начатъ отчетъ о моей счастливой поѣздкѣ и теперь мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ онъ понравился Вамъ и не возбудилъ ни малѣйшаго неудовольствія у Льва Николаевича. Къ сожалѣнію, изъ трусости, редакція многое выбрасываетъ, да и опечатокъ достаточно. Когда все будетъ напечатано, то соберу всѣ №№ и отправлю къ Вамъ. Мнѣ говорили въ редакціи, что «Бирж. Вѣд.» Вамъ высылаются. Мои замѣтки появляются и въ маломъ изданіи, идущемъ исключительно въ провинціи, и въ вечернемъ, выходящемъ въ Петербургѣ. Оба изданія самыя распространенныя.

Какъ мнѣ отрадно сознавать, что я Вамъ понравился и могу, слѣдовательно, разсчитывать, что и въ будущемъ Вы позволите мнѣ Васъ навѣстить.

Меня теперь одолѣваетъ мысль, какъ бы устроить возвращеніе г. Гусева. У меня имѣются кое-какія связи, но не знаю, какъ и можно ли сдѣлать подобную попытку.

Да будетъ Божье благословеніе надъ Вами.—Съ глубочайшимъ почтеніемъ, остаюсь безпредѣльно преданный

Григорій Градовскій.

---

10 ноября 1909 г. Спб.

Глубокоуважаемая Софья Андреевна. Жажду напомнить Вамъ о себѣ. Кого любишь и почитаешь,—этимъ очень дорожишь.

Послѣ моего незабвеннаго и счастливаго для меня посѣщенія Ясной Поляны, я весь октябрь посвятилъ описанію и впечатлѣніямъ этого лучшаго въ моей жизни событія. Написалъ *десять* статей, но не знаю—дошли ли онѣ къ Вамъ? Болѣе систематически печатались онѣ во 2-мъ (провинціальномъ) изданіи «Биржевыхъ Вѣдомостей»,—а здѣсь урывками и обѣщаютъ еще докончить. Изданіе 2-ое этой газеты очень распространено по всей провинціи и въ болѣе «простомъ» кругѣ,—и мнѣ пріятно было имѣть такую аудиторію. Даже здѣшніе швейцары знаютъ объ этихъ статьяхъ и очень привѣтствуютъ меня,—бывая въ деревнѣ или получая вѣсти оттуда. Двѣ послѣднія главы еще не появились изъ-за редакціоннаго страха.

Мнѣ обѣщали собрать ихъ и выслать въ Ясную Поляну. Во всякомъ случаѣ, въ полномъ, не искаженномъ видѣ, я предполагаю издать ихъ и, можетъ быть, дополнить въ отдѣльной брошюрѣ, что мнѣ настоятельно совѣтуютъ. Ситинъ обѣщалъ мнѣ это; съ нимъ я случайно познакомился на дняхъ. Но меня сильно безпокоитъ Ваше мнѣніе? Если Вы чѣмъ-либо недовольны или кое что требуетъ поправки,—будьте добры напишите съ полной откровенностью. Въ брошюрѣ все это можно будетъ улучшить, а дурное или неточное устранить. Мое желаніе—составить своего рода *историческій документъ*. Я чуждъ всякихъ самолюбій и

желалъ бы лишь выразить мое сердечнѣйшее, глубочайшее почтеніе ко Льву Николаевичу, сохранивъ для потомства малѣйшія черточки его великой дѣятельности. Я бы не рѣшился сказать ему это лично; но говорю смѣло Вамъ, ибо видѣлъ, какъ Вы озабочены, поглощены тѣми же заботами и помыслами, и чувствовалъ, какъ Вы были добры и довѣрчивы ко мнѣ.

На юбилеѣ «Литературнаго Фонда» всѣ съ величайшимъ восторгомъ приняли привѣтствіе «Льва Николаевича» и выразили желаніе послать отвѣтную, сочувственную телеграмму. «Литературный Фондъ», въ лицѣ нынѣшнихъ дѣятелей, далеко не стоитъ на высотѣ своей задачи, но надо было поддержать основную идею его и это достигнуто, среди позорнѣйшаго положенія нашей печати и инквизиціонныхъ преслѣдованій всякаго правдиваго слова. Чрезвычайно отрадно, что великій писатель нашъ былъ съ нами, а мы съ нимъ. Дорогая, глубокоуважаемая Софья Андреевна, вѣрьте что мысли мои и сердечнѣйшія чувства часто переносятся къ Вамъ и что для меня весьма драгоцѣнно сознавать, что Левъ Николаевичъ и Вы числите меня въ средѣ своихъ непзмѣнныхъ поклонниковъ. Сердечно преданный

Григорій Градовскій.

---

16 ноября 1909 г.

Многоуважаемый Григорій Константиновичъ. Читая ваши статьи, мнѣ все время хотѣлось написать вамъ и выразить ту радость, которую я испытывала при чтеніи ихъ. Какъ хорошо вы пишете, какъ тонко наблюдаете и добро относитесь ко всѣмъ и ко всему! Но я долго и напрасно ждала продолженія и конца. Сегодня получила «Бирж. Вѣд.» отъ 14-го ноября. Тамъ сказано, что была еще напечатана ваша статья 13-го ноября въ вечернемъ номерѣ, а у меня его нѣтъ, и это очень меня огорчаетъ. Такъ какъ «Бирж. Вѣд.», да и всѣ газеты, намъ посылаютъ безплатно, то мнѣ совѣстно просить вторичной высылки газеты; а если бы вы были такъ любезны и прислали бы мнѣ всѣ ваши статьи въ ихъ послѣдовательности, то я была бы вамъ очень благодарна. Не встрѣчая долго продолженія, я уже обезпокоилась о вашемъ здоровьѣ. Сегодня мы всѣ встревожены немного: Левъ Николаевичъ ѣздилъ верхомъ всѣ эти дни, а сегодня поѣхалъ съ Сашей въ саняхъ за 7 верстъ къ знакомой старушкѣ. Была метель и очень много нанесло всюду снѣгу. Дорогой онъ все дремалъ; вернувшись, легъ спать и проспалъ пять часовъ подрядъ. Всталъ шатаясь, попробовалъ поѣсть, но все было ему противно, вкусъ во рту горькій; и такъ, не обѣдавъ, онъ опять легъ и заснулъ. Теперь ночь, я не рѣшаюсь ложиться и очень боюсь, какъ бы не повторились обмороки и отсутствіе памяти. Можетъ быть, погода вліяетъ на Льва Николаевича; у насъ ежедневныя метели, и въ домѣ всѣ чувствуютъ какое-то недомоганіе. Ждемъ утра, что-то будетъ! Всѣ были сегодня въ восторгѣ утромъ, когда я читала вслухъ ваши описанія полицейскаго требованія денегъ за фотограф. карточку Гусева, и ваше мнѣніе о высылкѣ Гусева. Какъ все это ярко, смѣло и правильно выставлено! Не досталось бы за эти главы «Биржевымъ Вѣдомостямъ»! Сытинъ врядъ ли рѣшится теперь издать ваши статьи брошюрой. Сегодня въ газетахъ напечатано, что въ его типографіи арестовали второе изданіе «Круга Чтенія» Льва Николаевича и его же изреченія на каждый день за сентябрь. Это было очень непріятно Льву Николаевичу. Я думаю, что вамъ лучше напечатать вашу статью въ Петербургѣ, тамъ цензура снисходительнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Вы пишете, чтобы я сдѣлала поправки въ томъ, что вы написали. Но все такъ хорошо и правдиво, что нечего поправлять. Беру на себя смѣлость сдѣлать только *одно* замѣчаніе. Вы пишете: Л. Н. поѣхалъ *кататься* верхомъ. Слово кататься выражаетъ движеніе чего-нибудь круглаго, представляешь себѣ колеса, которыя катятся. Простите меня, что осмѣливаюсь замѣтить *такому* писателю, какъ вы, такую мелочь. Я и своему геніальному мужу иногда позволяла дѣлать поправки, на которыя онъ охотно соглашался. Пріѣзжайте къ намъ опять, многоуважаемый Григорій Константиновичъ: съ вами все такъ интересно и пріятно. Желаю вамъ здоровья и всякой радости. Искренно преданная вамъ

С. Толстая.

---

24 ноября 1909 г. Спб.

Глубокоуважаемая графиня Софья Андреевна. Меня такъ встревожила вѣсть о возобновленіи припадковъ утомленія у Льва Николаевича, что я немедля, въ тотъ же вечеръ, передалъ по телефону объ этомъ въ редакцію, съ просьбой послать телеграмму къ Вамъ съ вопросомъ объ исходѣ этого недомоганія. По счастью, сегодня изъ Москвы пришли успокоительныя свѣдѣнія. Очень вѣроятно, что погода имѣетъ вліяніе, какъ и на мои нервы она дѣйствуетъ; но все же не слишкомъ ли много утруждаетъ себя Левъ Николаевичъ умственной работой?

Остальныя дорогія строки Ваши принесли мнѣ великую радость, удостовѣривъ меня въ Вашемъ дружескомъ расположеніи и устранивъ сомнѣнія относительно моихъ статей. Очень нелегко было мнѣ писать о такомъ геніи, послѣ того, что написано о немъ на всѣхъ языкахъ. Публицистическая часть мнѣ болѣе привычна и дается безъ труда; но она связывается цензурными страхами. При малѣйшемъ повышеніи тона, редакція перепугалась бы и отказалась бы печатать. И безъ того многое сокращено, а цѣлая глава и самая важная—о новыхъ статьяхъ—пролежала двѣ недѣли, да такъ и не появилась. Послѣдняя, заключительная тоже сокращена. Но въ статьяхъ есть притязанія на художественность, на описанія и личную психологію. Это дается мнѣ съ трудомъ, хотя я писалъ съ театра войны, и корреспонденціи мои пользовались успѣхомъ, а многіе хвалятъ и характеристику личностей въ моихъ «воспоминаніяхъ». Но главная моя забота—чтобы Вы и Левъ Николаевичъ остались довольны выполненіемъ моего долга передъ потомствомъ и не нашли чего-либо лишняго или непріятнаго. Слава Богу, если и въ цѣломъ мое описаніе произведетъ на Васъ благопріятное впечатлѣніе. Теперь я всю рукопись пересматриваю, дополняю и послѣ переписки попытаюсь издать. Мнѣ хочется озаглавить: «Левъ Толстой, на 82 году жизни». Можно ли, по Вашему мнѣнію, такъ озаглавить, или сохранить прежнее, болѣе скромное заглавіе, или какое-нибудь иное придумать? Всякое указаніе Ваше будетъ принято мною съ особымъ удовольствіемъ и устранитъ мои опасенія. Никого и ничего другого—не боюсь. Такъ же принято мною и Ваше замѣчаніе относительно выраженія «кататься верхомъ». Будетъ исправлено. Мнѣ очень лестно все, что Вы сказали и скажете въ будущемъ.

Посылаю при этомъ желанную Вами главу, которую Вы не читали еще. Я уже неоднократно просилъ редакцію собрать все напечатанное и отослать въ Ясную Поляну. Мнѣ обѣщали. Всѣхъ статей было X, но одна не напечатана и осталось IX. Если бъ какая-нибудь была пропущена, то я дошлю, не ожидая брошюры. Печатали во всѣхъ изданіяхъ, безпорядочно; но въ самомъ распространенномъ, провинціальномъ «маленькомъ» изданіи появилось все. Прилагаю вырѣзку о мнѣніи Л. Н. о новыхъ литераторахъ. Она меня очень заинтересовала, и мнѣ очень хотѣлось бы знать, на сколько изложеніе этого мнѣнія достовѣрно. У меня есть мѣсто, куда бы можно было это мнѣніе включить, какъ очень поучительное и полезное.

Изъ другой вырѣзки («Нов. Времени») видно, что С—ко, по обыкновенію, что-то напуталъ обо мнѣ, покойномъ Гольцевѣ, по поводу «прошенія писателей» 1895 года; «Русскихъ Вѣдомостей» я еще не имѣю; но «Новое Время» подхватило и *по своему* истолковало разсказъ С—ки, въ ущербъ тѣмъ, кто добивался свободы печати въ 1895 году, и во вредъ покойному Гольцеву. Вамъ извѣстно, въ какой формѣ у меня въ памяти сохранился этотъ эпизодъ, и онъ изложенъ у меня вполнѣ объективно, безъ ущерба для кого бы то ни было, за исключеніемъ правительства, невнявшаго тогда самому справедливому и крайне умѣренному требованію. Хищники и узурпаторы власти оставили просьбу, даже принятую Государемъ,—«безъ всякаго уваженія» (См. «Итоги», стр. 299). И по этому поводу очень было бы желательно получить, если возможно, разъясненіе.

Вотъ сколько просьбъ и вопросовъ я осмѣлился высказать Вамъ, злоупотребляя Вашей добротой. Но я увѣренъ, что Вы не исполните ихъ, если это неудобно или было бы обременительно при Вашемъ неустанномъ трудѣ и драгоцѣнной для всѣхъ заботливости о сохраненіи здоровья и силъ нашего любимаго Льва Николаевича. Ваше вторичное приглашеніе побывать въ Ясной Полянѣ за-

нало въ мою душу и обратилось уже въ радостную мечту. Позвольте, по старинному, поцѣловать за это Ваши дорогія ручки и пожелать полнаго благополучія и здоровья Льву Николаевичу, Вамъ и всему семейству и дому Вашему.—Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь усердно Вамъ преданный

Григорій Градовскій.

---

29 ноября 1909 г.

Могу вамъ написать сегодня только нѣсколько словъ, многоуважаемый Григорій Константиновичъ. У меня болятъ глаза, я лечусь, и предписано мнѣ вовсе не работать. А какъ быть. Работы очень у меня много всякой.

Мнѣніе о новыхъ писателяхъ Льва Николаевича есть сплошной вымыселъ, о чемъ напечатала со словъ отца наша дочь, Саша. Не вставляйте ничего не своего, не спросивъ насъ, а то лжи печатаютъ больше, чѣмъ правды. Ваши статьи такъ хороши, что не стоитъ ихъ пестрить чужими да еще не правдивыми выносками. С. тоже часто путаетъ и придаетъ такое значеніе и такую окраску словамъ и дѣйствіямъ Льва Николаевича, что и не узнаешь ихъ. Самый же лживый, беззастѣнчиво лживый писатель о Толстомъ, это нѣкто Т. Вотъ кого надо бояться!..

Какъ бы я желала, чтобы статьи ваши появились и за границей, въ переводѣ. Тамъ бы ихъ оцѣнили по настоящему.

Была я въ Москвѣ и хотѣла кое-кому дать прочесть ваши статьи. Людямъ, которые бы понимали и навѣрное сочувствовали бы имъ. И, представьте, въ Москвѣ я нигдѣ не нашла «Биржевыхъ Вѣдомостей». Даже Москвѣ недоступно чтеніе того, что имѣетъ значеніе и цѣну. Я заказала для друзей нѣсколько номеровъ, но еще не получила ихъ. Однако, я записалась. О Львѣ Николаевичѣ могу сообщить вамъ хорошія вѣсти; онъ здоровъ, уѣхалъ сейчасъ верхомъ съ докторомъ. Погода чудесная, иней разукрасилъ всю природу, а солнце на все навело розовый блескъ ранняго заката. При этомъ тихо: на пруду ребята и внуки мои радостно катаются на конькахъ. У насъ лучше, чѣмъ у васъ въ Петербургѣ, откуда дьявольской силой шлютъ по 12 смертныхъ приговоровъ, не думая о Богѣ, о грѣхѣ, о душѣ и хотя бы о радости жизни. Желаю вамъ спокойствія и здоровья. —Преданная вамъ

Софія Толстая.

---

15 декабря 1909 г. Спб.

Глубокоуважаемая Софья Андреевна. Порадовавъ возстановленіемъ здоровья Льва Николаевича, Вы огорчили меня извѣстіемъ о своей глазной болѣзни. Надѣюсь, что это простое переутомленіе, которое и мною не разъ было испытано. Надо избѣгать ночной работы, особенно при близко стоящей лампѣ, и освѣжать глаза примочкой Буяльскаго или «черешневой воды». Глаза отдохнутъ и снова послужатъ прекрасной ихъ владѣтельницѣ, на радостъ всѣхъ ея почитателей и на пользу литературѣ.

Простите, что и я, по общему обычаю, пускаюсь въ знахарство; но мнѣ это помогало.

Меня очень трогаетъ Ваше доброе и поощрительное отношеніе къ предполагаемой моей брошюрѣ. Безъ сомнѣнія, всѣ Ваши совѣты и желанія падаютъ на воспріимчивую почву и будутъ свято исполнены. Къ сожалѣнію, Ваше предсказаніе относительно Сытина, повидимому, оправдывается. Онъ замедлилъ съ своимъ окончательнымъ отвѣтомъ, хотя все матеріальное я предоставилъ полному его усмотрѣнію, заботясь лишь о приличной внѣшности и нравственной сторонѣ. Для меня главное—внести сколько-нибудь цѣнный вкладъ въ литературу о нашемъ величайшемъ писателѣ. Нельзя притязать, чтобъ генія всѣ понимали одинаково и непогрѣшимо; но, вѣдь, я писалъ *свободно,* не спрашивая совѣтовъ и указаній даже у Васъ, и если Вы остались довольны, то для меня это высшая похвала и по-

ощреніе къ изданію брошюры, хотя бы и помимо Сытина. Онъ тѣмъ удобенъ, что отъ него зависитъ и распространеніе изданій.

Теперь позвольте сообщить Вамъ просьбу редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей». Въ выходящемъ подъ той же редакціей еженедѣльномъ иллюстрированномъ журналѣ «Огонекъ» предположено собрать «автографическіе отвѣты выдающихся людей міра искусства и литературы и общественныхъ дѣятелей на вопросъ: *какія пожеланія высказали бы они Россіи къ наступающему году*». Конечно, особенно было бы желательно получить «автографическій отвѣтъ» на означенный вопросъ отъ Льва Николаевича.

Исполняя просьбу редакціи, передаю объ этомъ на Ваше усмотрѣніе. «Огонекъ» очень распространенное, дешевенькое изданіе, по 5 коп. за №. Одинъ экземпляръ имѣется у Васъ, посланный мною Вамъ по поводу фотографическихъ снимковъ въ немъ о московскихъ проводахъ и привѣтствіяхъ на Московско-Курскомъ вокзалѣ.

Редакція увѣряетъ, что «отвѣты» будутъ даны всѣми «выдающимися людьми» и извѣстнѣйшими писателями. Съ меня тоже взятъ отвѣтъ—и я высказалъ уже, что пожелалъ бы я Россіи въ наступающемъ году.

Съ своей стороны, я не смѣю поддерживать эту просьбу, не зная, въ какой мѣрѣ она будетъ пріятна Вамъ и Льву Николаевичу. Но, въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія, желательно получить отвѣтъ, на прилагаемомъ бланкѣ, возможно скорѣе, хотя бы и черезъ мое посредство.

Дай Богъ Вамъ здоровья и благополучія. Сердечнѣйшій почитатель Вашъ, неизмѣнно преданный

Григорій Градовскій.

---

16 дек. 1909 г. Спб.

Глубокоуважаемая графиня Софья Андреевна. Едва я отправилъ вчера свое письмо, какъ получены очень тревожныя телеграммы о болѣзни Льва Николаевича, да еще въ Вашемъ отсутствіи. Слава Богу, Вы прилетѣли, какъ Ангелъ-Хранитель, въ Ясную Поляну, и пришло болѣе утѣшительное извѣстіе.

Молю Бога о выздоровленіи и возстановленіи силъ нашего маститаго, геніальнаго писателя и лучшаго изъ людей, учителя добру, ратоборца свободы, правды и справедливости.

Умоляю Васъ, при первой возможности, передать Льву Николаевичу мое глубочайшее почтеніе и самыя искреннія чувства любви.

Да не ослабнутъ и Ваши силы и заботы, столь драгоцѣнныя для Россіи и всего человѣчества. Шлю свой привѣтъ Александрѣ Львовнѣ и всѣмъ близкимъ Вамъ.—Глубочайше преданный.

Гр. Градовскій.

Смотрю на фотографическій портретъ, стоящій у меня на письменномъ столѣ, подаренный мнѣ Львомъ Николаевичемъ, вспоминаю о Вашемъ радушномъ пріемѣ въ Ясной Полянѣ, и слезы навертываются, туманятъ мои глаза. Да минетъ насъ горькая чаша!

---

29 декабря 1909 г. Спб.

Глубокоуважаемая графиня Софья Андреевна. Какъ видно изъ телеграммъ и газетныхъ извѣстій, здоровье Льва Николаевича возстановилось. Для меня и для всѣхъ почитателей нашей славы—это великая радость, драгоцѣннѣйшее «новое счастье» къ новому году. Но о Вашихъ глазахъ продолжаю безпокоиться.

Поздравляю Васъ, Льва Николаевича и Александру Львовну съ новымъ годомъ; желаю здоровья прежде всего и всякаго благополучія. Возобновляю увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и искреннѣйшей преданности.

Григорій Градовскій.

---

5 января 1910 г. Спб.

Мнѣ совѣстно, многоуважаемый Григорій Константиновичъ, что я до сихъ поръ не отвѣтила на всѣ ваши любезныя письма. Это не потому, что я не хотѣла, а просто жизнь меня такъ со всѣхъ сторонъ засуетила, что совсѣмъ не было времени. Благодарю васъ за поздравленіе, за ваши добрыя пожеланія всѣмъ намъ. Перечитывая ваши письма, я увидала, что ничего не отвѣтила вамъ по поводу просьбы редакціи «Огонька». Но по полученіи тогда вашего письма, я тотчасъ же передала вашу просьбу Льву Николаевичу, и онъ сразу отказалъ, не оставивъ никакой надежды на перемѣну своего рѣшенія. Онъ много работаетъ въ настоящее время и пишетъ сразу три статьи. Я его стараюсь воздерживать отъ работы, которой онъ очень увлекается и утомляетъ себя. Слава Богу, онъ въ настоящее время здоровъ и веселъ. Къ намъ пріѣхало очень много гостей къ праздникамъ. Старшій сынъ съ семьей, невѣстка съ двумя внуками, гр. Дм. Ад. Олсуфьевъ и другіе. Гостила Ванда Ландовска, которая привозила клавесинъ и много играла старинной музыки, очень нравившейся Льву Николаевичу. Я такъ рада была, что его развлекали и отвлекали отъ его умственнаго труда.

Веселились мы всѣ эти святки по старинному: елка, катанье, ряженье. Особенно удался маскарадъ, въ которомъ участвовала молодежь, прислуга, дѣти. Плясали, шутили, клоуны кривлялись, смѣшили всѣхъ; а таперами были Ванда и сынъ мой Сергѣй, оба отлично игравшіе. Общему веселью способствовало, конечно, здоровье, бодрое и радостное настроеніе Льва Николаевича. Оба дома наши полны гостей, хлопотъ много, но и весело.

Вышла ли ваша брошюра или еще нѣтъ? Чѣмъ вы теперь заняты? Желаю вамъ съ новымъ годомъ новыхъ силъ къ работѣ, здоровья и тѣхъ радостей, которыхъ желаетъ ваша душа. Искренно преданная и уважающая васъ

Софія Толстая.

2-го января 1910 г.

Глубокоуважаемая Софья Андреевна. Полученіе Вашего письма составило для меня первое радостное событіе въ новомъ году. Очень отрадно было узнать о возстановленіи здоровья Льва Николаевича. Да будетъ благословеніе Божіе надъ всѣми Вами!

Ужасно глупыя статьи помѣщалъ въ «Новомъ Времени» В. В. Розановъ, по поводу писемъ Эртеля; этотъ шатающійся, талантливый, но не всегда добросовѣстный писатель вздумалъ сопоставлять Эртеля съ Львомъ Николаевичемъ и корить его Эртелемъ. Вышло дерзко и неубѣдительно, но зато черносотенно-модно. Не знаю, замѣтили ли Вы эти статьи?

Если Вы помните, я не рѣшался высказать своего мнѣнія по поводу просьбы ред. «Огонька» и ограничился лишь передаточной ролью, предоставляя все на волю Льва Николаевича. Теперь вполнѣ сочувствую рѣшительному отказу. Для Л. Н. черезчуръ низменно участіе въ подобной «анкетѣ». Я не могъ отказаться и новый разъ повторилъ свои непрестанныя требованія о свободѣ мысли и печати, о прекращеніи «охранъ» и репрессій.

Очень многіе также воспользовались этой «анкетой» и высказались противъ казней и удушья. Посылаю Вамъ этотъ № «Огонька». Заглавіе этого журнальчика плохое и отъ него черезчуръ ужъ несетъ спекуляціей и рекламой. Объявленія, окружающія съ двухъ сторонъ этотъ №, мною отрѣзаны.

Относительно моей брошюры ничего не могу сказать хорошаго. Она готова въ печати, просмотрѣна, переписана, возстановлены редакціонныя выброски, дополнена новыми главами,—но отъ Сытина нѣтъ еще рѣшительнаго отвѣта; несмотря на обѣщанія, тянетъ съ отвѣтомъ. Надѣюсь, что въ крайности можно будетъ обойтись и безъ него; но онъ полезенъ въ дѣлѣ распространенія брошюры. Какъ только что-нибудь наладится, немедля увѣдомлю Васъ, какъ мою поощрительницу и благосклоннаго критика.

Моя сердечная, задушевная преданность Вамъ все растетъ и растетъ, а я всегда былъ вѣрнымъ другомъ. Буду счастливъ, когда опять мнѣ удастся подышать чарующимъ воздухомъ Ясной Поляны. Октябрьскіе дни (4—5 числа) представляются мнѣ свѣтлымъ видѣньемъ, наградой за пережитыя страданія.

Занятъ я теперь устройствомъ *съѣзда писателей* (вѣроятно, въ мартѣ). Съ истиннымъ почтеніемъ и душевной преданностью остаюсь Вашимъ почитателемъ

Григорій Градовскій.

---

1 апрѣля 1910 г. Спб.

Глубокоуважаемая, дорогая графиня Софья Андреевна. Позвольте мнѣ напомнить о себѣ. Надѣюсь, Вы не сомнѣваетесь, что за малѣйшимъ извѣстіемъ изъ Ясной Поляны я не переставалъ слѣдить съ неизмѣннымъ сердечнымъ участіемъ, а иной разъ и съ чувствомъ зависти, конечно, самой благодушной; хотя и сознаю, что Левъ Николаевичъ общее достояніе и что иначе и быть не можетъ и не должно быть.

Ничего интереснаго для Васъ я не могу сообщить. Брошюра моя все въ томъ же положеніи, такъ какъ Сытинъ все водитъ обѣщаніями. Теперь Сергѣенко предлагаетъ мнѣ помочь въ сношеніяхъ съ этимъ издателемъ. Помимо этого, я страшно былъ занятъ и имѣлъ много непріятностей. На мнѣ лично лежала съ 1908 года, со времени извѣстнаго съѣзда въ честь «великаго писателя земли Русской», работа по созыву 2-го съѣзда. Я вырабатывалъ и программу и хлопоталъ о разрѣшеніи. Все шло хотя и съ обычной въ нашей косной и разрозненной средѣ медленностью, но все же очень удачно; но въ самый послѣдній моментъ—полиція чего-то напугалась и исключила изъ программы *общій* вопросъ «о правовомъ положеніи печати». Конечно, положеніе печати *таково*, что ничего пріятнаго по этому старому и избитому вопросу правительство не могло услышать. Вмѣсто устраненія зла и неправды, предпочтено было прикрыться молчаніемъ.

Это было непріятно; но наши радикалы, очень мало заинтересованные въ устраненіи другихъ золъ, въ которыхъ *мы сами виноваты*, и не чувствующіе матеріальной нужды, вздумали *отказаться отъ съѣзда*, и не только отказаться, но и оказать насиліе и давленіе на другихъ. И это еще можно было снести; но стали прибѣгать къ самой явной лжи, къ низкимъ намекамъ и обвиненіямъ. Я надѣялся оказать *послѣднюю* услугу «братьямъ писателямъ» и той свободѣ мысли и слова, которую отстаивалъ всю жизнь (что торжественно признавалось на съѣздѣ 1908 года); на меня же стали теперь нападать, чуть не обвиняя въ «провокаціи», въ устройствѣ какой-то «ловушки» и въ защитѣ правительства—хотя совершенно справедливо было, что мнѣ было оказано полное вниманіе и даже неожиданное сочувствіе въ дѣлѣ разрѣшенія съѣзда.

Особенно нецеремонно разрушали съѣздъ главари «Рѣчи» и «Русскаго Богатства». Въ концѣ-концовъ, однако, истина взяла свое, и съѣздъ состоится 22—29 *апрѣля*. Въ настоящее время имѣется уже почти вдвое болѣе участниковъ, нежели было въ 1908 году (тогда съѣздъ собрался очень поздно, 22—25 іюня, когда многіе были въ разъѣздѣ). Теперь меня избрали Предсѣдателемъ Организаціоннаго Комитета.

Не стану утруждать Васъ дальнѣйшими подробностями. Вы ознакомитесь съ ними изъ прилагаемаго извѣщенія о съѣздѣ и изъ моей послѣдней статьи по этому поводу. Добавлю только, что нынѣшній съѣздъ непосредственный *преемникъ*

перваго (1908 года), и я бережно *охраняю* это преемство. Навсегда останется памятнымъ, что дѣло упроченія этой организаціи неразрывно связано съ началомъ, положеннымъ подъ покровомъ имени нашего великаго мыслителя и геніальнаго писателя. Если бы не было перваго съѣзда, не было бы и второго.

Вотъ по поводу этого съѣзда я и пишу Вамъ, глубокочтимая Софья Андреевна, и увѣренъ, что Вы уже догадываетесь, какой отвѣтъ я желалъ бы получить отъ Васъ,—хотя бы самый лаконическій.

Съѣзду нельзя, немыслимо не отозваться къ Льву Николаевичу и нечего и говорить, что было бы очень больно, если бы и отъ нашего великаго писателя многолюдное литературное собраніе не дождалось хотя бы единаго привѣтливаго слова. Гдѣ *мы*, тамъ незримо будетъ и *онъ*. Для меня же было бы страшнымъ ударомъ, истиннымъ горемъ, еслибъ порвалась эта естественная нить духовнаго единенія.

Весь вопросъ сводится къ тому, какъ бы это наилучше устроить, чтобъ не сдѣлать что-либо неугодное дорогому, любимому Льву Николаевичу? Къ кому же мнѣ обратиться за совѣтомъ, за указаніями, какъ не къ Вамъ, къ Ангелу-Хранителю нашего драгоцѣннаго умственнаго и духовнаго богатства? Никто еще не знаетъ, что я пишу объ этомъ Вамъ, и безъ Васъ, безъ Вашего указанія и согласія я ничего не сдѣлаю.

Вѣдь Вы же мнѣ сказали, что я *Вашъ*,—такъ прекрасно, такъ довѣрчиво?.. Я постоянно вспоминаю это лестное, отрадное для меня *слово* Ваше. Такъ и поступайте же со мною, какъ съ *своимъ*, какъ самымъ преданнымъ, почтительно любящимъ Васъ поклонникомъ. Еслибъ я не былъ отъ природы очень скромнымъ человѣкомъ и не боялся надоѣдать другимъ,—я не переставалъ бы вести съ Вами самую задушевную переписку; но я рѣшаюсь безпокоить Васъ только въ важныхъ случаяхъ, когда увѣренъ, что Вы оправдаете меня, когда нельзя уже молчать.

Мнѣ лично съѣздъ и всѣ ожидаемыя отъ него въ будущемъ улучшенія не только матеріальнаго, но и нравственнаго, этическаго свойства,—*не нуженъ*. Если надежды и ожиданія, возлагаемыя на съѣздъ и на послѣдующія собранія этого рода, оправдаются, то не мы уже, съ Вами, будемъ этимъ пользоваться; но высшее благо заключается, именно, въ томъ, когда хоть крупицу добра можно принести другимъ. Самъ удивляюсь и другіе часто говорятъ мнѣ: откуда у меня берутся и даже какъ будто нарастаютъ силы для работы, послѣ десятилѣтняго умиранія?.. Меня уже и «бранятъ», какъ здороваго... Но если одичалые люди не щадятъ даже Льва Николаевича, то что же говорить обо мнѣ!

По случаю съѣзда мы начинаемъ издавать «Вѣстникъ съѣзда». Мы будемъ его высылать Вамъ, на случай, если Вы пожелаете знать, что будетъ дѣлаться въ данномъ случаѣ. Простите, дорогая Софья Андреевна, но Вы произвели на меня такое чарующее впечатлѣніе, что я не боюсь писать къ Вамъ со всей откровенностью, а къ Льву Николаевичу не смѣю... Ради Бога, не сочтите это за недостатокъ самой изысканной почтительности. Льва Николаевича я почитаю, какъ «не отъ міра сего»; онъ для меня черезчуръ *небесенъ*, а Васъ я не отымаю отъ земли, отъ всего, конечно, что на ней есть лучшаго и возвышеннаго. Кажется, я черезчуръ злоупотребляю Вашимъ снисхожденіемъ.—Позвольте поцѣловать Вашу руку и пожелать всѣхъ благъ.

Григорій Градовскій.

Свидѣтельствую свое почтеніе Александрѣ Львовнѣ.
Очень опасаюсь, что утруждаю Ваши глаза.

Градовскому.

Григорій Константиновичъ, Вы желаете, чтобы я выразилъ свое отношеніе къ предполагаемому и устраиваемому Вами съѣзду писателей. Отношеніе мое къ людямъ, стремящимся къ единенію, не можетъ быть инымъ, какъ самое сочувственное, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда стремятся къ единенію писатели—люди, къ которымъ и я принадлежу, занятые дѣятельностью слова—могу-

щественнѣйшаго орудія единенія людей. И потому вполнѣ сочувствую и желаю наибольшаго успѣха съѣзду.

Одно только обстоятельство въ приготовленіяхъ къ этому съѣзду смущаетъ меня, смущаетъ настолько, что если бы я и имѣлъ для этого силы и возможность, я не могъ бы принять участія въ съѣздѣ. Устройство съѣзда и даже предѣлы области его занятій разрѣшаются, опредѣляются тѣми лицами, которыя у насъ называются правительствомъ. А, между тѣмъ, я полагаю, что въ наше время всякому уважающему себя человѣку, а тѣмъ болѣе писателю, нельзя вступать въ какія-либо добровольныя соглашенія

и тѣмъ болѣе несовмѣстимо съ достоинствомъ человѣка руководствоваться въ своей дѣятельности предписаніями этихъ людей.

Если найдете нужнымъ обнародовать это письмо, то я ничего не имѣю противъ, но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было исключено и мое объясненіе тѣхъ причинъ, по которымъ я считалъ бы для себя невозможнымъ участвовать въ съѣздѣ писателей.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой.

6 апр. 1910 г. Ясная Поляна.

---

12 апрѣля 1910 г. Спб.

Глубокоуважаемая, дорогая графиня Софья Андреевна. Не знаю, какъ и благодарить Васъ за выполненіе моей просьбы. Изъ прилагаемаго письма къ Льву Николаевичу Вы узнаете, какое впечатлѣніе и какія чувства вызвалъ отвѣтъ его на общее желаніе услышать его сочувственное слово на съѣздѣ писателей. Ваша благосклонная доброта ко мнѣ подстрекаетъ и къ новой просьбѣ: взять подъ свое покровительство мое *первое,* непосредственное письменное обращеніе къ Льву Николаевичу, если это только возможно, и не причинитъ ему хотя бы малѣйшаго неудовольствія или безпокойства. Безъ сомнѣнія, Вы не сомнѣваетесь, что мною вполнѣ раздѣляется негодованіе Ваше и всѣхъ близкихъ Вамъ по поводу тѣхъ дикихъ и поистинѣ уродливыхъ, злобныхъ отношеній властей къ знаменитѣйшему писателю нашему и всемірному, которыя губятъ Россію и упорно тянутъ ее къ новымъ бѣдствіямъ. Тѣмъ не менѣе,—какъ Вы и сами признаете, *нецензурность* второй части письма Льва Николаевича можетъ лишь послужить къ торжеству злорадства и мстительности этихъ обезумѣвшихъ губителей. Пристыдить же ихъ можно, и не подавая этого повода.

Мое письмо къ Льву Николаевичу и продиктовано этимъ желаніемъ. Я писалъ нескладно, прямо набѣло, можетъ быть, черезчуръ витіевато; но объясните это утомленіемъ и, главнѣе всего, и важностью предмета, и чувствомъ особаго почтенія къ тому великому человѣку, передъ которымъ издавна, еще съ 60-хъ годовъ, я привыкъ преклоняться, соблюдая и свое достоинство,—отъ всего сердца.

Отъ Вашего письма повѣяло дыханіемъ душистой весны и тепломъ солнечнаго утра... У Васъ такая же бодрость, какъ и у меня, невѣдомо откуда берущаяся... Даже глаза и у меня все болѣе и болѣе слабнутъ... Простите, что я осмѣливаюсь проводить подобныя параллели... Но это невольно влечетъ меня къ Вамъ и вызываетъ самыя искреннія пожеланія всего лучшаго и благого. Да хранитъ Богъ Ваше здоровье и Ваши силы. Преданнѣйшій Вашъ почитатель

Григорій Градовскій.

Я предполагаю передать письмо ко мнѣ Льва Николаевича въ Домъ-Музей его имени въ подлинникѣ, а себѣ сохраню копію. Условлюсь на этотъ счетъ съ М. А. Стаховичемъ, котораго буду привѣтствовать за то, что онъ сумѣлъ вызвать среди московской публики такое заслуженное сочувствіе къ Вамъ. Открытіе этого петербургскаго Общества въ маѣ прошлаго года происходило подъ моимъ

предсѣдательствомъ; тогда я не имѣлъ еще счастья быть съ Вами знакомымъ, хотя былъ уже въ числѣ *«вашихъ»*.—Буду присылать Вамъ «Вѣстникъ съѣзда».

---

21 мая 1910 г. Спб.

Глубокоуважаемая графиня Софья Андреевна. Посылаю вмѣстѣ съ этимъ письмомъ (подъ бандеролью) послѣдній, заключительный № «Вѣстника съѣзда писателей». На страницахъ 69—71 помѣщены документы по поводу тѣхъ обвиненій или обличеній, которыя рѣшился печатно высказать г. Ч. противъ меня лично, и противъ Организаціоннаго Комитета, *прикрываясь* именемъ Льва Николаевича. Вслѣдствіе выходки Ч., разгорѣлся цѣлый *скандалъ*, въ которомъ враги съѣзда, нецеремонно лгавшіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и помѣщавшіе фальсифицированные отчеты о самомъ съѣздѣ,—нашли новое средство исказить истину, подорвать нравственное значеніе и достоинство съѣзда и нанести мнѣ новыя огорченія и даже оскорбленія.

Все это возбуждаетъ во мнѣ желаніе узнать: насколько правды въ заявленіи г. Ч.—будто М. А. Стаховичъ, я и съѣздъ причинили Льву Николаевичу *непріятность* и въ какой мѣрѣ опроверженіе Ч. было имъ *одобрено?* Съ своей стороны, если это справедливо, считаю долгомъ просить Льва Николаевича великодушно простить меня, по-христіански; но не могу даже представить себѣ, чтобъ, не выслушавъ даже оправданій, Левъ Николаевичъ могъ хотя на минуту предположить, что я способенъ отнестись къ нему сколько-нибудь непочтительно, не сообразоваться съ его волей. Тѣмъ болѣе буду крайне огорченъ, если Вы и Левъ Николаевичъ допускаете возможность причиненія ему и Вамъ хотя бы тѣни какой-либо непріятности съ моей стороны. Я такъ былъ обремененъ занятіями, въ такой степени истомленъ и душевно, и физически, что не могъ немедленно во время съѣзда описать эпизодъ съ письмомъ Льва Николаевича. Теперь же мнѣ остается лишь добавить кое-что къ печатному матеріалу.

По непонятной для меня причинѣ, второе, отвѣтное письмо Льва Николаевича, за подписью секретаря и съ его Л. Н. любезной, собственноручной припиской, путешествовало въ Харьковъ и пришло ко мнѣ за часъ до открытія съѣзда. Подъ первымъ впечатлѣніемъ, я рѣшилъ лично *прочесть все письмо* Льва Николаевича, за исключеніемъ лишь двухъ рѣзкихъ словъ,—о чемъ и послалъ телеграмму въ Ясную Поляну. Изъ осторожности, я все же посовѣтовался съ М. А. Стаховичемъ. Онъ рѣшительно возсталъ противъ моего намѣренія. По его мнѣнію, вторая половина письма *расхолодила* бы съѣздъ и многочисленную публику, возбудила бы сомнѣнія и толки; какой-нибудь *провокаторъ* закричалъ бы: *читайте все,* а полиція, пожалуй, потребовала бы предъявленія ей письма. Мы, собственными устами, сдѣлали бы какую-то таинственную инсинуацію противъ Льва Николаевича и рисковали бы вызвать, въ торжественную минуту открытія съѣзда, въ переполненной залѣ, какой-нибудь скандалъ и столкновеніе съ полиціей, на радость врагамъ.

Съ этими доводами я не могъ не согласиться; но все же я *предоставилъ чтеніе письма* (привѣтствія) *М. А. Стаховичу, лишивъ себя* этого удовольствія, этой высокой чести; я не упомянулъ даже въ своей привѣтственной рѣчи (которою былъ открытъ съѣздъ), что получилъ письмо Л. Н. Всѣ бурныя рукоплесканія и восторги по поводу письма Л. Н. достались, поэтому, на долю М. А. Стаховича, который,—кстати отмѣтить,—произнесъ прекрасную, вдохновенную рѣчь о міровомъ значеніи Толстого и музеѣ его имени.

Изъ газетъ, вѣроятно, Вамъ извѣстно, какое чудное, чарующее впечатлѣніе произвело привѣтствіе Льва Николаевича. Едва послышались подлинныя слова его, какъ раздались возгласы: «встаньте», «встанемъ». Всѣ поднялись, все превратилось въ слухъ, зала точно выросла и удвоилась... Едва закончилось чтеніе, какъ раздались рукоплесканія, восторженные «браво», «благодаримъ», «послать телеграмму»... Я заявилъ, что письмо передается на вѣчное храненіе въ музей имени великаго нашего писателя, и опять раздались долгія, единодушныя рукоплесканія.

Словомъ, настроеніе было необычайно приподнято и всѣ мысли и сердца неслись въ эту минуту въ Ясную Поляну.

Я вполнѣ оцѣнилъ правильность совѣта М. А. Стаховича, опытнаго парламентарія. Овваціи въ честь Льва Николаевича, безъ сомнѣнія, были несравненно болѣе внушительнымъ пораженіемъ для его ослѣпленныхъ, неразумныхъ враговъ, нежели самыя рѣзкія выраженія или обличенія, направленныя противъ этихъ «черносотенцевъ». Важнѣе всего, что эта *побѣда* была одержана способомъ, всего болѣе приличествовавшимъ «ученію» и высокому положенію великаго писателя. Враговъ, злыхъ и неразумныхъ, мы обезсилили, обезоружили *любовью, порывомъ сочувствія и искреннѣйшаго почтенія*, на глазахъ, подъ самымъ носомъ тѣхъ, кто его преслѣдуетъ или чинитъ ему всяческія непріятности,—не подавъ ни малѣйшаго повода къ оправданію или хотя бы къ объясненію ихъ вражды.

Вся эта нравственная побѣда была ослаблена вмѣшательствомъ Ч., превратила письмо Л. Н. въ скрытую выходку противъ правительства и дала поводъ пристегнуть великое имя къ самымъ недобросовѣстнымъ и лживымъ врагамъ, изъ-за политическихъ цѣлей и интригъ, пренебрегающимъ самыми важными интересами писателей, угнетаемыхъ теперь не только произволомъ администраціи и суда, но и алчностью и капризомъ издателей. Если Вы ознакомитесь (изъ посылаемаго «Вѣстника съѣзда») съ работами и задачами съѣзда,—то удостовѣритесь, что на немъ прежде всего рѣчь шла о *самоочищеніи*, о поднятіи *нравственнаго* уровня печати, о независимости и свободѣ мысли и слова. Левъ Николаевичъ не можетъ сожалѣть, что привѣтствовалъ такой съѣздъ, начало будущихъ еще болѣе плодотворныхъ съѣздовъ! Его слово назиданія и пожеланія пали на хорошую почву.

Такъ называемыя «знаменитости», не брезгающія ложью и передержками, затѣявшія междоусобицу, сами себя выхваляющія, а на дѣлѣ преспокойно мирящіяся съ самыми невозможными условіями печати,—вовсе не устранялись отъ съѣздовъ, вообще; они просили и желали просить у правительства возможности обратить съѣздъ въ митингъ, въ новую демонстрацію, исключительно, чтобъ достичь собственной власти; чтобъ посадить М. или кого-нибудь въ этомъ родѣ, на то мѣсто, гдѣ сидятъ теперь Щегловитовъ и т. п. Мнѣ же лично, уже по старости лѣтъ, никакихъ выгодъ съѣздъ не могъ и не можетъ принести. Все мое честолюбіе заключалось въ желаніи поднять значеніе печати и открыть ея труженикамъ хотя бы надежду на лучшее будущее; создать возможность легальной защиты тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, которые неразрывно связаны съ интересами общества, народа, человѣчества.

Я хотѣлъ отстраниться, послѣ съѣзда, отъ всякихъ дальнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ. Мнѣ необходимѣе всего *отдыхъ*. Но меня удержали на нѣкоторое время самые единодушные выборы и почетъ, оказанный съѣздомъ.

Простите, глубокоуважаемая Софья Андреевна, за мое длинное и плохо написанное письмо. Я едва оправился отъ утомленія, отъ огорченій; но мнѣ хотѣлось, чтобы Вы знали истину, дѣйствительность, а не газетную, предвзятую фальсификацію ея. Особенно отличились въ лжи московскія газеты. Объ этомъ отчасти можно узнать изъ послѣднихъ двухъ страничекъ посылаемаго «Вѣстника» (74—76).

Въ іюлѣ предполагаю уѣхать на 3—4 недѣли въ деревню, къ старому другу.

Относительно брошюры возобновилъ переговоры съ издателемъ Саблинымъ.—Примите увѣреніе въ глубочайшемъ и неизмѣнномъ моемъ почтеніи и искреннѣйшей, *вѣрной* преданности.

Григорій Градовскій.

---

31 мая 1910 г. Спб.

Глубокоуважаемая графиня Софья Андреевна. Очень меня порадовало и успокоило только что полученное письмо Ваше, какъ и прежде такое любезное, дружественное, чарующее *).

---

*) Письмо это не разыскано.

Ред.

Особенно отрадно мнѣ было знать, что Левъ Николаевичъ *забылъ* уже о непріятности, причиненной ему, во всякомъ случаѣ, вполнѣ благожелательно, при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ заглазно трудно было судить; но я увѣренъ, что и его согласіе было бы на сторонѣ *нашей*, всецѣло его любящей и почитающей.

О г. Ч., сдѣлавшемъ неправильный выводъ въ угоду неправдивымъ врагамъ съѣзда, не желалъ бы упоминать; но дорожа въ высшей степени добрымъ Вашимъ мнѣніемъ, считаю необходимымъ напомнить, что *все содержаніе письма* Л. Н. не скрывалось и было въ такой степени извѣстно представителямъ печати, что въ большинствѣ газетъ было упомянуто, что прочтена была лишь привѣтственная часть. Наконецъ, и г. Ч. замѣнилъ подлинныя выраженія «многоточіемъ», а «Рѣчь» и другія газеты—еще болѣе сократили непрочтенную часть письма, совершенно произвольно, не пояснивъ этого читателямъ. Такимъ образомъ, совершили то, въ чемъ обвиняли другихъ.

Еще разъ подтверждаю, что привѣтствіе Льва Николаевича вызвало такой единодушный взрывъ сочувствія и сердечнѣйшаго почтенія, лучше котораго я никогда не видѣлъ, и этимъ заблудшіе и злые были обузданы и посрамлены гораздо болѣе самыхъ краснорѣчивыхъ и рѣзкихъ обличеній.

Если Вы не осуждаете меня и довольны моими объясненіями, то мнѣ остается только благодарить Бога, что этотъ горестный эпизодъ закончился такъ благополучно. Убѣдительнѣйше прошу Васъ и въ будущемъ не отказывать мнѣ въ Вашемъ благоволеніи, какъ неизмѣнному Вашему почитателю, который всѣмъ сердцемъ Вамъ преданъ и желалъ бы доказать это не только словомъ, но и дѣломъ. Дай Богъ Вамъ здоровья и всякаго благополучія.

Григорій Градовскій.

Неужели Левъ Николаевичъ пересталъ ѣздить верхомъ, подъ давленіемъ какихъ-то непрошенныхъ опекуновъ? Не даютъ покоя!

---

26 августа 1910 г. Спб.

Глубокоуважаемая графиня Софья Андреевна. Позвольте просить Васъ принять искреннѣйшее поздравленіе по случаю наступающей 26 августа новой годовщины рожденія нашего геніальнаго писателя. Хотя Левъ Николаевичъ, судя по появляющимся въ печати извѣстіямъ, все болѣе и болѣе стремится отрѣшиться отъ всего земного, но мы, простые смертные, любимъ соблюдать старые добрые обычаи и очень рады, что намъ можно въ этотъ день выразить свое неизмѣнное почтеніе Вашему великому мужу и величайшему изъ мужей въ человѣчествѣ. Да продлитъ Богъ его дни и избавитъ отъ враговъ.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, письмо это не застанетъ Васъ въ Ясной Полянѣ; но, вѣроятно, это не помѣшаетъ ему дойти къ Вамъ.

Почти все лѣто я провелъ въ деревнѣ, около Молодечны, гдѣ гостилъ у стараго друга своего, пользуясь его дружескимъ, истинно-братскимъ гостепріимствомъ. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Благодаря этому, я отдохнулъ отъ трудовъ и непріятностей по съѣзду писателей и значительно поправился. На дняхъ возвращаюсь въ Петербургъ и съ новымъ рвеніемъ возьмусь за выполненіе лежащихъ на мнѣ общественно-литературныхъ обязанностей.

Надѣюсь, что мнѣ удастся, наконецъ, издать и брошюру о моемъ незабвенномъ и счастливомъ пребываніи въ Ясной Полянѣ.—Прошу Васъ, глубокоуважаемая Графиня, не лишать меня Вашей доброй памяти и вѣрить моимъ самымъ почтительнымъ и искреннимъ чувствомъ преданности.

Григорій Градовскій.

---

20 сентября 1910 г. Спб.

Глубокоуважаемая, дорогая (позвольте мнѣ такъ выразиться) графиня Софья Андреевна. Не могу достаточно ярко высказать, какъ меня тронуло Ваше безцѣн-

ное письмо отъ 16 сентября, полученное вчера *). Отъ всей души, почтительнѣйше благодарю Васъ за Ваше необычайно дружеское отношеніе ко мнѣ и довѣріе. Такимъ отношеніямъ я никогда не измѣнялъ, а Вы меня очаровали и привязали нравственными связями къ себѣ еще въ прошломъ году, когда я имѣлъ счастье гостить въ Ясной Полянѣ и воочію видѣть нашего великаго писателя и познакомиться съ Вами.

Ваше сообщеніе относительно N. представляетъ чрезвычайную важность. Безъ всякаго сомнѣнія, я крайне возмущенъ, негодую по поводу грубой, дерзкой и въ высшей степени несправедливой, жестокой выходки N. относительно Васъ: но, вмѣстѣ съ тѣмъ, радуюсь исходу ея: освобожденію Льва Николаевича отъ этого услужливаго паразита и «вредителя». При моей публицистической опытности и, можетъ быть, болѣзненной, нервной чуткости, я сразу насторожился противъ него еще въ 1908 году, когда въ первый разъ прочелъ его статьи по поводу чествованія 80-лѣтія Льва Николаевича. Усердіе его не по разуму доставило тогда много матеріала для ренегатовъ и Іудушекъ вродѣ Меньшикова. Нечего напоминать о вредной и по существу лживой роли N. въ нынѣшнемъ году, по поводу второго съѣзда писателей. Насколько зависѣло отъ этого опаснаго «истолкователя» дѣйствій и отношеній Льва Николаевича, онъ повредилъ и съѣзду, и тому горячему чествованію и сочувствію, которыми сопровождалось привѣтствіе Льва Николаевича. N. затѣялъ скандалъ, который съ трудомъ удалось замять. Многіе упрекали меня дружественно, зачѣмъ я вообще «затронулъ Толстого», рискуя возбудить неудовольствіе правительства и «черносотенную» рать, и «радикальныхъ» противниковъ «непротивленія злу», которые не могутъ простить Льву Николаевичу отрицаніе насилій и убійствъ, съ чьей бы стороны эти звѣрства ни происходили. Но какъ я дѣйствовалъ правдиво и въ интересахъ литературы и писательской среды, то меня лишь огорчала возможность личнаго неудовольствія Льва Николаевича по отношенію ко мнѣ, самому старому и глубочайшему его почитателю, хотя и не во всемъ согласному съ его черезчуръ неземными, отрѣшенными отъ «міра сего» ученіями. Левъ Николаевичъ меня мало знаетъ и могъ бы составить неблагопріятное мнѣніе обо мнѣ. Это былъ бы тяжкій для меня ударъ. Разрывъ съ N. какъ бы реабилитируетъ меня. Радуюсь, что Левъ Николаевичъ пожертвовалъ своей дружбой и съ истиннымъ рыцарствомъ (въ лучшемъ значеніи этого слова) подтвердилъ Ваше справедливое рѣшеніе. Въ сущности, поведеніе N. рѣзко нарушало самые основные тезисы всегдашнихъ поученій Толстого. Относительно Васъ N. не только нарушилъ христіанскія заповѣди, но поступилъ, какъ дикарь; чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ лучше. Всякій, сколько нибудь порядочный человѣкъ будетъ на Вашей сторонѣ. Насколько хватитъ моихъ силъ, до могилы, я всегда съ радостью готовъ служить Вамъ и Вашему высокому дѣлу—любовной, нѣжной материнской заботливости о «великомъ писателѣ». Я помню Ваше лестное признаніе, что «*я вашъ*», вашимъ я есмь и буду всегда «*вашимъ*». Когда надо будетъ, *по Вашему призыву*, поступки и паразитная роль N. получатъ подобающую оцѣнку. Даю въ этомъ свое слово. Опредѣленіе этого момента принадлежитъ всецѣло Вамъ и никому больше.

Ради Бога, берегите себя и щадите свои силы. Я окрѣпъ, пробывъ два мѣсяца въ деревнѣ. Каждое извѣстіе изъ Ясной Поляны представляетъ для меня особую важность.—Съ истиннымъ, непзмѣннымъ почтеніемъ, умоляю Васъ вѣрить самой сердечной преданности моей.

Григорій Градовскій.

Вы очень порадовали бы меня, если бъ удостоили меня своей фотографической карточкой. Только что вышла брошюра профес. И. о Л. Н., какъ мыслителѣ. Я прочелъ пока лишь «заключеніе» и, можетъ быть, попытаюсь возразить печатно или въ «Литературномъ Обществѣ». Ничего новаго и существеннаго въ этой «ученой оцѣнкѣ» нѣтъ. N. хорошій, но узкій человѣкъ...

---

*) Письмо опущено, по просьбѣ гр. С. А. Толстой.

Ред.

10 ноября 1910 г. Спб.

Христосъ да будетъ съ Вами, глубокочтимая, дорогая графиня Софья Андреевна! Двѣ послѣднія ночи, когда онъ былъ еще живъ, я провелъ за письменнымъ столомъ, въ слабой надеждѣ, что великій писатель и любимый человѣкъ еще не оставитъ насъ. Всѣ мои мысли были посвящены ему и Вамъ, избранницѣ его сердца и хранительницѣ его дней. Я возмущался *низменнымъ* истолкованіемъ его «ухода къ Богу», и слезы застилали мнѣ глаза, когда оцѣнивалъ Ваши страданія. Стоны Ваши доносились ко мнѣ и требовали заступничества. *Умѣряя* мою скорбь и негодованіе,—чтобъ мои строки могли попасть въ печать (вѣдь, у меня нѣтъ, къ сожалѣнію, *своей* газеты—хотя все лѣто была надежда ее основать и только нежданная смерть издателя уничтожила это рѣшенное уже было дѣло), я написалъ обширную статью, имѣя въ виду выяснить *правду*,—отношенія къ Льву Николаевичу Синода, администраціи, общества, семьи и «услужливыхъ друзей». Особенно важнымъ считалъ я хотя нѣсколько дать отпоръ толкамъ, будто Левъ Николаевичъ былъ выжитъ, убѣжалъ изъ Ясной Поляны, а не поступилъ подъ вліяніемъ давно назрѣвшаго своего міровоззрѣнія и аскетическаго настроенія, при которомъ все земное казалось чуждымъ, неважнымъ, какъ и въ настроеніи Болконскаго, раненаго, умиравшаго на глазахъ Наташи.

Къ утру, 7-го ноября, статья была кончена, когда изъ телеграфнаго агентства мнѣ сообщили (зная мои тревоги), что «все уже кончено». Это было въ 8 часовъ утра... Мнѣ не съ кѣмъ было даже подѣлиться горемъ; но даже прислуга видѣла мои слезы и узнала, почему онѣ текли... Со времени болѣзни нервы мои еще очень слабы...

Сегодня *часть* статьи напечатана въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (второе изданіе которыхъ имѣетъ громадное распространеніе по всей Россіи). Со страхомъ посылаю ее Вамъ, въ надеждѣ, что Вы простите, если что ошибочно въ ней, простите во имя любви и почтенія, которыми они проникнуты. Онъ умеръ въ воскресенье, на зарѣ. Это символически говоритъ о его воскресеньи, о безсмертіи. Это безсмертіе распространится и на Васъ, которую я узналъ и считаю, какъ Ангела-Хранителя его дней и его творчества. Факты краснорѣчивѣе словъ. Какъ только Ваша любящая рука была отстранена отъ него, Вы обречены были на муки и горе, а онъ не былъ сбереженъ, смертельно заболѣлъ и «ушелъ къ Богу», хотя могъ бы еще остаться на землѣ.

Да хранитъ и утѣшитъ Васъ Богъ. Вы должны беречь себя и продолжать свое дѣло, хранить его память и распространять его сочиненія, выяснять его жизнь, малѣйшія черты его дѣятельности и помысловъ.

Не смѣю и разсчитывать на Вашъ отвѣтъ; но могу лишь повторить то, что Вы такъ чутко угадали во мнѣ: «*я Вашъ*» и всегда съ искреннимъ сердцемъ радъ служить Вамъ, пока живъ. Не имѣю возможности прибыть теперь въ Ясную Поляну (средства мои болѣе, нежели скромны), но во всякое другое время, если Вы захотите осчастливить меня, я прибуду въ Ясную Поляну, чтобъ поклониться дорогой могилѣ и Вамъ, съ готовностью исполнить все, что Вы пожелаете, и выслушать о немъ все, недосказанное. Я радъ вспоминать, что вечеромъ 5 октября 1909 года, при прощаніи, Левъ Николаевичъ поцѣловалъ меня.

Въ воскресенье, 14 ноября, назначено Общее Собраніе Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ спеціально для чествованія Льва Николаевича. Эта Касса основана моими трудами въ 1891 году, для обезпеченія писателей и труженниковъ печати, стремящихся не погрѣшать противъ высокихъ задачъ литературы, согласно тѣмъ завѣтамъ правды, добра и мира, которымъ служилъ и «великій писатель земли русской». Левъ Николаевичъ очень внимательно разспрашивалъ меня объ этомъ учрежденіи. Нечего и говорить, какъ бы отрадно было получить къ этому дню привѣтъ Вашъ не только мнѣ, но и всѣмъ членамъ, которыхъ около 800 во всей Россіи, въ томъ числѣ и въ Московскомъ Отдѣленіи ея.—Неизмѣнный почитатель и искреннѣйшій другъ Вашъ—

Григорій Градовскій.

45 лѣтъ литературной дѣятельности.

Въ 1907 году исполнилось 45 лѣтіе литературной дѣятельности Г. К. Градовскаго, совпавшее съ выздоровленіемъ его отъ тяжкой болѣзни, мучившей его почти въ теченіе 10 лѣтъ. Общее собраніе членовъ Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, встрѣтивъ съ энтузіазмомъ вѣсть о воскресеніи изъ мертвыхъ основателя Кассы, постановило не только привѣтствовать его по случаю его пріѣзда въ Петроградъ, но и принять ближайшее участіе въ празднованіи литературнаго юбилея Г. К—ча. Въ состоявшемся подъ его почетнымъ предсѣдательствомъ общемъ собраніи Кассы 4-го ноября П. Д. Боборыкинъ горячо привѣтствовалъ Г. К., а черезъ недѣлю 11 ноября состоялось юбилейное чествованіе его въ ресторанѣ «Вѣна». Самъ Градовскій въ письмѣ на имя живущей въ Кіевѣ жены такъ описывалъ выпавшія на его долю чествованія:

«Все было прекрасно. По общему отзыву, давно не было такого идейнаго, серьезнаго по рѣчамъ и сердечнаго, воодушевленнаго общимъ сочувствіемъ юбилея. Я вполнѣ согласенъ съ этимъ. На многихъ юбилеяхъ случалось бывать, но подобнаго не припомню. Вырѣзки изъ газетъ прилагаю: подробности будутъ помѣщены въ «Извѣстіяхъ».

Мнѣ теперь приходится отвѣчать на адресы и привѣтствія; хочу всѣмъ отвѣтить письменно, а не банальнымъ заявленіемъ въ газетахъ. Чувствую нѣкоторое утомленіе, но вообще, здоровъ и бодръ.

Утромъ, 11 ноября, пріѣхалъ ко мнѣ П. Н. Вороновъ, чтобы поздравить и выразить сожалѣніе, что, по нездоровью, не можетъ быть на обѣдѣ. Заѣзжали еще нѣсколько лицъ. С. Ив. Смирнова (Сазонова) прислала великолѣпный букетъ бѣлыхъ розъ съ поздравительной запиской. Бывшій въ это время Вороновъ восхищался этимъ подаркомъ и заявилъ, что меня всѣ любятъ и уважаютъ, даже изъ враждебнаго лагеря, и сообщилъ, что поручилъ написать мою біографію самому лучшему сотруднику затѣмъ, чтобы въ «Рус. Старинѣ» сохранилась характеристика идеальнѣйшаго публициста...

Все это такъ меня растрогало, что слезы полились изъ глазъ, и нервная судорога сжала горло... Я разсердился на себя... Что же будетъ вечеромъ, если съ утра уже раскисъ. Вмѣсто мужественнаго публициста, явится слезливая баба.

Я одѣлся и поѣхалъ покататься, чтобы перебить впечатлѣніе, и заѣхалъ къ Софьѣ Ивановнѣ (Смирновой)—поблагодарить за вниманіе. Она выразила сожалѣніе, что не можетъ быть, опасаясь вызвать неудовольствіе у чествователей... Вернувшись, засталъ записку Серафимы Александр. Граве и стклянку брома... Это дочь Любовь Андреевны... Она умоляла именемъ матери принять ложку брома, чтобы успокоить нервы... Я такъ и сдѣлалъ и прилегъ вздремнуть передъ обѣдомъ. Около 6 часовъ заѣхалъ за мной секретарь Кассы, и мы отправились

на муку... Обѣдъ былъ назначенъ въ ресторанѣ «Вѣна» на бывшей Малой Морской, теперь Гоголевской. Это ресторанчикъ, излюбленный журналистами, актерами, музыкантами и проч. Дешевый, но не отравляющій. Обѣдъ былъ въ особомъ помѣщеніи, довольно тѣсномъ, но все-таки приличномъ, въ нѣсколько комнатъ и залъ. Всѣ уже были въ сборѣ. Раздались рукоплесканія: ко мнѣ подходили, обнимали, цѣловали; довольно много было дамъ... Голова у меня закружилась. Подвели меня къ креслу, у стола; но я отказался сѣсть; опершись одной рукой о кресло и дѣлалъ всѣ усилія, чтобы овладѣть собой, издали разглядывая моихъ терзателей... Они улыбались привѣтливо... Узнавая старыхъ друзей, я отвѣчалъ на ихъ молчаливые привѣты... Въ это время Колубовскій произносилъ рѣчь, поднесъ отъ Кассы фотографическую группу, снятую съ общаго собранія 4 ноября, въ которомъ меня привѣтствовали съ выздоровленіемъ и пріѣздомъ въ СПБ.

Началось чтеніе адреса... Я плохо слушалъ, соображая, что бы мнѣ сказать въ отвѣтъ... Но мало по малу, ухо стало улавливать содержаніе адреса и заинтересовало меня. Это не были обычныя, банальныя фразы. Это была живая характеристика моей личности и дѣятельности, написано тепло, правдиво, литературно... Чтеніе адреса сопровождалось рукоплесканіями. Потомъ подходили депутаціи и читали привѣтствія: отъ «Литературнаго Фонда», отъ новаго литературнаго общества, отъ Кружка почитателей поэта Полонскаго, отъ Общ. драмат. писателей, отъ общества распространенія образованія среди евреевъ и др. Колубовскій заявилъ, что получено много телеграммъ и писемъ, но что главнѣйшія будутъ прочитаны за обѣдомъ, а теперь пора закусить... Я попросилъ слова... Всѣ остановились, столпились передо мной... Сначала говорилъ, стѣсняясь, а затѣмъ воодушевился. Сказалъ, что, несмотря на всѣ невзгоды и болѣзнь, я чувствую себя необычайно счастливымъ. При мнѣ совершилось великое дѣло освобожденія крестьянъ и начались преобразованія 60-хъ годовъ, которымъ по мѣрѣ силъ, вѣрой и правдой, я служилъ, а потомъ отстаивалъ, когда они разрушались. Теперь подъ конецъ жизни, осуществилось и другое великое дѣло, политическое освобожденіе всей Россіи, всего русскаго народа. Мнѣ выпала счастливая доля дождаться признанья и первыхъ шаговъ, и этой вѣковой мечты, и свѣтлаго стремленія русскаго общества, русской литературы... Облегченіе въ моей болѣзни дозволило принять участіе даже въ избирательной комиссіи. Въ настоящее время условія рѣзко перемѣнились. Сторонники конституціи, одна мысль о которой считалась преступленіемъ, находятся на почвѣ закона, а противники ея бунтуютъ противъ государства и верховной власти. Если прежде мы умѣли отстаивать эту благотворную реформу, то въ настоящее время мы обязаны ее защищать, стараться объ ея проведеніи въ жизнь и улучшеніи. Это наша прямая задача, нашъ долгъ. Россія должна пользоваться тѣми порядками, которые общи всему просвѣщенному человѣчеству и должны избавить насъ отъ вѣчныхъ шатаній и отсталости, ведущей къ внѣшнему разгрому и позору. Обязанность проведенія здравыхъ началъ и свѣтлыхъ идей лежитъ на литературѣ и представителяхъ печати. *Да здравствуетъ свободная печать въ свободномъ государствѣ!..*

Это пожеланіе принято было съ восторгомъ. Пошли закусывать и угостили рюмочкой рябиновки. Закуска была обильная, холодная и горячая.

(Продолженіе будетъ; посылаю, что написано, ибо нѣтъ времени).

«Продолженія» среди бумагъ фамильнаго архива Градовскихъ не оказалось, и мы для полноты описанія чествованія Г. К. дополняемъ изложенное выше извлеченіемъ изъ отчета, помѣщеннаго въ «Вѣстникѣ Кассы» (№ 1 за 1908 г.).

Адресъ, прочитанный однимъ изъ членовъ Кассы, гласилъ:

«Дорогой и глубокоуважаемый *Григорій Константиновичъ*. Товарищи и сочлены Ваши по Кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ вдвойнѣ счастливы привѣтствовать сегодня возвращеніе въ Петербургъ основателя Кассы и ея перваго Предсѣдателя и въ то же время лично принести свои поздравленія съ испол-

нившимся 45-тилѣтіемъ Вашего талантливаго и беззавѣтнаго общественнаго служенія на боевыхъ постахъ родной печати. Наша Касса, за осуществленіе которой Вамъ пришлось вести борьбу въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, остается и до сихъ поръ въ писательской средѣ единственнымъ учрежденіемъ на началахъ не филантропіи, а взаимопомощи. Быстрый ростъ Кассы, насчитывающей уже до 800 членовъ при 4 филіальныхъ Отдѣленіяхъ въ провинціи, доказываетъ наглядно жизненность и плодотворность этихъ началъ. Немногіе изъ насъ живо помнятъ, сколько упорной энергіи, вѣры въ дѣло и систематическаго самоотверженнаго труда потребовалось для того, чтобы воплотить въ жизнь новую идею. Вы, Григорій Константиновичъ, не жалѣли своего труда и съ рѣдкимъ искусствомъ, тактомъ и заботливостью обставили и проводили молодое учрежденіе по этимъ труднымъ и опаснымъ первымъ этапамъ.

Однако, какъ ни велики для насъ заслуги основателя Кассы, въ Вашей жизни, посвященной всецѣло страстной и отвѣтственной работѣ прогрессивнаго публициста, они обнимаютъ сравнительно небольшой періодъ. Въ самомъ дѣлѣ,— сорокъ пять лѣтъ, едва не полвѣка, борьбы съ перомъ въ рукахъ—вѣдь, это почти вся жизнь. Здѣсь не мѣсто для подробнаго обозрѣнія громадной работы публициста, выполненной Вами со всею разносторонностью и гибкостью, присущими самой жизни, всегда въ защиту передовыхъ гуманныхъ идей, въ непрестанной борьбѣ за свободу устнаго и печатнаго слова. Но есть нѣчто общее и основное, что красной нитью проходитъ черезъ всю Вашу дѣятельность, что составляетъ, такъ сказать, душу ея, проявляющуюся неизмѣнно въ крупномъ и маломъ: это прирожденный Вамъ, рѣдкій по цѣльности и яркости выраженія, темпераментъ общественнаго дѣятеля и борца. Это тотъ рѣдкій даръ, которому присущи и неизсякающее горѣніе мысли, и естественная, никогда неизмѣняющая чуткость публицистическаго таланта.

Многіе изъ сочленовъ Вашихъ по Кассѣ черезчуръ молоды, чтобы помнить, теперь уже далекую, карьеру Гаммы, блестящаго фельетониста «Голоса», или корреспондента съ театра русско-турецкой войны, и рядъ яркихъ статей, посвященныхъ войнѣ, и недолгое боевое существованіе Вашей собственной газеты «Русское Обозрѣніе», прекращенной по Высочайшему повелѣнію, и пронесшіяся по всей Россіи огненныя строки по поводу оправданія Вѣры Засуличъ, и благородную защиту національныхъ интересовъ всѣхъ сыновъ многоязычной Россіи, и еще многое, многое, чего здѣсь невозможно перечислить. Но не всѣ мы молоды,—въ средѣ нашей еще не мало и тѣхъ, для кого Ваше имя тѣсно связано съ славной эпохой великихъ реформъ и съ смѣнившимъ ее 20-тилѣтіемъ мертвящей реакціи, когда Вашимъ страстнымъ и образнымъ перомъ водила горячая вѣра въ побѣду правовыхъ началъ и непримиримая ненависть къ насилію и мраку.

Григорій Константиновичъ! Мы радостно привѣтствуемъ Ваше возвращеніе къ прежней любимой дѣятельности и мы хотимъ надѣяться, что и въ жизни всѣмъ намъ дорогой Кассы намъ суждено пережить вмѣстѣ съ Вами тотъ расцвѣтъ дѣятельной самопомощи, въ которомъ Вы всегда видѣли и проповѣдывали единственный путь матеріальной и нравственной независимости, достойный работниковъ мысли».

Затѣмъ слѣдовали привѣтствія: отъ литературнаго общества, отъ литературнаго фонда, отъ Кассы взаимопомощи бывшихъ студентовъ Спб. университета, учрежденной по образцу Кассы литераторовъ, отъ редакціи «Театръ и Искусство», отъ «Слова», въ которомъ Г. К. принималъ постоянное участіе.

Во время обѣда Я. Н. Колубовскій охарактеризовалъ Г. К., какъ прекрасной души человѣка, А. А. Луговой вспомнилъ первые шаги Кассы литераторовъ и удостовѣрилъ, что безъ Г. К. ничего изъ этого начинанія не вышло бы. Д. А. Линевъ охарактеризовалъ юбиляра, какъ

смѣлаго публициста, говорившаго правду, не считаясь съ побочными соображеніями, А. Е. Кауфманъ также остановился на публицистической дѣятельности Гр. К—ча, М. М. Ѳедоровъ привѣтствовалъ въ его лицѣ поборника конституціонныхъ идей, В. А. Апушкинъ обширными цитатами наизусть освѣжилъ въ памяти присутствовавшихъ одну изъ наиболѣе яркихъ статей Гр. К—ча—«Итоги войны», А. Н. Кремлевъ говорилъ о немъ, какъ о гражданинѣ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ въ увлекательныхъ выраженіяхъ остановился по поводу дѣятельности Гр. К—ча на значеніи свободнаго слова, всегда приводящаго только къ свѣту и правдѣ, А. Р. Кутель сдѣлалъ остроумное сопоставленіе обновленія родины съ обновленіемъ силъ чествуемаго, П. Д. Боборыкинъ привѣтствовалъ его, какъ одного изъ представителей русской интеллигенціи.

Григорій Константиновичъ растроганно благодарилъ за всѣ эти привѣтствія и высказалъ, что во время продолжительной болѣзни ему не разъ приходилось грезить, и въ этихъ грезахъ являлись три феи, изъ которыхъ каждая указала ему свою основу счастья: одна фея привлекла его взоръ на старыхъ умственныхъ вождей, уже сошедшихъ со сцены, другая—велѣла вѣрить въ молодое поколѣніе и третья выдвигала работу современниковъ.

Чествованіе прошло съ рѣдкою сердечностью и единодушіемъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ привѣтствій, поступившихъ отъ учрежденій и лицъ:

Душевночтимый Григорій Константиновичъ. По порученію Комитета Литературнаго Фонда, которое я исполняю съ искреннимъ удовольствіемъ, и отъ себя лично, какъ одного изъ Вашихъ старѣйшихъ товарищей по литературѣ, радостно привѣтствую Ваше выздоровленіе, давшее Вамъ возможность снова отдаться работѣ въ той области, въ которой Вы вполнѣ заслуженно пріобрѣли себѣ почетную извѣстность.

Совпаденіе этого счастливаго событія съ сорокапятилѣтіемъ Вашей литературной дѣятельности представляется для насъ вторымъ поводомъ къ привѣтствованію Васъ, соединенному съ утѣшительной надеждой, что этой дѣятельности суждено долго еще продолжаться и идти такимъ же путемъ, какимъ она шла до сихъ поръ. Всегда преданный Вамъ

Петръ Вейнберъ.

Я былъ бы очень радъ принять участіе въ обѣдѣ, который устраивается по случаю 45-лѣтія литературной дѣятельности Г. К. Гр., но болѣзнь моя держитъ меня въ постели. Я прошу Васъ передать Г. К. мое искреннее поздравленіе и пожеланіе работать съ тою же энергіей, съ какою онъ работалъ. Онъ дѣйствительно воскресъ изъ мертвыхъ, но это воскресеніе многіе предвидѣли, когда въ теченіе послѣднихъ лѣтъ читали его горячія письма, написанныя карандашомъ. И хорошо онъ сдѣлалъ, что воскресъ во время, когда всѣ желаютъ воскресенія своей родины.

А. Суворинъ.

Первое собраніе русскихъ журналистовъ всѣхъ національностей, состоявшееся сегодня для бесѣды о профессіональномъ взаимосближеніи и уже приступившее къ таковому рѣшеніемъ открыть рижское отдѣленіе Кассы взаимопомощи

литераторовъ и ученыхъ, привѣтствуетъ дорогого юбиляра, какъ почетнаго иниціатора великаго всероссійскаго дѣла авторской взаимопомощи. Предсѣдатель собранія *Иноземцевъ*, секретари *Блюменталь*, *Вульфъ*.

Комитетъ Общества распространенія просвѣщенія между евреями проситъ Васъ *), какъ устроителя чествованія Градовскаго, передать глубокоуважаемому Григорію Константиновичу искреннѣйшее поздравленіе Комитета и пожеланія еще на многія лѣта бодрыхъ силъ на служеніе гуманнымъ идеямъ, которымъ была посвящена вся жизнь юбиляра.

Отъ *К. К. Арсеньева*. Григорій Константиновичъ. Душевно радуюсь возстановленію Вашихъ силъ и возвращенію Вашему къ литературной дѣятельности, желая, чтобы она долго еще продолжалась съ прежнимъ успѣхомъ. Большой отрадой для Васъ должно служить широкое развитіе и процвѣтаніе созданной Вами Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Искренно уважающій Васъ

К. Арсеньевъ.

Благоволите передать Григорію Константиновичу мои сердечныя поздравленія съ чуднымъ воскресеніемъ и искреннее пожеланіе продолжительной второй молодости на нашемъ многострадальномъ поприщѣ.

Потовичъ.

Лишенная возможности лично привѣтствовать дорогого, глубокоуважаемаго Григорія Константиновича, дѣлаю это письменно, выражая живую радость, что онъ возвращенъ намъ. Какъ Потокъ-Богатырь, онъ словно проспалъ десять лѣтъ, скованный тяжкимъ недугомъ. Но проснулся, осмотрѣлся: все такъ же терзается родина, такъ же мало у нея бойцовъ. Взглянулъ онъ на свои отдыхавшіе доспѣхи: мечъ еще не заржавѣлъ, шлемъ и щитъ, хотя погнулись отъ непріятельскихъ ударовъ, но выдержатъ еще не одну битву. Облекся онъ въ нихъ и снова сталъ въ ряды безкорыстныхъ бойцовъ за свободу и правду. Поблагодаримъ же судьбу, вернувшую родинѣ дѣятеля, намъ дорогого друга.

Татьяна Щепкина-Куперникъ.

Отъ члена Кассы *П. Ф. Николаева:* Многоуважаемый Яковъ Николаевичъ. Прошу передать Григорію Константиновичу мое задушевное поздравленіе съ исцѣленіемъ и пожеланіе ему долгой и плодотворной работы на «ономъ журнальномъ пути». Намъ, старикамъ, очень и очень памятны заслуги Григорія Константиновича, какъ журналиста, всегда неуклонно шедшаго подъ знаменемъ истиннаго просвѣщенія и нефальсифицированнаго либерализма; всегда умѣло и смѣло срывавшаго маски съ разныхъ лицемѣровъ и жонглеровъ маргариноваго конституціонализма. Въ настоящее время такіе честные и искренніе работники, какъ Григорій Константиновичъ, особенно нужны. Ужъ очень разыгрались гнусныя силы мерзости запустѣнія.

Отъ души желаю Григорію Константиновичу тѣлесной и душевной бодрости для его работы въ наше подлѣйшее время.

П. Николаевъ.

---

*) Телеграмма была адресована на имя предсѣдателя правленія Кассы литераторовъ Я. Н. Колубовскаго.

Отъ предсѣдателя 1-ой Госуд. Думы *С. А. Муромцева:* М. Г. Яковъ Николаевичъ. Состоя членомъ Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ и получивъ Ваше любезное извѣщеніе о предстоящемъ чествованіи Григорія Константиновича Градовскаго по поводу исполняющагося сорокапятилѣтія его литературной дѣятельности, обращаюсь къ Вамъ, М. Г., съ покорнѣйшей просьбою включить и имя нижеподписавшагося въ число именъ, имѣющихъ привѣтствовать высокоуважаемаго основателя Кассы въ день предстоящаго его юбилея.

С. А. Муромцевъ.

Мы опускаемъ массу писемъ и телеграммъ, полученныхъ лично покойнымъ Г. К. Градовскимъ отъ многихъ редакцій и почитателей. Незабылъ талантливаго публициста-гражданина, когда онъ отошелъ въ вѣчность. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма и телеграммы съ выраженіями соболѣзнованія, полученныя семьей Г. К. Градовскаго послѣ его кончины.

Банкетъ по случаю 45-лѣтія литературной дѣятельности и выздоровленія Г. К. Градовскаго, 11 ноября 1907 года.

ПЕЧАТЬ О Г. К. ГРАДОВСКОМЪ.

Кончина заслуженнаго публициста-гражданина вызвала въ нашей печати единодушныя выраженія скорби и сочувственную оцѣнку литературной дѣятельности Градовскаго, который на своемъ писательскомъ пути встрѣчалъ не мало терній и, не безъ основанія, жаловался на неблагожелательное отношеніе къ нему не только идейныхъ противниковъ, но часто—и единомышленниковъ. Считаемъ не лишнимъ въ дополненіе къ помѣщеннымъ выше статьямъ и воспоминаніямъ о покойномъ его близкихъ друзей и товарищей по перу воспроизвести здѣсь нѣкоторые изъ отзывовъ печати, появившихся въ нашихъ газетахъ и журналахъ по поводу кончины Г. К. Градовскаго.

Маститый публицистъ, критикъ и юристъ К. К. Арсеньевъ далъ въ «Вѣстникѣ Европы» (май 1915 г.) такую характеристику Г. К. Градовскаго:

«Не будетъ забыто имя Г. К. Градовскаго. Въ его многострадальной жизни есть два момента, особенно ярко выдвигающіе его изъ ряда. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ былъ въ легальной прессѣ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ борцовъ противъ цензурнаго гнета и противъ усиливавшихся реакціонныхъ теченій. Судьба основаннаго имъ журнала представляетъ собою нѣчто исключительное даже въ богатомъ печальными страницами мартирологѣ русской печати. Фельетоны, которые онъ помѣщалъ въ «Голосѣ» подъ псевдонимомъ «Гаммы»—въ особенности извѣстный фельетонъ по дѣлу Вѣры Засуличъ—были своего рода подвигомъ, чуть было не повлекшимъ за собою совершенное прекращеніе его писательской дѣятельности. Спеціально литературному міру Г. К. сослужилъ большую службу, какъ иниціаторъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Это было своего рода Колумбово яйцо: въ основаніе кассы положена мысль простая, легко осуществимая, но до нея не додумывался въ писательскомъ мірѣ никто, и нужно было много энергіи, чтобы провести ее въ жизнь».

Выясняя далѣе важную роль и значеніе Кассы при матеріальной необезпеченности пишущей братіи, К. К. Арсеньевъ говоритъ въ заключеніе:

«Когда, послѣ долгой болѣзни, Г. К. могъ вернуться на короткое время въ родную и близкую для него среду, трогательно было видѣть, съ какимъ жаромъ онъ принялся за любимый трудъ, съ какимъ усердіемъ хлопоталъ о всемъ томъ, что могло способствовать сближенію между писателями, улучшенію литературныхъ нравовъ. Я участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ судѣ чести, разбиравшемъ весною

1910 г. нашумѣвшее тогда столкновеніе между двумя органами прогрессивной печати—и хорошо помню, какъ горячо онъ принималъ къ сердцу затронутые этимъ дѣломъ вопросы профессіональной этики. Любовь къ литературѣ угасла въ немъ только вмѣстѣ съ жизнью».

Другой сотрудникъ «Вѣстника Европы» Л. З. Слонимскій въ своей статьѣ о Г. К. Градовскомъ, являющейся изложеніемъ сообщенія, сдѣланнаго въ общемъ собраніи Литературнаго фонда 26 апрѣля 1915 г., говоритъ:

«Вся его жизнь была посвящена проведенію и защитѣ элементарныхъ идей справедливости, честности въ общественныхъ дѣлахъ, твердой законности, равноправія національностей и вѣроисповѣданій, разумнаго самоуправленія и истиннаго правосудія. Онъ вѣрилъ въ силу убѣжденія, въ спасительную силу печатнаго слова; онъ не сомнѣвался, что можно убѣдить властныхъ противниковъ въ неправильности и зловредности ихъ дѣйствій, доказать имъ пользу и справедливость либеральныхъ принциповъ и требованій, и въ теченіе многихъ лѣтъ онъ настойчиво убѣждалъ представителей власти, что они для собственной своей пользы должны ограничить свои полномочія и сдѣлать необходимыя уступки общественному мнѣнію. Онъ доказывалъ хищникамъ, что они должны отказаться отъ своихъ хищныхъ поступковъ ради собственнаго своего благополучія, что волки должны, наконецъ, согласиться жить по правдѣ и перестать терзать бѣдныхъ овечекъ... Градовскій вѣрилъ, что въ каждомъ человѣкѣ, каковъ бы онъ ни былъ по природѣ и по положенію, существуетъ чувство совѣсти, которое можно разбудить силою правдиваго слова, что каждому можно доказать справедливость извѣстныхъ идей съ точки зрѣнія здраваго смысла. Отъ этой вѣры въ силу убѣжденія и здраваго смысла онъ не отказывался до конца своей жизни, несмотря на всѣ указанія горькаго опыта...»

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1915 г., № 14783, отъ 14 апрѣля) А. А. Измайловъ такъ характеризовалъ неугомоннаго, нервнаго, загоравшагося искреннимъ гнѣвомъ при «видѣ всякой пошлости и нечисти», публициста:

«Участь публициста и фельетониста подобна участи актера и не менѣе неблагодарна. Его знаютъ, любятъ, ищутъ, цитируютъ въ бесѣдахъ и перечитываютъ въ газетахъ, пока онъ на эстрадѣ, пока гудетъ сегодняшній день. День прошелъ, схлынули его злобы, и вотъ уже забытъ его трудъ, хотя бы онъ отдавалъ ему все золото своего вдохновенія, весь пылъ негодующаго сердца, весь задоръ гражданскаго чувства. Старыхъ газетъ не перечитываютъ, публицистическихъ статей не переиздаютъ. Да и кто бы сталъ читать даже ту знаменитую статью по поводу оправданія Вѣры Засуличъ, хотя бы въ свое время Градовскій писалъ ее въ настоящемъ вдохновеніи журналиста, кровью и нервами, а не перомъ и чернилами. Такъ случилось, что имя Градовскаго почти не значится въ библіотечныхъ каталогахъ. Онъ издалъ только двѣ свои пьесы да книгу «Итоги», гдѣ перепечаталъ кой-какія статьи о войнѣ 1877 г. (онъ ѣздилъ туда въ качествѣ корреспондента), лучшіе фельетоны, вродѣ того же нашумѣвшаго о Засуличъ, статьи по польскому и еврейскому вопросамъ, разсказъ о своихъ литературныхъ мытарствахъ, странички воспоминаній о встрѣчахъ съ царемъ-Освободителемъ, Скобелевымъ, Достоевскимъ, обращеніе къ Побѣдоносцеву и т. д. Здѣсь нѣтъ и десятой доли того, что онъ написалъ за свою жизнь. И добрая половина написаннаго имъ никогда не видѣла свѣта.

Едва ли у цензуры времени его расцвѣта былъ болѣе злой врагъ, чѣмъ Градовскій, и обратно. Онъ буквально побивалъ всѣ рекорды въ цензурныхъ столкновеніяхъ и карахъ. Имя «Гамма», которымъ онъ подписывалъ свои статьи, пока ихъ можно было подписывать, было поистинѣ какимъ-то табу для учрежденій, расположившихся въ Театральномъ переулкѣ. За собственное изданіе онъ получилъ 11-ть предостереженій и три пріостановки. То, что не находило мѣста ни-

гдѣ въ печати, шло въ его «Русскомъ Обозрѣніи». Такъ была напечатана знаменитая корреспонденція объ ужасахъ березовскихъ поселковъ, гдѣ гноили политическихъ ссыльныхъ, и Градовскій былъ правъ, когда говорилъ, что ему принадлежитъ честь пресѣченія этого зла.

Покойный любилъ разсказывать трагическую исторію отнятія отъ него его газеты. На «Русское Обозрѣніе» была наложена печать полугодового молчанія. Мучительно выдерживалъ онъ испытаніе, подходило уже время возстановленія. Какъ разъ тогда, въ началѣ августа 1878 года, былъ убитъ шефъ жандармовъ Мезенцовъ. Правящія сферы охватила паника. Было рѣшено, прежде всего, «подтянуть печать».

«Русское Обозрѣніе» стояло, конечно, на первой очереди. Внезапно Градовскій получилъ приглашеніе явиться въ столь знакомое ему главное управленіе по дѣламъ печати къ тогдашнему начальнику Григорьеву.

— Я обязанъ объявить вамъ Высочайшее повелѣніе,—сказалъ тотъ, показывая бумагу.—И онъ прочелъ ее.—Въ ней было написано, что по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ повелѣно газету за вредное направленіе прекратить навсегда.

— Не угодно ли дать подписку,—сказалъ Григорьевъ,—что вы выслушали повелѣніе и не будете разглашать объ этомъ?

Заготовленная заранѣе подписка заключалась въ обязательствѣ не печатать и не оглашать повелѣнія о запрещеніи. Градовскій молча исполнилъ все, далъ требуемую подпись.

— Мнѣ приказано,—сказалъ Григорьевъ,—еще предувѣдомить васъ, что въ случаѣ огласки и нарушенія подписки *вы будете немедленно высланы въ Архангельскую губернію.*

При новыхъ временахъ и новыхъ людяхъ, на своемъ юбилеѣ, Градовскій вспомнилъ эту трагическую страницу изъ своей жизни. Тогда только-что прошли такъ называемые «дни свободы», и было чудовищно слышать объ этомъ случаѣ, который былъ, однако, фактомъ исторіи.

Съ точки зрѣнія сегодняшняго реальнаго дня, въ жизни и дѣятельности Градовскаго, пожалуй, былъ элементъ почти донкихотства. Писать Побѣдоносцеву въ надеждѣ получить отъ него раскрѣпощеніе печати,—тому Побѣдоносцеву, который откровенно приравнивалъ печать къ кокоткѣ, подавать петиціи о пересмотрѣ законовъ о печати, звать правительство въ передовицахъ, лекціяхъ, рѣчахъ къ тому, чтобы оно перестало увлекаться внѣшней политикой и подумало о внутреннемъ обновленіи! И дѣлать это тогда, когда у просящихъ и требующихъ не было рѣшительно никакой почвы подъ ногами, когда самая мысль о возможности не революціи, а простой стачки,—заставила бы расхохотаться и Валуева, и Лорисъ-Меликова, и Игнатьева, и Сипягина! Но не будь этой идеалистической мечты у того времени, не будь Градовскаго и ему подобныхъ,—вся русская жизнь превратилась бы въ сплошное зловонное болото, въ ночь, безъ всякаго просвѣта утра. Ужасна жизнь, если она кишитъ только Санхо-Пансами».

Г. К. Градовскому вмѣняли не разъ въ вину участіе на зарѣ его публицистической дѣятельности въ изданіяхъ, отнюдь не отличавшихся либерализмомъ. Это было несправедливо, и свой разрывъ съ консерваторами и переходъ къ либераламъ покойный объяснялъ сотруднику «Петроградскаго Курьера» (1915, 16 апрѣля, № 440) г. Васильеву такимъ образомъ:

— Я ошибался, даже, можетъ быть, часто ошибался въ своей жизни,—сказалъ онъ однажды, въ одной откровенной бесѣдѣ,—но я никогда не былъ предателемъ, никогда ни одной строкой не пользовался для какихъ-либо корыстныхъ цѣлей. Порвавъ съ консерваторами и перейдя къ либераламъ, я просто разочаровался въ правотѣ тѣхъ, съ которыми я работалъ въ началѣ своей журнальной дѣятельности. И это вполнѣ понятно. Должно помнить, что еще на утрѣ дней моихъ я уже всосалъ въ себя консервативное міросозерцаніе. Подобно юному Бѣлинскому,

исходя изъ благородныхъ порывовъ, я увлекался консервативной идеологіей и принималъ внѣшне-блестящую мишуру за настоящее золото, лживый и узкій націонализмъ за истинный патріотизмъ, прикрытое громкими и красивыми словами своекорыстное лицемѣріе за самую подлинную правду-истину... Къ тому же моя служба чиновника-администратора требовала отъ меня исповѣдыванія консервативнаго credo. Но жизнь, съ которой я все болѣе и болѣе знакомился,—и знакомился, главнымъ образомъ, все на той же службѣ, показала мнѣ во всей неприкрашенной наготѣ внутреннюю ничтожность и жестокую своекорыстность общественной группы, прикрывающейся русскимъ консервативнымъ знаменемъ. И я совершенно съ чистою и открытою душею отвернулся отъ того, чему по недоразумѣнію въ молодости поклонялся, и поклонился тому, что по своей недостаточной освѣдомленности считалъ прежде безпочвеннымъ увлеченіемъ западными теченіями, будто бы несвойственными нашему національному духу и вредными для нашего государственнаго строительства. Я ушелъ въ станъ, правда, не погибающихъ, но, во всякомъ случаѣ, все же борющихся «за священное дѣло любви»...

— Въ «станъ погибающихъ», иными словами, въ лагерь нашихъ радикаловъ и лѣвѣе,—продолжалъ Г. К.,—я не пошелъ не изъ страха передъ тяжкими жертвами, а по вполнѣ искреннему и глубоко-сознанному убѣжденію въ необходимости и цѣлесообразности прямой, открытой, легально-оппозиціонной дѣятельности. И что я твердо шелъ по этому,—что ни говорите,—весьма трудному, далеко не усыпанному розами, пути,—свидѣтельствуетъ вся моя общественная и публицистическая дѣятельность...

Какими терніями усѣянъ былъ писательскій путь Г. К. Градовскаго—объ этомъ сообщалъ намъ, между прочимъ, г. Homo Novus въ «Русскомъ Словѣ» (1915, № 87):

«Градовскій, какъ настоящій публицистъ, писалъ обо всемъ, но это «все», по условіямъ времени, всегда сводилось, съ одной стороны, къ защитѣ «эпохи великихъ реформъ», а съ другой—къ робкому, однако, настойчивому указанію на необходимость «увѣнчанія зданія». Всѣ дороги вели въ Римъ. Или проводилась мысль о благодѣтельности суда присяжныхъ, или о спасительности общественнаго самоуправленія, или о сложномъ сотрудничествѣ правительства и общества. Иногда для разнообразія—о положеніи женщины. Преимущество Градовскаго и въ то же время его «нецензурность» заключались въ томъ, что онъ, болѣе или менѣе, называлъ вещи своими именами. Онъ не умѣлъ писать аллегорически и туманно. Идетъ, молъ, весна, и выставляется первая рама, а вы уже извольте догадываться, какая такая весна, и что за рама. Осеннихъ скрипокъ, весеннихъ флейтъ и зимнихъ контрабасовъ онъ не зналъ. «Игра ума» была чужда его дарованію. Онъ былъ всегда немного элементаренъ, но именно въ этой открытой убѣжденности и элементарности и заключалась огромная заслуга Градовскаго. Эти элементарныя истины, во-первыхъ, было крайне необходимо распространять и внѣдрять въ общественное сознаніе, а, во-вторыхъ, элементарная простота его политическихъ и общественныхъ домогательствъ составляла главное бремя его заслугъ. Онъ казался страшнымъ, почти карбонаріемъ. Одно время ему было запрещено писать, и онъ писалъ подъ строжайшимъ секретомъ. Потомъ секретъ былъ разоблаченъ, Нотовичъ былъ вызванъ въ главное управленіе по дѣламъ печати (тогда это просто дѣлалось), и В. С. Адикаевскій конфиденціально, а Ѳеоктистовъ вполнѣ офиціально требовали устраненія «карбонарія». Тогда карбонарій умолкалъ совершенно. Въ одинъ изъ такихъ періодовъ вынужденнаго молчанія я посѣтилъ его,—не помню, по какому ужъ дѣлу,—въ его квартирѣ, гдѣ онъ прожилъ очень долгіе годы не то на Бассейной, не то на Пескахъ. Онъ былъ удивительно трогателенъ въ своихъ тѣсныхъ комнаткахъ, заваленныхъ газетами и книгами, со своимъ необычайно упрямымъ и гордымъ видомъ, со своею настойчивостью почти сектанта и фанатика, когда говорилъ о положеніи печати. Тутъ былъ міръ его,—міръ служенія и великаго пострига. И въ чемъ было его сектантство, въ чемъ фанатизмъ? Въ томъ, что «тамъ, гдѣ строятъ дороги желѣзныя, пароходство растетъ каждый часъ», необходимъ судъ

присяжныхъ, и что городовое положеніе отнюдь нельзя перестраивать назадъ, и что, въ концѣ концовъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ осуществится сотрудничество общества съ правительствомъ. И, зная Градовскаго съ четверть вѣка, если не больше, я не зналъ ни жены его, ни дѣтей, которыя, кажется, были, а можетъ быть, и не были, не зналъ ни его вкусовъ, ни художественныхъ наклонностей, а зналъ только, что, конечно, судъ присяжныхъ необходимъ, что городовое положеніе священно, и что будущее принадлежитъ земскому самоуправленію... Градовскій ни за что не унижался до обиняковъ. Уже на положеніи опаснаго «карбонарія», послѣ вынужденнаго долговременнаго молчанія, ему вдругъ улыбнулась судьба: Вольфъ задумалъ издавать газету «Лучъ» и поручилъ редакцію Градовскому. Онъ помолодѣлъ сразу лѣтъ на пятнадцать. Помню, какъ сейчасъ, эту газету, на сѣровато-желтой бумагѣ. Въ первомъ № доказывалась необходимость суда присяжныхъ,—предостереженіе; во второмъ подтверждались священныя основы городского самоуправленія,—второе предостереженіе. Тогда, съ отчаяніемъ въ душѣ, Градовскій написалъ о свободѣ печати, какъ фундаментѣ общественнаго прогресса, и, конечно, получилъ третье предостереженіе. Вечеромъ я его встрѣтилъ въ клубѣ. Онъ негодовалъ. Это понятно. Но самое любопытное было то, что онъ наивно не понималъ, какъ все это могло случиться. Въ его упорствѣ было что-то дѣтски-довѣрчивое, простодушное и трогательное. Такъ же упорно, наивно, простодушно и довѣрчиво онъ хлопоталъ надъ кассою взаимопомощи. Какъ надъ кассою этою въ самомъ началѣ смѣялись и издѣвались! Но онъ шелъ, какъ всегда, прямо, не оглядываясь по сторонамъ, и ловилъ новыхъ членовъ, и вербовалъ ихъ. Онъ не изобрѣталъ мыслей и не бросалъ крылатыхъ словъ, но былъ фундаментальнымъ воплощеніемъ истинъ, не допускающихъ сомнѣній, и идей, безспорныхъ, какъ солнце. И съ этою фундаментальностью и вѣрою онъ простоялъ всю жизнь на часахъ, какъ вѣрный солдатъ».

Б. Б. Глинскій въ своемъ очеркѣ о Градовскомъ въ «Истор. Вѣстникѣ» за май 1915 г. разсказываетъ, между прочимъ, слѣд. любопытные факты:

«Основатель кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, иниціаторъ писемъ на высочайшее имя и К. П. Побѣдоносцеву, Градовскій незадолго до своего тяжкаго заболѣванія усиленно носился съ мыслію о литературной артельной газетѣ, въ которой писатели были бы на равныхъ правахъ пайщиками, вкладчиками трудомъ и не находились бы въ зависимости отъ капризовъ и велѣній того или иного издателя-антрепренера. По этому вопросу Градовскій велъ настоятельные переговоры съ разными писателями, въ которыхъ и пишущему настоящія строки пришлось принять дѣятельное участіе. Составленъ былъ опредѣленный редакціонный кругъ, гдѣ офиціальнымъ редакторомъ de jure намѣченъ былъ маститый П. Д. Боборыкинъ, а сотрудниками наиболѣе отвѣтственными должны были явиться М. Л. Песковскій, Р. И. Сементковскій, Н. Ф. Василевскій (Буква), Д. А. Линевъ-Далинъ и мн. др. На меня была возложена хозяйственная и административная часть изданія, и я же былъ командированъ въ Москву для переговоровъ съ опредѣленнымъ кругомъ капиталистовъ относительно финансированія предпріятія, согласно адресамъ и указаніямъ, даннымъ М. Л. Песковскимъ. Но мои переговоры въ Москвѣ не привели къ желательнымъ результатамъ, да, въ сущности, въ нихъ уже не встрѣтилось надобности, такъ какъ именно къ этому времени Г. К. Градовскаго постигла тяжкая болѣзнь, почти на десять лѣтъ выведшая его изъ писательскаго строя. Вообще, я думаю, если бы даже не разразилась надъ собравшимся кружкомъ катастрофа въ видѣ болѣзни Градовскаго, все равно этому дѣлу не суждено было бы стать прочнымъ. «Неистовый Григорій» не удержался бы въ своей оппозиціонной необузданности, и преждевременная гибель новаго органа «украсила» бы еще однимъ номеромъ историческій синодикъ нашей печати...

Когда исполнилось десятилѣтіе кассы взаимопомощи писателей, гдѣ я въ то время секретарствовалъ, мнѣ пришлось выступить на юбилейномъ общемъ

сооранiи съ рѣчью въ честь Г. К. Градовскаго, и здѣсь я коснулся его біографiи и обрисовалъ его значеніе въ исторiи нашей повседневной печати. Моя рѣчь была отмѣчена въ газетахъ, которыя, главнымъ образомъ, привели біографическія данныя, сообщенныя мною. Каково же было мое удивленіе, когда, нѣсколько времени спустя, О. Н. Шубинскій передалъ мнѣ мелко исписанный карандашомъ листокъ бумаги, гдѣ почеркомъ Градовскаго было написано: «Поправки къ моему некрологу, прочитанному г. Глинскимъ на общемъ собранiи кассы». Это обстоятельство показало, что Г. К. Градовскій не совсѣмъ-то безнадеженъ и продолжаетъ внимательно слѣдить за явленiями нашей общественной жизни, что даетъ надежду на благопрiятный выходъ его изъ тяжкаго положенiя. И дѣйствительно, бурный 1905 годъ, всколыхнувшій всю отечественную дѣйствительность, произвелъ, видимо, опредѣленное и при томъ благопрiятное сотрясеніе въ психикѣ и физическомъ организмѣ Григорiя Константиновича. Туманъ, окутывавшій перiодически его мозгъ, спалъ, духъ изъ состоянiя подавленности воспрялъ, и вскорѣ мы на берегахъ Невы увидали среди насъ воистину воскресшаго «стараго либерала». Какъ боевой конь, заслышавшій призывной трубный гласъ, Григорій Константиновичъ ринулся въ водоворотъ нашей общественности и вновь обрисовался передъ нами тѣмъ страстнымъ и кипучимъ борцомъ за писательскую самодѣятельность, каковымъ мы знали его десять лѣтъ назадъ. Онъ точно наверстываетъ утерянное въ бездѣйствiи время и, какъ нѣкогда прежде, широко развертываетъ свои организаторскія способности, явившись инiціаторомъ двухъ послѣдовательныхъ писательскихъ съѣздовъ, изъ коихъ особенно второй ему пришлось цѣликомъ вынести на своихъ плечахъ и мужественно отразить ту партiйную рознь, которая, увы! всегда сопутствуетъ нашимъ писательскимъ начинанiямъ и губитъ ихъ»...

Мы говорили выше, что при жизни покойный Градовскій чаще всего являлся мишенью для нападокъ со стороны не только идейныхъ противниковъ его, но и единомышленниковъ. Какъ одно изъ исключенiй изъ этого общаго правила, приводимъ изъ издававшейся извѣстнымъ въ свое время публицистомъ и дѣятелемъ Н. Я. Николадзе газеты «Обзоръ» (1878 г. № 308) слѣдующія строки:

«Талантъ его (Г. К. Градовскаго) принадлежитъ къ числу недюжинныхъ. Его фраза проста и тепла... Г. Градовскій, начавшій свою служебную карьеру при генералѣ Безакѣ въ Кіевѣ, а литературную въ «Гражданинѣ», мало-по-малу перешелъ въ фельетонахъ «Голоса» къ либерализму, а въ прошломъ году въ своемъ «Русскомъ Обозрѣнiи» дошелъ даже до прогрессивныхъ воззрѣній. Но къ чести этого послѣдняго слѣдуетъ сказать, что онъ нисколько не скрываетъ своихъ симпатій и стремленій. Вы можете не соглашаться съ нимъ, но ошибиться на его счетъ трудно. Онъ убѣжденъ, что возможно примирить прогрессивную политику съ существующимъ складомъ отношеній, и стремится къ этому примиренію...

...Сбудется ли это когда-нибудь? Этого вопроса я не хочу касаться. Но я не сомнѣваюсь, что если когда-нибудь сдѣлана будетъ у насъ попытка въ этомъ смыслѣ, то г. Градовскому должна выпасть честь участія въ ея осуществленіи...

...А все-таки я эту роль и эту задачу предпочитаю Суворинскимъ...

Его (Г. К.) статьи въ «Голосѣ» обратили на себя вниманіе читателей. Разумѣется, ему немедленно предложено было... вы думаете, повышеніе, о, нѣтъ, ему предложено было отказаться либо отъ литературы, либо отъ службы. Онъ подалъ въ отставку...

Литературная извѣстность Г. Градовскаго особенно разрослась въ прошломъ 1876 году, когда онъ напалъ въ «Голосѣ» на М. Г. Черняева. Г. Суворинъ, со свойственною ему беззастѣнчивостью, тотчасъ же постарался сдѣлать изъ г. Градовскаго туркофила, что нисколько не помѣшало ему самому напечатать позже въ «Новомъ Времени» о г. Черняевѣ гораздо худшія подробности. Къ чести г. Градовскаго нужно сказать, что онъ отнесся къ вопросу о войнѣ чрезвычайно

дѣльно. Насколько онъ могъ, онъ старался идти въ разрѣзъ шовинизму, внесенному въ литературу «Новымъ Временемъ», и возмущался всею душою, когда наши шовинисты пускали въ ходъ пріемы шарлатанства и обмана. Онъ одинъ изъ первыхъ, вмѣстѣ съ г. Драгомановымъ, крикнулъ на всю Россію, что честное дѣло требуетъ честныхъ же средствъ; одинъ изъ первыхъ напомнилъ, что у Россіи не мало заботъ и обязанностей у себя дома... Говорить это—значило рисковать популярностью, идти въ разрѣзъ съ симпатіями общества, плыть противъ теченія. Г. Суворинъ понялъ это и безъ труда разбилъ его путемъ клеветы. Мы уже видимъ отчасти, кто изъ нихъ былъ болѣе правъ. Посмотримъ, что еще скажетъ будущее...

Нужно ли сказать, что говорить съ г. Градовскимъ пріятно, какъ пріятно говорить со всякимъ умнымъ человѣкомъ. Что во время стычекъ и сраженій онъ честно идетъ впередъ, гдѣ есть что-нибудь интересное для наблюденія, но гдѣ «летаетъ смерть» во образѣ града пуль и гранатъ. Судьба, давшая мнѣ способность слегка блѣднѣть въ эти минуты, щедро наградила г. Градовскаго завиднымъ счастьемъ краснѣть въ опасности. Ему это идетъ необыкновенно. Онъ оживляется, становится въ высшей степени подвиженъ и нервенъ, а между тѣмъ въ его добродушныхъ глазахъ сіяетъ воодушевленіе. Подъ Зивиномъ онъ отправился на батарею къ г. Колакутскому, гдѣ попалъ подъ невыразимый артиллерійскій и оружейный огонь. Ему хотѣлось «окреститься» въ огнѣ, и онъ достигъ цѣли. Но онъ многое потерялъ, покинувъ штабъ, гдѣ въ это время произошли очень интересныя вещи... О своихъ ощущеніяхъ подъ огнемъ онъ разсказываетъ просто, съ полною откровенностью, добродушно смѣясь надъ собой и своими страхами...»

Любопытенъ отзывъ о Г. К. Градовскомъ корреспондента берлинской «Vossische Zeitung», появившійся въ этой газетѣ въ мартѣ 1882 г.

«Въ моей послѣдней корреспонденціи я уже сообщилъ вамъ, что чтеніе г-на Градовскаго въ залѣ отеля Демутъ, дѣйствительно, какъ я и предсказывалъ, послужило поводомъ къ необычайной демонстраціи интеллигенціи противъ шовинистскихъ и реакціонныхъ стремленій московской партіи. Вся публика, достигавшая, какъ теперь выяснено, 1000 человѣкъ, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы высказать свои симпатіи. Сегодня мы узнали, что попечитель учебнаго округа, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе подобныхъ бесѣдъ въ столицѣ, запретилъ ихъ... Градовскій — одна изъ выдающихся личностей столицы. Онъ обладаетъ замѣчательно изящной внѣшностью; лицо его, окруженное окладистой бородой, имѣетъ въ высшей степени привлекательное выраженіе. Онъ началъ карьеру по окончаніи юридическаго факультета чиновникомъ министерства юстиціи. Въ это же время онъ попалъ въ сотрудники ультраконсервативной газеты «Гражданинъ». Но вскорѣ онъ принужденъ былъ покинуть редакцію этой газеты, такъ какъ навлекъ на нее своими свободомыслящими статьями два предостереженія. Онъ перешелъ въ «Русскій Міръ», но вскорѣ его перетянулъ къ себѣ «Голосъ», гдѣ онъ въ своихъ сатирическихъ фельетонахъ сдѣлался бичемъ безчисленныхъ недостатковъ управленія, юстиціи и т. д. Уволенный, вслѣдствіе этихъ статей изъ государственной службы, Градовскій записался въ число присяжныхъ повѣренныхъ и продолжалъ свою литературную дѣятельность. Онъ основалъ свою собственную газету «Русское Обозрѣніе», гдѣ появился цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ статей высоко либеральнаго содержанія».

Сообщая далѣе извѣстные уже читателямъ изъ предыдущаго изложенія факты о судьбѣ «Русс. Обозрѣнія», нѣмецкая газета продолжаетъ:

«Градовскій былъ окончательно разоренъ, такъ какъ два года безпрерывныхъ преслѣдованій поглотили какъ его состояніе, такъ и состояніе его супруги. Оставшееся единственнымъ его средствомъ существованія сотрудничество въ «Го-

лосѣ» онъ также скоро потерялъ, такъ какъ редакція принуждена была отказать ему, вмѣстѣ съ тремя другими сотрудниками, имѣвшими несчастіе попасть въ немилость правительства. Всѣ четверо перешли въ редакцію «Молвы», которая подверглась преслѣдованіямъ и взысканіямъ и, наконецъ, въ прошломъ году должна была прекратить свое существованіе, такъ какъ ея издатель потерялъ на нее все свое состояніе, около ½ милліона рублей, благодаря преслѣдованію правительства. Большія либеральныя газеты погибли одна за другой или же пребывали мѣсяцами подъ запрещеніемъ. Градовскому пришлось, поэтому, терпѣть сильную нужду, но онъ продолжаетъ стойко стоять на своемъ посту, однимъ изъ передовыхъ бойцовъ своей партіи, и послѣдней своей бесѣдой онъ доказалъ, что мужи либеральной партіи, несмотря на грозящія имъ опасности и преслѣдованія, не покинутъ своего поста и никогда не откажутся отъ надежды сдѣлаться западно-европейцами по образу мыслей, считая западно-европейскія, а не азіатскія учрежденія необходимыми для блага народа».

Объ отзывахъ другихъ иностранныхъ писателей о Градовскомъ упоминаетъ онъ самъ въ помѣщенномъ выше очеркѣ, озаглавленномъ: «О русской печати».

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТ
АКАД

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I—II
Автобіографія Г. К. Градовскаго	1
О русской печати (изъ литературныхъ воспоминаній), *Гр. Градовскаго*	13
Ревнитель писательскихъ нуждъ, *Я. Н. Колубовскаго*	22
Борецъ за старые идеалы, *Ольги А. Шапиръ*	41
«Ближе къ жизни» (изъ личныхъ воспоминаній), *Р. И. Сементковскаго*	48
Старый либералъ (характеристика и воспоминанія), *А. Е. Кауфмана*	63
Добрый товарищъ (памятки недавняго прошлаго), *Вас. И. Немировича-Данченко*	76
«Принципистъ», *П. Д. Боборыкина*	82
На отдыхѣ, *Ип. Ф. Василевскаго*	87
Г. К. Градовскій, гласность и война, *Вл. А. Апушкина*	92
Публицистъ-драматургъ, *Евт. П. Карпова*	117
Г. К. Градовскій и съѣзды русскихъ писателей, *В. К. Кузнецова*	129
Поѣздка въ Ясную Поляну, *Григорія Градовскаго*	142
Г. К. Градовскій и Толстые (изъ переписки съ Л. Н. и С. А. Толстыми)	184
45 лѣтъ литературной дѣятельности	201
Печать о Г. К. Градовскомъ	207